

Олег Носков

ФИЛОСОФИЯ ДАРВИНИЗМА

Метафизические основания эволюционной теории

Предисловие 2008 года

Представленная здесь работа является расширенным и исправленным вариантом научной монографии 2005 года «Идеологический миф дарвинизма». Сюда добавлены две главы: «Эволюционизм и оккультная философия» и «Сотворение и естественный отбор», первоначально написанные в виде отдельных научных статей. Поскольку работа исходно писалась для публикации в научном издательстве, это, разумеется, отразилось и на стиле. Учитывая, что текст изначально предназначался для людей, сведущих в философии и эпистемологии, дело не обошлось без использования соответствующей терминологии. Возможно, широкому, так сказать, читателю, кое-что станет непонятным. Хотя должен сказать, что на особую оригинальность я здесь не претендую. Вещи, которые изложены в этой работе, кажутся мне настолько очевидными, что было бы слишком самонадеянным считать, будто никто их не заметил. О том, что дарвинизм есть чисто философское учение, указывал еще Николай Данилевский. Сегодня на философскую подоплеку эволюционного учения указывают и зарубежные авторы, например, профессор Филипп Джонсон. Я бы, со своей стороны, так охарактеризовал дарвинизм – это есть философская доктрина, изложенная с помощью **естественнонаучной терминологии**. Тут, так сказать, есть особая лингвистическая уловка (о чем в тексте сказано специально). Одновременно с тем, на уровне массового сознания данная философия служит в качестве своеобразного вероучения, заменяя традиционные религиозные доктрины (на эту тему будет написана отдельная работа). Удивляться тут не приходится, ведь в современном секуляризованном обществе философия неизбежно претендует на место религии. Достаточно вспомнить «диалектический материализм», по которому мы жили 70 лет. В общем, главная задача, поставленная мной в данном труде, - поставить под сомнение статус дарвинизма как естественнонаучной теории, выстроенной на якобы мощной эмпирической базе. На самом

деле основные положения этой доктрины выведены дедуктивным путем на основе некоторых постулатов, а точнее – догматов, истинность которых принимается на веру и не пересматривается до сегодняшнего дня. Не пересматривается – особо подчеркну – по сугубо **идеологическим** причинам.

Олег Носков. Новосибирск, март 2008 г.

Введение. О СУТИ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ

В данной работе эволюционная теория, а равно и связанное с ней учение о развитии органического мира, будет рассматриваться как метафизическая доктрина, содержащая в себе предпосылки определенной моральной философии. Для современного российского читателя подобный подход может вызвать недоумение, поскольку уже несколько поколений приучены к мысли, будто идея эволюции целиком находится в компетенции ученых-эмпириков и не только не связана с какой бы то ни было метафизикой, но наглядным образом ее опровергает. Именно эволюционная теория, как внушили многим из нас со школьной скамьи, является образцом подлинно «научного» объяснения мира. И все это якобы в противовес любым метафизическим трактовкам. Поэтому в сознании современного человека, закончившего хотя бы среднюю школу (не говоря уже об университетах), эволюционизм неизменно ассоциируется с естествознанием.

Такое понимание эволюционизма до сих пор считается чем-то само собой разумеющимся. В то же время для непредубежденного исследователя такое положение вещей выглядит довольно необычным и интригующим, учитывая то обстоятельство, что изначально идея эволюции была достоянием мистического пантеизма и философского идеализма. Даже в современную эпоху эволюционное учение нередко преподносится виднейшими философами с позиций все того же пантеизма или идеализма. Достаточно вспомнить таких выдающихся мыслителей, как Владимир Соловьев, Анри Бергсон и Тейяр де Шарден. Тем не менее, идея эволюции ассоциируется у большинства из нас с именами ученых-эмпириков, прежде всего с **именем Дарвина**. Переход этой идеи под «юрисдикцию» эмпирической науки представляет собой, пожалуй, самые впечатляющие страницы в истории развития западной культуры. Как и почему все это произошло, еще предстоит разобраться отдельно. Нас здесь интересует то, что вопрос о научном статусе эволюционизма остается открытым. С тех пор, как Жан-Батист Ламарк предложил своим коллегам-натуралистам осмыслить «порядок развития природы», споры по поводу научности эволюционизма не утихают. Хотя большинство наших современников, о чем мы только что упомянули, мало осведомлены относительно этих академических баталий.

Все же, несмотря на уверенное доминирование эволюционистов в современной науке, критика эволюционной теории постоянно возобновляется, а в последнее время заметно усилилась (мы не включаем сюда советский период российской истории, когда, по понятным причинам, критика эволюционизма была невозможна). Однако создается впечатление, что современный человек, воспитанный в духе эволюционизма, не очень-то спешит расстаться со знакомыми сюжетами о «вымирающих» динозаврах или волосатых «первопредках». Можно, конечно, подумать, будто противникам эволюционизма не хватает убедительности или более основательных аргументов в пользу **научности** своей позиции. Ведь когда разоблачение эволюционной теории ведется, например, под флагом креационизма, всегда возникает законное подозрение в обскурантизме. Поэтому создается

впечатление, что современный человек просто отдает предпочтение тому, что представляется ему более научным, более логичным и обоснованным.

На самом же деле все получается прямо наоборот. Слабость противников эволюционизма именно в том, что они чрезмерно акцентируют внимание на научности своих контраргументов. Особенно это касается современных американских креационистов, выдающих учение о сотворении мира в качестве **научной теории**, якобы более доказуемой на основе фактических данных, нежели теория эволюции¹. В действительности же такая, сугубо сциентистская, постановка вопроса только усиливает позиции эволюционизма и ставит его противников в неловкое положение. Здесь нет ничего парадоксального. Как будет показано в этом труде, сила и влияние эволюционного учения как раз заключается в том, что оно не является научным (в современном понимании этого слова), а выполняет функции своеобразного вероучения, принимаемого без всякой серьезной критики. Замечу, что мысль эта далеко не нова. На данное обстоятельство нередко обращают внимание сами противники эволюционизма, включая тех, кто критикует его с позиций «научного» креационизма².

Сомнения в научном статусе эволюционизма высказывались еще в XIX веке, даже после выхода в свет знаменитого труда Ч. Дарвина. В свое время такой знаменитый критик дарвинской теории, как Николай Данилевский, посвятивший этой проблеме огромное двухтомное сочинение, прямо указывал на метафизическое содержание этой якобы научной доктрины. Как он пишет, «дело очевидно в том, что Дарвиново учение есть не только и не столько учение зоологическое и ботаническое, сколько вместе с тем, и еще в гораздо большей степени, учение философское». И далее: «Дарвинизм изменяет, переворачивает не только наши ходячие и наши научные биологические взгляды и аксиомы, а вместе с этим и все наше мировоззрение до самого корня, и притом как мировоззрение идеалистическое, так и материалистическое»³.

К сожалению, критики эволюционизма не придают указанному обстоятельству должного значения. Многочисленные статьи и брошюры, посвященные разоблачению «безбожного учения», сосредотачивают внимание на **научной несостоятельности** эволюционной теории, апеллируя к эмпирическим данным, физическим законам и математическим расчетам. Эти контраргументы кочуют из одной критической работы в другую, бесконечно повторяются и дополняются аналогичными данными. В частности, постоянно ссылаются на второй закон термодинамики, на недостаточность палеонтологических находок (отсутствие так называемых «переходных форм»), на новые археологические открытия, на неточность геохронологии, на теорию вероятности и т.д. Зачастую все это звучит весьма убедительно. Но каков практический результат? О чем свидетельствует такая критика? Она свидетельствует только о том, что эволюционизм преимущественно рассматривается в плоскости научного естествознания, то есть рассматривается именно **как научная теория**. А это, в свою очередь, только подтверждает его **научный статус**.

Как убедительно когда-то показал Карл Поппер, любая подлинно научная теория всегда предоставляет возможность для ее эмпирического опровержения. Теории, которые, согласно Попперу, в принципе невозможно опровергнуть (подвергнуть, как он выражается, «фальсификации») нельзя считать подлинно научными. Эти теории будут псевдонаучными. Их особенность заключается в том, что они совершенно не подлежат эмпирической проверке. Такая «теория» легко подстраивается под любой факт, без особого труда может предложить «объяснение» любому непонятному явлению. К разряду

¹ См., например: Томас Хайнц. Творение или эволюция? - Чикаго, 1990.

² См., например: Дуэйн Гиш. Ученые-креационисты отвечают своим критикам. – СПб., 1995. С. 20 – 45.

³ Н.Я. Данилевский. Дарвинизм. Т. 1, Часть 1. - СПб, 1885. - С. 7.

псевдонаучных теорий Поппер относил психоанализ Фрейда и теорию исторического развития Маркса. Правда, его мнение насчет эволюционной теории не было столь категоричным и во многом оставалось весьма благожелательным.

Таким образом, опровергать эволюционизм с научных позиций (то есть с позиций современного естествознания) есть не самый продуктивный подход в деле ниспровержения этого учения. Научная критика была актуальна при решении частных вопросов, когда, например, шел спор об изменяемости или неизменности видов. Это специальные вопросы, находящиеся в компетенции специалистов соответствующего профиля. При этом, как показала практика, даже когда подобный вопрос решался отнюдь не в пользу эволюционной теории, сама идея эволюции от такого решения нисколько не страдала. У нее всегда находились яростные сторонники, которых нисколько не смущала убедительность контраргументов противников, какими бы подлинно научными они ни были. Споткнувшись в одном месте, сторонники эволюционизма выбирали другие пути, искали другие факты, выдвигали новые теоретические положения. Все их усилия были направлены на то, чтобы как раз обосновать научность своих взглядов. И их противники предоставляли им такой шанс как раз тем, что, идя на поводу у эволюционистов, переводили полемику в научное русло.

Например, против теории Дарвина было выдвинуто огромное количество чисто научных доводов, причем, весьма здравых и убедительных. Достаточно сослаться на упомянутый труд Николая Данилевского, где более тысячи (!) страниц посвящены научному разоблачению дарвинизма. Данилевский с поистине немецким педантизмом привел груды эмпирического материала, перечеркивающего всю мнимую убедительность дарвинской аргументации. Мало того, новые открытия постоянно ставят под сомнение основные положения этой теории (достаточно упомянуть фундаментальное исследование Майкла Кремо и Ричарда Томпсона «Неизвестная история человечества», вызвавшее нападки со стороны известных представителей эволюционной антропологии). Тем не менее, это вряд ли сможет поколебать авторитет дарвинского учения. Дарвинизм в любом случае будет преподноситься его сторонниками в качестве стопроцентно научной теории, несмотря на обильную критику. И все потому, что подлинная суть дарвинизма лежит **вне рамок научной аргументации**. Сводить несостоятельность этого учения к отсутствию злополучных «переходных форм», как это делают американские креационисты, значит отвлекаться от его подлинной сути, которая совершенно неуязвима для научной критики. Говоря по другому, дарвинисты ревностно отстаивают свое учение не в силу его логической состоятельности или эмпирической достоверности, а в силу именно тех положений, что научно совершенно недоказуемы (а, стало быть, и непроверяемы). И если одни «аргументы» на определенном этапе становятся для дарвинистов, так сказать, устаревшими, то им на замену подбираются другие. Такова особенность любой псевдонаучной теории. И опровергать ее с научной позиции можно до бесконечности и без всяких положительных результатов.

Интересно, что современные креационисты (такие, например, как Дуэйн Гиш) прекрасно разбираются в указанных гносеологических тонкостях. Однако, несмотря на это, они упорно переводят полемику в русло научной критики, не придавая философской стороне проблемы первостепенного значения. Похоже, так сложилось исторически, еще со времен знаменитого спора между Жоржем Кювье и Жоффруа Сент-Илером. Как ученый-эмпирик, Кювье, безусловно, был на высоте, хотя его оппонент так и остался при своем, до конца дней затаив обиду на величайшего натуралиста. Но суть проблемы заключается здесь не в том, кто из них был прав, а кто нет. Не столь уже и важно, имеют ли все живые существа единый план строения (как настаивал Жоффруа Сент-Илер) или между классами животных нет никаких переходов (как утверждал Кювье). Суть проблемы в другом - в

обоих случаях **средствами научного естествознания** отстаивались **метафизические идеи**. Правда, если откровенный креационист Кьюве давал себе в том полный отчет и несколько не отрекался от приверженности христианским воззрениям, то его оппоненты преследовали иную задачу - узаконить под видом естественнонаучной теории вполне законченную метафизическую доктрину. Если креационисты четко отделяют пространство религии от пространства научного естествознания, то эволюционисты и то, и другое смешивают воедино, выдавая свое вероучение за науку. Именно поэтому научная критика эволюционизма зачастую оказывается столь бесплодной, ибо, подчеркнем еще раз, в рамках самой науки опровержение определенных теорий, положений и гипотез является делом совершенно **нормальным** и даже необходимым. Опровергая эволюционную теорию с научной точки зрения, вы включаете очень серьезную и очень острую **философскую проблему** в рамки обычной научной полемики, лишняя раз предоставляя эволюционистам повод выступить от имени науки. Тем самым декларируемый научный статус их идей всякий раз приобретает желаемую легитимность.

Поэтому совсем неудивительно, что эволюционное учение так прочно ассоциируется не с метафизикой, не с философией, а именно с естествознанием. Говоря об эволюции, неизбежно апеллируют к Дарвину, Ламарку, Гексли, то есть к тем, кто имел непосредственное отношение к эмпирическим изысканиям. В меньшей степени вспоминают «чистых» философов, вроде Спенсера, Конта или Энгельса. Они идут как бы в «довесок» к перечисленным «корифеям» от эмпирической науки. Еще меньше вспоминают мистический пантеизм Гете или Геккеля, хотя тот и другой были страстными эволюционистами. Последний - Эрнст Геккель - с таким же усердием пропагандировал учение об одушевленной материи, с каким он распространял учение Дарвина. Кстати, странная восторженная приверженность дарвинскому учению со стороны всевозможных мистиков, философов и идеологов до сих пор еще не получила должного разъяснения. Странность ее как раз в том, что учение Дарвина любили и почитали мыслители самых разных, казалось бы, направлений. Дарвина одинаково чтили английские либералы, немецкие расисты и советские коммунисты. Не будем здесь рассуждать о мотивах. Отметим лишь одну простую вещь: если бы эволюционное учение Дарвина действительно ниспровергало всякую метафизику, то вряд ли бы оно нашло столь страстную приверженность среди тех, кто все свою жизнь потратил на обоснование определенных метафизических воззрений. И если даже мистически одержимые теософы брали в свои союзники Дарвина, значит, дарвинская аргументация была в полном согласии с некоторыми метафизическими идеями.

Можно было бы, конечно, сказать, что такой успех дарвинского учения есть следствие его научной объективности. Но в таком случае подобная «научная объективность» очень удачно согласуется с теософскими и пантеистическими идеями. И нам только остается выяснить, в чем именно выражается такое согласие, где конкретно находятся точки соприкосновения между научным (как принято считать) эволюционизмом и оккультно-пантеистическим учением? Только так мы можем выяснить подлинную суть эволюционизма, включая знаменитую теорию Дарвина.

Понятно, что данную задачу невозможно решить с помощью научной критики. Поэтому в настоящем труде не будет никаких апелляций к новейшим научным открытиям и какому-либо эмпирическому материалу. Очень часто ученые-эволюционисты отделяются от своих критиков тем, что обвиняют их в научной некомпетентности. Так, например, вел себя Томас Гексли во время знаменитого спора с епископом Вильберфорсом. Современные эволюционисты ведут себя точно так же, обвиняя своих оппонентов в плохом знании естественных наук. Такая позиция становится вдвойне выигрышной, если критика осуществляется со стороны представителя гуманитарного знания. Ведь если

эволюционизм признается естественнонаучной теорией, то гуманитариям, вроде бы, ничего другого не остается, как молча принять выкладки «серьезных» специалистов.

Однако в этой работе мы исходим из того, что основные положения эволюционизма, которые в наше время столь бдительно охраняются упомянутыми «серьезными» специалистами, не стоят ни в какой связи с методами и задачами современного естествознания и совершенно ими не определяются. Основные положения эволюционизма **полностью автономны от эмпирической науки** и находятся в области чистого умозрения. Соответственно, мы должны подвергнуть их не научной, а **философской критике**. Как раз опыт такой философской критики и представлен на страницах данной работы.

По моему мнению, нет необходимости обращаться к новейшим научным открытиям, чтобы раскритиковать теорию, противоречивую в самих своих основах. Нет смысла приводить факты там, где налицо некорректность в способах доказательств. Все это без труда обнаруживается при внимательном изучении эволюционной теории. Ее слабое место отнюдь не в отсутствии эмпирических данных, а в тех противоречиях и несуразицах, что неизбежно сопровождают любое учение, необоснованно претендующее на научность. Например, не имеет значения, найдены или не найдены «переходные формы», если само понятие «переходная форма» с научной точки зрения совершенно бессмысленно и является не более, чем интеллектуальной фикцией. Какой фрагмент реальности может соответствовать этому целиком воображаемому объекту, параметры которого задаются совершенно произвольно и в зависимости от субъективных выкладок самого исследователя? Точно так же нет никакого смысла серьезно обсуждать проблему происхождения видов, если абсурдна сама постановка такой проблемы. Надо ли прибегать к научным доводам там, где мы сталкиваемся с некорректной аргументацией и прочими, довольно грубыми, нарушениями формальной логики? Подобная **логическая несостоятельность** для ученых эволюционистов давно уже стала привычной нормой, однако это обстоятельство научная критика, как правило, никогда не ставит во главу угла, больше полагаясь на убедительность «разоблачающих» фактов. Даже Данилевский уделил логическим ошибкам Дарвина очень скромное место, приведя их в заключении основной части своих грандиозных критических исследований⁴.

Тем не менее, именно логическая несостоятельность есть самое слабое место эволюционного учения. Скажу больше того: необычайная популярность эволюционизма стала возможной только благодаря сильному снижению уровня философской культуры у европейских ученых второй половины XIX века. Иными словами, популярность эволюционизма есть следствие заметной деградации европейского образования, когда люди, не имеющие должной академической подготовки, могли без особого труда попасть в число ученых и претендовать на создание научных теорий. В Англии, например, ученым-натуралистом мог запросто стать любой амбициозный судебный врач. Так случилось с Томасом Гексли, ревностным защитником Дарвина. О том, как Гексли понимал суть научного исследования, красноречиво свидетельствует следующий пассаж: «Метод научного исследования есть не что иное, как необходимая форма деятельности человеческого ума; он не более, как простой способ, при помощи которого мы точно и отчетливо объясняем себе все явления. Между способом мышления ученого и простого человека не существует иного различия, кроме того, которое мы наблюдаем между методами и операциями булочника или мясника, вешающего свои товары, и операциями химика, выполняющего с помощью своих весов и мелких долей веса сложный и трудный

⁴ См.: Н. Я. Данилевский. Дарвинизм. Т.1, Часть 2. С. 463 - 476.

анализ»⁵. Гексли откровенным образом отмечает стандарты научного познания, разработанные основателями современного естествознания. «Я утверждаю, - заявляет он, - что из множества жалких слов нет, на мой взгляд, более презренных, чем эти ложно-научные толки о «Бэконовской философии»»⁶.

Между прочим, и сам Дарвин не имел серьезного академического образования, а в натуралисты он попал совершенно случайно, благодаря своей страсти к коллекционированию жуков (что, возможно, передалось ему от своего деда, известного в ту пору ученого-натуралиста). Для обычного естествоиспытателя-эмпирика, описывающего флору и фауну различных уголков земли, это вполне нормально. Но создание **теории** требует от ученого очень высокой **культуры мышления**, что, прежде всего, дается серьезным философским образованием. И если Карл Линней или Жорж Кювье в молодости тщательно штудировали Аристотеля, то новое поколение натуралистов из числа бывших судовых врачей и путешественников уже не утруждало себя подобными интеллектуальными занятиями. Прагматичный дух эпохи игнорировал философские тонкости и требовал фактов. Факты, разумеется, требовали осмысления, однако, как было сказано, культура мышления понизилась настолько, что осмысление часто оказывалось, мягко говоря, недостаточно адекватным. Как указывает Данилевский, теория Дарвина ложна не потому, что ей противоречат некоторые факты, а потому, «что из них сделаны были выводы по недостаточно строгой логической методе»⁷. И здесь речь не может идти о простой оплошности, поскольку Дарвин, подобно своим почитателям, также откровенно игнорировал существующие научные стандарты. По замечанию Данилевского, «Дарвин видит как бы некоторую нелогичность, придиричивость, излишнюю притязательность в требовании от теории полного объяснения всей категории явлений, которую она взялась объяснить, и как бы **не признает законности** (здесь и далее выделено мной - О.Н.) такой **излишней**, по его мнению, требовательности; как бы ставит ее в укор своим противникам»⁸.

Так или иначе, вольное и далеко не научное обращение с фактами стало для последователей Дарвина нормой. Простой пример. Во конце XIX века молодой голландский натуралист Эжен Дюбуа, наслушавшись лекций Геккеля о питекантропе, после долгих лет мучительных поисков представил, как ему казалось, «фактические доказательства» в пользу этого вымышленного существа, изобретенного неуемной фантазией немецкого профессора-дарвиниста. «Доказательство» состояло из двух костей: бедренной кости со следами болезни и верхней части черепной коробки. Бедренная кость свидетельствовала о прямохождении, а черепная коробка, судя по всему, принадлежала обезьяне. Обе кости были найдены внутри одного из холмов на острове Ява, валяясь там вперемешку с другими костями. Почему именно эти две кости привлекли внимание молодого натуралиста? Ответ прост: обе они как бы соответствовали воображаемому параметрам питекантропа - прямоходящая фигура и обезьянья голова (именно таким изображал нашего «первопредка» Геккель - духовный наставник Дюбуа).

Что во всей этой истории бросается в глаза истораживает более всего? Нестораживает та невероятная легкость, с которой молодой ученый отыскивает «фактические доказательства» и без особого смущения представляет их на суд публике (безусловно, надеясь на поддержку). Расчет Дюбуа в конечном итоге оправдался: в кругах ученых-эволюционистов его до сих пор именуют не иначе, как «рыцарем науки». Однако

⁵ Т. Гексли. О причинах явлений в органическом мире: шесть чтений, читанных рабочим. - СПб, Тип. Ю.Н. Эрлих, 1897. - С. 67.

⁶ Там же, указ соч. С. 65.

⁷ Н. Я. Данилевский. Дарвинизм. Т. 1, Часть 2. - С. 477.

⁸ Там же. С. 476.

почитатели этого «рыцаря» совершенно не дают себе отчета в том, что подобным методом, какой использовался при «доказательстве» существования питекантропа, можно запросто доказать существование... кентавра, сказочного Пегаса, русалки, Химеры, грифона и любого другого фантастического существа, хоть самого черта с католической иконы. На сей счет в адрес Дюбуа сыпались вполне резонные возражения, но, как мы понимаем, все они, в конце концов, потонули в хоре восторженных восклицаний «единоверцев». Надо признать, что во времена Фомы Аквинского ученое сообщество было более сдержанным.

Не менее интересно и то, что комиссия берлинского Общества антропологии, исследовавшая находку Дюбуа, не подвергла сомнению **сам способ** подобных «доказательств», а принялась анализировать останки, пытаясь выяснить их подлинную принадлежность и тем самым вынести окончательный вердикт насчет питекантропа. Иначе говоря, ученые перевели обсуждение проблемы в эмпирическую плоскость (что опять же красноречиво свидетельствует о философской культуре данного сообщества). Заключение большинства членов комиссии (оно было отрицательным) большой роли в данном случае не играет по причине совершенно непринципиальной постановке вопроса: останки, представленные Дюбуа, не могли принадлежать питекантропу только потому, что они, оказывается, принадлежали гиббону. Так был создан прецедент, абсурдный даже с точки зрения простого здравого смысла. Абсурдный именно потому, что подобная экспертиза допускалась для установления подлинности... воображаемого, целиком выдуманного объекта⁹. Поясню: эксперт компетентен лишь в отношении того, что ему доподлинно известно, с чем он неоднократно сталкивался на практике. Если же питекантроп существовал **только в воображении**, то где мог найтись такой специалист, который был бы в состоянии установить, принадлежат ли данные кости питекантропу или не принадлежат? В сложившейся ситуации отрицательный приговор можно всегда парировать очень удобным и с виду вполне «научным» умозаключением: если данные кости установлены как принадлежащие гиббону, значит питекантроп имел признаки... гиббона. Нефальсифицируемая (то есть псевдонаучная, согласно Попперу) гипотеза всегда будет находить лазейку для подобного рода «агументации» своих утверждений. И попробуйте на это чем-либо возразить, коль единственным «специалистом» по питекантропам был тот, кто его изобрел, а именно Эрнст Геккель (он, кстати, будучи членом упомянутой комиссии, вынес **положительное** заключение, назвав представленные останки «типичными» для «питекоидных предков»).

Как мы понимаем, смущает здесь не то, насколько верно (или неверно) была установлена подлинная принадлежность упомянутых останков. Смущает то, что подобная экспертиза по поводу питекантропа **допускалась в принципе**. Эволюционизм занял господствующие позиции именно вследствие того, что был неосмотрительно допущен для научного обсуждения в среду ученых-эмпириков. Конкретные выводы и аргументы сейчас не имеют значения. Основная проблема заключается в том, что в научном сообществе магия сомнительных фактов стала откровенно довлеть над убедительностью доводов трезвого мышления. Если бы не это обстоятельство, эволюционизм (под своим подлинным названием - «философия трансформизма») так и остался бы достоянием оккультных кружков и поэтических сообществ. Он был бы таким же маргинальным и чуждым точной науке учением, как современная теософия или уфология. Еще во времена Кювье эволюционизм воспринимался как праздное и несерьезное увлечение. В среде серьезных ученых той эпохи коллега-эволюционист был таким же недоразумением, как сегодняшней физик, стремящийся увязать явления электромагнетизма с теософским учением об

⁹ Справедливости ради надо отметить, что такой выдающийся специалист по анатомии, как Рудольф Вирхов, категорически отказался участвовать в этой надуманной «экспертизе».

астральных мирах. Правда, нынешним ученым хватает здравого смысла не устраивать серьезные дискуссии с приверженцами оккультизма. Однако прославленные ученые XIX века оказались не столь дальновидны, допустив научную полемику с эволюционистами. Опираясь на ошибочную эпистемологию, они были уверены, что любое ложное учение неизбежно сдаст позиции под напором неопровержимых научных аргументов. Они не учли того обстоятельства, что псевдонаучная теория, под каким бы видом она ни выступала, черпает свою силу из безудержного и неистощимого человеческого воображения, перед которым меркнут доводы рассудка и все достоверные факты. Научная аргументация - совсем не то оружие, которое было бы способно оттеснить эволюционизм на его изначальное место - в среду оккультистов и мистических поэтов.

Жорж Кювье, отрицавший всякие «переходные формы», однажды неосмотрительно предложил эволюционистам предоставить ему «переходные» останки лошадиных предков. Спустя столетие эволюционисты уже с нескрываемым злорадством вспоминали великого натуралиста, с уверенностью демонстрируя доверчивой публике несколько поколений «предков» современной лошади. Опрометчивость Кювье как раз и заключалась в том, что он потребовал от сторонников «поэтической веры» (как он сам характеризовал эволюционизм) эмпирических доказательств. Понятно, сам Кювье был эмпириком и такая опрометчивость ему простительна. Если бы отвлеченные суждения эволюционистов рассматривались им в сугубо философской плоскости, то прежде всего пришлось бы серьезно проанализировать саму категорию «переходная форма». А вслед за этим неизбежно возник бы следующий вопрос: что означает «обнаружить переходную форму»? Но, поскольку противники эволюционизма сами открыли дорогу для эмпирической проверки основных положений этого учения, они, не подозревая, уже **в принципе** допустили саму возможность реального существования «переходных форм» и тому подобных фикций.

Очень часто эволюционистов (опять же с чисто научной позиции) упрекают в фальсификации данных, в избирательном отношении к фактам, в тенденциозной интерпретации, в приспособлении эмпирического материала к теории и т.д. Подобные упреки далеко небеспочвенны. Все «первопредки» современных животных, выставленные в эволюционистском «бестиарии» (включая, конечно, и «предков» лошади) есть результат откровенной фальсификации или подгонки данных. То же самое касается и «предков» человека. Такие «факты», как правило, рассчитаны на людей малосведущих (начиная со школьников), а в кругу самих эволюционистов фальсификации и подгонки есть необходимый компонент их своеобразной методологии. Эрнст Геккель, например, для обоснования своего «биогенетического закона» откровенно искажал изображения человеческих эмбрионов, а потом без всякого смущения признавался в этом (замечая, что так поступали все великие ученые)¹⁰.

Нельзя сказать, что тенденциозность и подгонка фактов к теории присуща только эволюционистам. Это вообще, надо признать, характерная черта науки. Любая теория всегда упрощает и искажает реальность, сообразуясь с задачами исследователя. Идеальной науки еще не создано. Быть может, эволюционисты злоупотребляют этим больше, чем следует. Однако их ненаучность проявляется совершенно в другом. Проблема в том, что эволюционистам для обоснования своих основополагающих догм в принципе **нет необходимости подгонять факты под теорию**. Они могут пойти обратным путем, а именно **саму теорию подгонять к фактам**. Не обнаружили «переходных форм»? Не беда! «Переходных форм» и не могло быть, поскольку (прошу внимания!) эволюция происходит скачками (гипотеза так называемого «пунктирного (punctuated) равновесия», выдвинутая в начале 70-х американскими палеонтологами-неодарвинистами Н. Элриджом

¹⁰ См.: С. Л. Головин. Эволюция мифа. Как человек стал обезьяной. – Новосибирск, 2000. С. 29 – 35.

и С.Дж. Гоулдом). Нет доказательств, что неандерталец был предком современного человека? Нет проблем! Неандерталец и не мог быть нашим прародителем, поскольку он оказался «тупиковой ветвью эволюции».

Подобная находчивость эволюционистов в изобретении всевозможных допущений *ad hoc* до сих пор выдается за способность к научной аргументации. Совершенно ясно, что при таком «вольном-поэтическом» отношении к предмету всякая серьезная научная полемика окажется бессмысленной и даже смехотворной. Нельзя серьезно дискутировать о воображаемых вещах, когда ваш оппонент с легкостью художника готов изобретать любые сюжеты. Эволюционизм давно бы обнаружил свою полную научную несостоятельность, если бы он имел хоть малейшее отношение **к практике**. Но покуда это учение простирается только в границах общественного сознания, его практическое значение сопоставимо только со значением работ художников, поэтов и философов (не будем же мы, в самом деле, говорить о практическом значении экспериментов с мушкой-дрозофилой!). Впрочем, если бы эволюционисты выдавали себя за художников, ни о какой дискуссии, как мы понимаем, не было бы и речи. Но они выдают свои построения за **научные истины**, а потому здесь мы уже имеем дело с сознательной попыткой ввести в заблуждение. И с таким положением вещей мириться нельзя.

Итак, подводя итог всему выше сказанному, мы так определим наш подход к эволюционному учению. Поскольку эволюционизм не является наукой в точном значении этого слова, а только **имитирует научность**, научная дискуссия с представителями этого учения не представляется возможной. Соответственно, становится бессмысленной и научная критика эволюционизма. Поэтому научной критике мы противопоставляем критику философскую. Что это означает? Это означает, что эволюционное учение будет рассматриваться не с точки зрения истинности тех или иных утверждений, концепций и т.д. Оно будет рассматриваться с точки зрения его **логической формы**. Нас будет интересовать не то, что конкретно утверждается и доказывается, а то, **КАК** это утверждается и доказывается. Нас будет интересовать стиль, форма изложения, система понятий, категорий, выражений, используемых эволюционистами. В чем-то мы будем следовать тому, что в наше время принято называть герменевтическим анализом; в чем-то мы будем следовать по стопам Сократа и Аристотеля, исследуя логическую состоятельность эволюционистских умозаключений.

Используя философскую критику, мы как раз и постараемся показать, **почему** эволюционизм является именно метафизической доктриной и моральной философией. И почему его связь с современным естествознанием представляется нам весьма сомнительной. А также, насколько сможем, попробуем установить, в силу каких обстоятельств эволюционизм обосновался в науке и какова его подлинная роль в современном обществе.

Глава 1 К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

Если к чему по настоящему применим термин «эволюция», так это к самому эволюционному учению, которое в течение столетий постоянно модифицировалось, уточнялось, обновлялось и переосмысливалось. Идея самозарождения и саморазвития жизни сама по себе не является научным открытием. Ее вообще вряд ли можно отнести к разряду каких-либо научных достижений. Своими корнями она уходит в глубь времен, в

различные религиозные культы и древнюю натурфилософию. Она неизменно появляется там, где отрицается идея Божественного сотворения мира или там, где между миром и Богом стирается дистанция.

Древняя китайская натурфилософия, некоторые влиятельные философские учения Древней Индии совершенно не признают идею сотворения мира, как это было принято, например, в христианстве и исламе. В таких учениях высшее божество признается неким безликим началом, так или иначе проявляющим себя в мире. Древнеиндийские философы делали акцент на эманации, подчеркивая тесную связь мира с Божественным началом. В этой натурфилософской перспективе мир не рассматривался как результат внешнего творческого воздействия со стороны некой высшей силы. Он бесконечно самозарождается и саморазрушается. Иначе говоря - мир «эволюционировал», потом разрушался, после чего заново возникал и заново «эволюционировал». И так бесконечно. Надо заметить, что именно такой взгляд на мир в XIX веке пытался обосновать английский философ-эволюционист Герберт Спенсер (оказавший, кстати, немалое влияние на Дарвина).

В целом космогонические учения древности с их бесконечным циклическим процессом самозарождения и саморазрушения достаточно хорошо известны. Они были, если можно так выразиться, довольно типичны до появления христианского креационизма. Пантеизм и учение о цикличности были характерной составляющей дохристианского мировоззрения. Примерно так же смотрели на мир и мыслители древней Греции. При желании зачатки эволюционизма можно с успехом обнаружить в древнегреческой натурфилософии. Самозарождение мира признавали Фалес и его ученик Анаксимандр, о том же утверждали Анаксагор, Гераклит и Эмпедокл. А такие философы, как Демокрит и Лукреций были в наибольшем почете у советских авторов как величайшие античные мыслители, якобы заложившие основы материалистического мировоззрения и тем самым предвосхитившие современные эволюционистские взгляды на мир. Часто первым истинным эволюционистом признается Эмпедокл, который не только признавал саморазвитие органической жизни, но, можно сказать, еще до Дарвина поставил вопрос о выживании «благоприятных форм» (наиболее устойчивых и жизнеспособных)¹¹. Данилевский также обращает внимание на сходство между учением Дарвина и учением Эмпедокла. Сущность дарвинского учения, считает он, осталась Эмпедоклова. «И по Дарвину, - пишет Данилевский, - органическое существо есть мозаика случайно происходивших, совпадавших и накопившихся изменений, а процесс образования его - процесс калейдоскопический»¹².

В средние века идея самозарождения жизни была ключевым моментом алхимического учения. В эпоху Возрождения алхимия в европейских странах стала столь популярной, что оказывала влияние даже на мировоззрение церковников. Католические монахи без малейшего смущения рассуждали о самозарождении живых организмов, даже несмотря на то, что такие рассуждения противоречили Священному писанию. Однако в то же время их воззрения вполне согласовывались с учением Аристотеля, официально признанным философским авторитетом. В результате, благодаря популярности алхимии и авторитету Аристотеля, идея самозарождения жизни воспринималась в качестве некоей банальной «научной» истины вплоть до конца XIX столетия. Луи Пастеру понадобилось немало усилий, чтобы экспериментально опровергнуть эту оккультную догму. Но самое интересное, что горячими сторонниками этой догмы были (как нетрудно догадаться) ученые-эволюционисты и их идейные вдохновители.

¹¹ См.: Досократики. - Мн.: Харвест, 1999. - С. 592.

¹² Н. Я. Данилевский. Дарвинизм. Т. 1, Часть 2. С. - 525.

Так, сторонником идеи самозарождения был знаменитый натуралист XVIII века, автор популярнейшей многотомной «Естественной истории» Жорж Бюффон. Он не был эволюционистом в современном смысле этого слова, однако признавал постепенное развитие жизни, усовершенствование одних видов и вымирание других. Церковь не одобряла подобные взгляды, однако они отражали серьезные перемены в мировоззрении европейцев. Сама попытка написать некую «Естественную историю» (в противовес «Священной истории») была не просто банальной попыткой скопировать античность. Это была попытка создать новое мировоззрение, в корне отличное от христианского учения и подкрепленное **авторитетом науки** (а не авторитетом церкви). Бюффон не был крупным специалистом в какой-либо отдельной взятой научной области. Но он был блестящим стилистом и популяризатором. Его книги были обращены преимущественно к широкой аудитории, далекой от профессиональных научных исследований. Подобно тому, как церковь обращалась к массам, истолковывая им христианский взгляд на мир, книги Бюффона выполняли аналогичную функцию, обращаясь более к чувствам, воображению, чем к логике и фактам. Бюффон тоже мог рассуждать о чудесных вещах, вроде зарождения планет, но это уже были чудеса, освященные авторитетом другой, не христианской, культовой традиции. В XVIII веке, в эпоху Просвещения, это было уже модно (достаточно вспомнить в этой связи философское учение немецкого просветителя Иоганна Гердера, который вписал историю человечества в историю развития природы).

Как раз на этой волне «вольно-поэтических» популяризаций некогда оккультных идей и зародился эволюционизм, ставший своеобразным вероучением для некоторых европейских натуралистов. Говорить о том, что идея эволюции была своего рода новой «смелой» гипотезой, может только человек, либо слишком предвзятый, либо плохо изучивший историю вопроса. То, что первые эволюционисты находились под непосредственным влиянием оккультных идей, свидетельствуют известные факты их научной биографии. Так, признанный родоначальник эволюционной теории - Жан-Батист Ламарк - боролся с новой кислородной теорией Лавуазье, горячо отстаивая старую оккультную идею «огненного эфира». Другой эволюционист того времени - Вольфганг Гете - открыто исповедовал мистический пантеизм. На авторитет Гете прямо ссылается дарвинист Эрнст Геккель, рассматривая эволюционную теорию (или теорию трансформизма, как было принято обозначать ее изначально) в контексте пантеистического мировоззрения¹³. С Гете был солидарен поклонник Ламарка Этьенн Жоффруа Сент-Илер. Идея «прафеномена», которую он отстаивал во время знаменитого спора с Кювье, имела тот же оккультный источник, что и идея самой эволюции.

Кроме того, сам термин «эволюция» оказался своеобразной терминологической уловкой. Изначально под эволюцией понимали процесс развития эмбриона. В дальнейшем данный термин, используя соответствующую аналогию, стали применять для обозначения процесса, который до этого назывался, как было указано выше, «трансформизмом» или «трансмутацией». «Трансформизм» («трансмутация») был **алхимическим** термином. Таким образом, отстаивая идею эволюции, эволюционисты на деле отстаивали опять же старую оккультную идею трансмутации - точно так же, как Ламарк отстаивал другую оккультную идею - идею «огненного эфира». В этом плане противодействие эволюционизму было не реакционной, а наоборот, **прогрессивной** научной тенденцией - поскольку, как мы видим, борьба со стороны противников эволюционизма - от Кювье до Пастера - велась не с «новой» гипотезой, а с архаичной, уходящей корнями в **дохристианскую** древность, идеей. И если в споре с теорией Лавуазье Ламарк признается «отсталым» и некомпетентным, то почему в споре с Кювье его принято считать «прогрессивным»? Тем более, что его взгляды на происхождение видов даже сами эволюционисты признают не только фантастическими, но и анекдотичными.

¹³ Э. Геккель. Естественная теория миротворения. - Лейпциг - С. Петербург, 1908. - С. 15 - 19.

Указанный период: конец XVIII - первая половина XIX веков, в истории эволюционизма принято обозначать «додарвиновским». На этом этапе эволюционизм потерпел очевидный крах. Причем поражение ему нанесли не церковники, а именно ученые-естествоиспытатели. Связь эволюционизма с оккультными идеями средневековья была выражена еще весьма отчетливо. Да и сами творцы эволюционного учения не особо скрывали свои пристрастия к оккультизму - ни по части стиля изложения, ни по части отдельных утверждений. Так, например, Ламарк объясняет изменения органов воздействием особых флюидов - вполне в духе средневековых ученых. Он верит в особую жизненную силу, рассуждает о «жизненных движениях», всерьез заявляет о постоянном самозарождении простейших организмов. «Всякое тело, обладающее жизнью, - пишет Ламарк, - постоянно или временно оживляется *особой силой*, беспрестанно возбуждающей движения в его внутренних частях»¹⁴. Говоря о флюидах, якобы возбуждающих «органические движения», Ламарк указывает, что «главная роль принадлежит следующим двум из них, а именно *теплороду* и *электрическому флюиду*». «Они, - заключает он, - и являются непосредственно теми факторами, которые вызывают оргазм и внутренние движения и которые обуславливают и поддерживают жизнь в организованных телах»¹⁵. Подобные рассуждения есть наследие средневековья. В начале XIX века такой способ объяснения уже справедливо считался архаическим. Поэтому труды Ламарка по эволюции вряд ли можно в научном отношении назвать прогрессивными.

Но именно Ламарк создал эволюционную систематику, которая отражала воображаемое развитие животных от простейших форм до самых высокоорганизованных. И эта схема принимается эволюционистами как непреложная истина, как своеобразная догма, принимаемая на веру. Таинственные «флюиды» были в дальнейшем отброшены, но схема осталась.

Во второй половине XIX века эволюционисты перешли в наступление. У них появился новый козырь - теория естественного отбора Чарльза Дарвина. Так начался второй этап в истории эволюционизма. В чисто стилистическом плане дарвиновское учение резко контрастировало с «вольными-поэтическими» сочинениями Ламарка, Гете и Сент-Илера. Дарвинизм был откровенно **научообразен**. Труды Дарвина и его последователей практически не вызвали никаких ассоциаций с оккультизмом. Причина такой заметной стилистической перемены - в очевидном влиянии позитивистской философии, завоевавшей в Англии серьезные позиции. Как заявлял философ-позитивист Герберт Спенсер (оказавший, как было сказано, несомненное влияние на Дарвина): «Объяснение всех явлений в терминах вещества, движения и силы является не более как сведением сложных символов нашей мысли к простейшим символам ее»¹⁶. Следуя Спенсеру, даже совершенно отвлеченную проблему можно изложить в терминах физической науки. Такая нарочитая «сциентизация» сугубо философских проблем отражает характерный для того времени дух позитивизма, возобладавший в европейских академических кругах. Дарвин не был исключением, а потому свои мысли об эволюции выразил в соответствии с духом эпохи - в строгих научных терминах «вещества, движения и силы».

Дарвин, в отличие от своих предшественников, полностью исключил телеологию, что еще больше придало его теории научный вид. Бесчисленные ссылки на эмпирические данные, использование строгой научной лексики сделали свое дело - дарвинизм выглядел вполне современно, вполне в духе времени. Это дало повод сторонникам Дарвина считать эволюционную идею научно доказанной. Здесь уже не было никаких оккультных

¹⁴ Ж.-Б. Ламарк. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. - М.: Изд-во Акад. Н. СССР, 1955. - С. 455.

¹⁵ Там же. С. 485.

¹⁶ Герберт Спенсер. Основные начала. - Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Логансона, 1898. - С. 337.

«флюидов», никаких фантастических «прафеноменов», никакой возвышенной поэтики. Все было по-английски сдержанно и сухо. Благодаря этим стилистическим усовершенствованиям теория Дарвина до сих пор преподносится как величайшее и (самое главное) «прогрессивное» научное достижение.

Дарвинскую теорию не без оснований можно рассматривать как своего рода эволюционистский демарш, как совершенно сознательную попытку любой ценой обосновать идею эволюции, вернуть утраченные позиции, сокрушить теорию катастроф. Это был самый настоящий коллективный проект, в котором Дарвин играл далеко не главную роль. Его работа над «Происхождением видов» осуществлялась не столько по зову сердца и разума, сколько под настойчивым воздействием коллег. Интересно, что после публикации своей «сенсационной» книги Дарвин не принимал никакого участия в дебатах. За него это делали его коллеги-эволюционисты - что лишний раз доказывает корпоративное начало во всей этой компании по «продвижению» теории естественного отбора.

С тех пор, как Кьюве убедительно доказал несостоятельность эволюционизма в знаменитом споре с Жоффруа Сент-Илером, эволюционисты сделали для себя очень важный вывод: одних рассуждений и звучных метафор вовсе недостаточно для того, чтобы обосновать свое учение. Если оно претендует на статус научной теории, то ему нужны конкретные факты, убедительные опытные данные. Именно спор с Кьюве выявил слабое (с научной точки зрения) место эволюционизма - отсутствие надлежащей эмпирической базы. Это было учтено на будущее. Поэтому Дарвин, напутствуемый своими компаньонами, много лет потратил на сбор разнообразнейшего эмпирического материала, способного якобы подтвердить правоту выдвигаемых положений. Дарвинисты вели себя уже не как философствующие поэты или мечтатели, а как стопроцентные ученые-эмпирики. К началу XX века они могли уверенно говорить о триумфе, если бы не одно омрачающее обстоятельство - появились новые факты и новые открытия, которые им, как ученым, надлежало принимать, но которые совершенно не согласовывались с их теорией.

Во-первых, никаких «переходных» форм, предрекавшихся Дарвином, так и не было обнаружено. Во-вторых, благодаря новейшим исследованиям было установлено, что живая клетка - это сложнейшая и тонко организованная система, вряд ли способная появиться в результате случайных комбинаций органических соединений. Дарвин, придерживаясь средневековых взглядов на зарождение жизни, не мог допустить, что «простейший» организм на самом деле намного сложнее всех мыслимых механических конструкций. Ни Дарвин, ни его коллеги не уделяли какого-либо серьезного внимания проблеме возникновения жизни из неживой материи. В ту пору (еще до экспериментов Пастера) идея самозарождения считалась вполне научной и нередко принималась в качестве своеобразной биологической аксиомы. Поэтому дарвинисты сосредоточились на том, на чем в свое время «погорели» Ламарк и Сент-Илер - на проблеме происхождения видов (включая и человека). В конце концов споры об обезьяньем «прародителе» настолько поглотили научную общественность, что вопрос о том - «каким образом могла зародиться жизнь?» - не получил у дарвинистов какой-либо серьезной проработки как раз ввиду их поглощения более злободневной (на тот период) темой антропогенеза.

Тем не менее, вопрос о происхождении жизни требовал объяснения. Особенно после того, как открытый Менделем закон наследственности получил новые подтверждения в рамках генетики. Мало того, обнаруженные в 1950 году молекулы ДНК показали невероятную наивность дарвинистов во взглядах на происхождение видов. Их главный конек все больше и больше вступал в противоречия с данными эмпирической науки, от имени

которой дарвинисты пропагандировали свое учение. В свете новейших открытий теория Дарвина выглядела уже откровенно архаичной. Допустить же ее устаревание эволюционисты не могли. Приходилось, что называется, отвечать на вызовы времени. Ответом стало появление **неодарвинизма**. Так начался третий этап в развитии эволюционного учения.

Начало неодарвинизму было положено еще в начале 40-х годов XX века, в самый разгар Второй мировой войны. Все началось со съезда, организованного Ассоциацией американских геологов. В работе съезда приняли участие некоторые известные генетики, палеонтологи и зоологи (в их числе - Джулиан Хаксли, потомок Томаса Гексли, одного из наиболее рьяных соратников Дарвина). По сути дела, это была организация очередной компании по «продвижению» эволюционной теории. Участники съезда решили совместными усилиями «подкорректировать» учение Дарвина, согласовав его с новыми научными открытиями. Итогом коллективного творчества стала так называемая «Современная синтетическая теория эволюции», в рамках которой дарвиновское понятие «естественного отбора» дополнилось понятием «случайная мутация».

Дальнейшие попытки эволюционистов разрешить неизбежно возникающие перед ними трудности привели к созданию в начале 70-х годов модели «скачкообразной («сальтационной») эволюции». Ее авторами стали американские палеонтологи Н. Элдридж и С. Дж. Гоулд. Почему именно палеонтологи? Дело в том, что как раз исследования палеонтологов опровергали дарвинскую версию ступенчатой («градуальной») эволюции. Надежды на обнаружение «переходных форм», как было сказано, не оправдались. Это обстоятельство требовало срочного объяснения. Выход был найден благодаря созданию указанной модели. В результате эволюционисты разделились на «градуалистов», то есть сторонников постепенных, медленных изменений, и на «сальтационистов» - сторонников резких скачков. Позиция первых считалась устаревшей и не соответствующей новым открытиям. Сальтационизм оказался спасением для дарвинской теории, хотя совершенно перечеркивал ее изначальный замысел.

Надо напомнить, что со времен Ламарка ссылка на малозаметные изменения, происходящие в течение многих лет, была главным аргументом эволюционистов в защиту своей теории. Положение о том, что в природе нет каких-либо скачков (*Natura non facit saltus*) принималось эволюционистами той поры (включая и Дарвина) в качестве аксиомы. Ламарк всецело уповал на чудодейственную силу времени, за что получал насмешки от Кювье. Дарвин рассуждал аналогичным образом. Безгранично длинное время было для него решающим фактором в деле образования новых видов. Для этого необходимо было обосновать необычайную длительность истории Земли, нужно было растянуть геологическое время на миллионы лет. Только ссылаясь на такую трудно представимую продолжительность геологических эпох, можно было обосновать какие угодно перемены в жизни земных организмов. Дарвину такую возможность предоставило учение геолога Чарльза Лайеля, который с помощью нехитрых экстраполяций обосновал модель постепенных и необычайно медленных геологических изменений. Следуя теории Лайеля, история нашей планеты якобы исчисляется миллионами лет. Для эволюционистов это было то, что нужно. Теперь, доказав наличие незначительных изменений в животном мире, можно было мысленно растянуть этот процесс на невообразимо длительное время и в результате получалось то, что требовалось доказать: за долгие годы незначительные изменения приводили к очень существенным трансформациям. Так якобы и возникали новые виды. Отсюда же логически вытекала идея «переходных форм», в существовании которых Дарвин ничуть не сомневался и уповал на их скорое обнаружение.

Впрочем, сторонники Дарвина, еще при его жизни, усматривали в градуализме существенные трудности. В частности, Томас Гексли - уже от своего имени - высказывался в пользу определенных скачкообразных изменений. На той же позиции стоял другой дарвинист того времени - русский физиолог Илья Мечников. В общем, учение Дарвина пытались подкорректировать задолго до появления «синтетической теории эволюции».

Однако нетрудно заметить, что, признавая скачкообразные перемены, эволюционисты ставят себя еще в более сомнительное положение. Градуализм, по сути дела, был эволюционистским ответом на теорию катастроф, разработанную Кювье. Поэтому допущение скачкообразных (то есть революционных) перемен в какой-то степени есть уступка катастрофизму. Современные эволюционисты признают революционные изменения существенной и нормальной частью эволюции. По их мнению, в истории нашей планеты кратковременные скачкообразные изменения чередуются с длительными периодами «застоя»¹⁷. Фактор времени в этой модели уже вряд ли может иметь столь существенное значение. Мало того, допущение мгновенных изменений настолько раскрепощает воображение, что неизбежно ведет к оправданию совершенно фантастических измышлений, в сравнении с которыми таинственные «флюиды» Ламарка выглядят куда более научно. В соответствии с наиболее радикальными сальтационистскими взглядами (изложенными, например, в учении Рихарда Гольдшмидта о «подающем надежде монстре») первая птица могла запросто вылупиться из яйца рептилии (теперь это называется «макромутацией»). Однако, несмотря на всю наукообразность современных эволюционистских построений, им не удается избежать откровенных натяжек. Научная лексика в состоянии смутить человека неподготовленного, однако специалисту по генетике, не склонному верить в эволюцию, рассуждения о «макромутациях» и тому подобных вещах (вроде «анагенеза», «телогенеза» или «адаптивной радиации») вряд ли могут представляться в качестве весомых аргументов.

Глава 2 ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И ОККУЛЬТНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Связь эволюционной теории с оккультизмом вряд ли может озадачивать или удивлять. Это не есть какой-либо экстраординарный случай. Как показывают современные исследования, вся западная наука выросла на оккультной теории и практике. Выдающиеся ученые Нового времени, положившие начало современному естествознанию, питали особый интерес к тайным наукам прошлого. Данный факт долгое время было принято не замечать и даже всячески замалчивать. Однако в настоящее время он уже не подвергается сомнению, по крайней мере, в западной литературе.

В недавно вышедшей у нас книге Майкла Бейджента «Запретная археология» приводятся весьма любопытные факты относительно алхимических увлечений Ньютона. Как пишет автор, Ньютон разделял сильный интерес к алхимии вместе с известным химиком Робертом Бойлем. Оба они имели «тайные встречи с алхимиками - тогда как публично они их высмеивали»¹⁸.

Бейджент особо обращает внимание на следующее обстоятельство: «Огромный интерес Ньютона к алхимии скрывался многие годы. Когда он умер в 1727 году, многие его

¹⁷ См.: Армен Тахтаджян. Дарвин и современная теория эволюции. В кн.: Чарлз Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора. - С-Пб.: «Наука», 1991. - С. 504 - 505.

¹⁸ М. Бейджент. Запретная археология. - М.: Изд-во Эксмо, 2004. - С. 279.

бумаги были сожжены; многие другие были помечены «не для печати» и хранились в семье. Масштаб его алхимических интересов выяснился только тогда, когда в 1936 году эти бумаги были выставлены на аукционе в Лондоне. 121 лот из выставленных на аукционе касался алхимии. В результате ученым открылся доминирующий характер этих алхимических интересов в его жизни. Стало ясно, что Ньютон твердо верил в то, «что древним некогда были известны *все* секреты»¹⁹.

Мирча Элиаде в своей книге «Азиатская алхимия» приводит на этот счет одно буквально сенсационное высказывание Ньютона: «Ньютон был убежден, что вначале «Бог сообщил нескольким избранным тайны натурфилософии и религии. Затем это знание было утрачено; позднее, однако, оно было вновь обретено и воплотилось тогда в мифах и сказках, где оставалось скрытым от непосвященных. Однако в наши дни это знание может быть возвращено с помощью опытов и еще более строгим способом»²⁰.

Классическое естествознание, возникшее не без участия Ньютона, явило новый образец научной рациональности – с ее специфическим понятийным аппаратом и количественным описанием явлений. Так был задан особый стандарт «строгости» изложения некоторых знаний и представлений о мире. Эпоха Просвещения внесла в этот процесс свои коррективы, поставив авторитет естественных наук на службу идеологическим целям. Христианскому, сугубо теистическому взгляду на мир было противопоставлено новое мировоззрение, отрицавшее роль всемогущего Творца. Однако научная апология новых взглядов на мир еще не свидетельствует в пользу научной состоятельности нового мировоззрения.

Эволюционная картина мира, которая с XIX столетия как раз стала претендовать на роль такого мировоззрения, лишь косвенным образом затрагивает реальные физические объекты, обращаясь чаще к воображаемой реальности. При таком положении вещей научная терминология вряд ли может трактоваться буквально (как это происходит в физике), а потому мы вправе подозревать в эволюционном учении скрытый (и метафизический по своей сути) подтекст.

Данный тезис наглядно подтверждается откровенным признанием упомянутого выше позитивиста Герберта Спенсера, одного из основателей эволюционного учения. Решая сугубо просвещенческие задачи, позитивисты стремились создать новое «универсальное» («интегрированное») знание, опираясь на данные «положительных» наук. Такая постановка проблемы уже сама по себе предполагает сознательное использование научной терминологии в построении грандиозных философских систем (чем, например, пренебрегали немецкие классики, традиционно использовавшие для подобных целей типичные метафизические понятия - «дух», «Абсолют» и т.д.). Спенсер разработал свою эволюционную доктрину как образец подобной системы «универсального» знания и, будучи позитивистом, придал этой системе **научообразный вид**. И что самое примечательное, он даже не отрицал наличие скрытого подтекста в используемых понятиях. Наоборот, давал данному обстоятельству соответствующее разъяснение. Как он откровенно признается: «Наши заключения не более материалистичны, чем спиритуалистичны, и не более спиритуалистичны, чем материалистичны. Всякий аргумент, свидетельствующий, по-видимому, в пользу которой-нибудь из этих гипотез, нейтрализуется не менее сильным аргументом в пользу другой». И, наконец, самое красноречивое признание: «... как дух, так и материю мы можем считать лишь проявлением **неведомой реальности**, лежащей в их основе»²¹.

¹⁹ Там же. Указ. соч. С. 280.

²⁰ Мирча Элиаде. Азиатская алхимия. - М.: Янус-К, 1998. - С. 247.

²¹ Герберт Спенсер. Основные начала. - Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Логансона, 1898. - С. 337.

Иначе говоря, Спенсер, создавая свою систему, сознательно игнорирует традиционную философскую терминологию, используя вместо этого «простейшие символы мысли», то есть научные понятия (термины «вещества, движения и силы»). Но в данной системе эти понятия не стоит (по его же признанию) понимать однозначно - как это принято в науке. Они - **всего лишь символы**, и их вполне можно истолковать как на идеалистический (в духе спиритуализма), так и на материалистический манер. Для Спенсера это не так уж и важно. Главное, признается он, что за всеми этими выражениями скрывается «неведомая реальность». И тот, кто «правильно понял» его учение (см. указ. сочинение), тот в состоянии увидеть подлинное значение спенсеровской терминологии. То есть Спенсер недвусмысленно намекает на наличие в его системе скрытого подтекста, доступного, так сказать, для «посвященных».

Указанный подтекст разгадать не сложно. Если не придавать буквального значения «строгим» терминам эволюционной доктрины Спенсера, то его система обнажит свой исходный натурфилософский смысл: борьба двух бытийных начал, циклический переход противоположностей и т.д. По ряду утверждений спенсеровское учение во многом перекликается с идеями Эмпедокла, считающегося, как было сказано, первым эволюционистом. В данном случае мы сталкиваемся не просто со случайным совпадением, но с вполне конкретной **традицией**, в русле которой развивалась вся европейская натурфилософия и на чьей почве произрастает эволюционное учение. Речь идет о древних оккультно-магических воззрениях на природу, широко представленных в духовной культуре средневековой Европы. Часто эти воззрения выступают под общим понятием алхимии, или «герметического искусства». Алхимия, в свою очередь, развивалась в контексте гностической традиции, уходящей корнями в восточные культуры. И если алхимией (как выясняется в нашу эпоху) страстно увлекался такой выдающийся ученый, как Ньютон, то есть ли у нас основание отрицать такой интерес у создателей эволюционной доктрины? Не прослеживается ли некоторая связь между основополагающими положениями эволюционизма и главными метафизическими постулатами алхимии?

При всем многообразии трактовок эволюционного учения, в нем можно выделить две фундаментальные идеи, претендующие на мировоззренческое значение. Это идея **самозарождения жизни** и идея **трансформации простых организмов в более сложные** – от простейшего микроорганизма до человека. Нет ни малейшего сомнения в том, что данные идеи не являются результатом индуктивных умозаключений, а потому не могут претендовать даже на роль научных гипотез. Ввиду их отвлеченно-спекулятивного, метафизического характера, они вряд ли могут обсуждаться в рамках эмпирической науки. Проблема самозарождения жизни и трансформации организмов есть проблема **религиозная и философская** по преимуществу. Проникновение же данной проблематики в область современного естествознания (в биологию и антропологию) отражает не столько характер постановки научных задач, сколько особенности западной духовной культуры. Скорее всего, мы имеем дело с неким «оккультным наследием» в европейской науке, к тому же превратно истолкованным.

Обратим внимание на то обстоятельство, что понятие «эволюция» вошло в широкое употребление только к концу XIX века. Изначально в том же значении использовался сугубо алхимический термин «трансформация» или «трансмутация». Но как раз вместе с этим термином в науку проникла и соответствующая проблематика. Возможность перехода (трансформации) одного физического объекта в другой есть один из алхимических постулатов, который, судя по всему, был не критически усвоен и внедрен в науку о природе. Экстраполяция этого постулата на биологические процессы положила

начало так называемой «эволюционной биологии», у истоков которой стоял Ламарк. Отсюда вопрос об изменении видов, ставший яблоком раздора между эволюционистами и креационистами, есть, по сути дела, **метафизический вопрос** о сотворении и трансформации. Никакого чисто научного содержания данная проблема не имеет. Это столкновение в новых условиях двух религиозных традиций – **догматического христианства** и **гностического пантеизма**. Безусловно, что ни та, ни другая традиция в этих условиях не имеет своего, что называется, «аутентичного» применения. Мы можем говорить лишь о довольно упрощенном истолковании изначальных метафизических учений. Спор креационистов с эволюционистами по своей глубине уже совсем не похож на спор христианских богословов средневековья со своими оппонентами из гностического лагеря. Но и гностическая традиция в рамках эволюционной доктрины также подверглась необычайно сильной профанации и упрощению.

Надо полагать, что сама идея эволюционного развития от простого к сложному (или от неразумного к разумному) есть результат профанации алхимического учения о **переходе противоположностей**. В соответствии с основными постулатами алхимии, любое качество вполне закономерно переходит в свою противоположность: светлое и горячее переходит в холодное и темное, холодное и темное – в горячее и светлое. Таким же образом жизнь переходит в смерть, смерть – в жизнь, добро переходит в зло, зло – в добро и т.д. Считалось, что подобную закономерность нетрудно обнаружить в самой природе, где день переходит в ночь, а ночь, в свою очередь, переходит в день. Соответствующим образом меняются и времена года, когда летний период неизбежно заканчивается зимним, и наоборот – зимний период столь же неизбежно переходит в лето. В рамках гностической традиции подобная смена противоположностей вела к мысли об отсутствии между ними какого-либо принципиального, непреодолимого различия. Для алхимиков это было очень важным философским обоснованием мистического преображения человеческой личности. Человек – как существо несовершенное и противоположное Богу – якобы в состоянии преодолеть дистанцию, отделяющую его от Творца. В гностицизме эта дистанция считалась условной, а потому христианское учение подвергалось здесь еретической (с точки зрения ортодоксов) интерпретации – человек мыслился гностиками подобным Богу, по крайней мере, он был для них богом «в потенциале».

Большое значение в осмыслении динамики этого диалектического процесса придавалось «промежуточным» состояниям или качествам («прогрессивным медиаторам», по терминологии Леви-Стросса). Например, между днем и ночью пролегает утро и вечер. Соответственно, между зимой и летом – осень и весна. Точно так же, согласно натурфилософским учениям, первоэлементы переходят в свою противоположность через такие же промежуточные состояния, где сочетаются отдельные качества от исходного состояния и от противоположного. Так, **огонь** – как начало сухое и теплое – переходит в **воду** через состояние **воздуха**, в котором содержится один из признаков огня – тепло, и один из признаков воды – влажность. Можно предположить, что именно в этом смысле итальянские гуманисты и натурфилософы (как, например, представители флорентийской Академии) помещали человека между животным миром и Богом, недвусмысленно указывая на его «промежуточный» статус. Из этого легко сделать вывод о человеке как о существе, переходящем от **животного состояния** в состояние божественное.

Подобные оккультные идеи распространялись на протяжении всего средневековья и Ренессанса в многочисленных гностических сектах и алхимических кружках. Нетрудно заметить, что при вульгарной, буквальной интерпретации они могли легко породить эволюционистские представления о непрерывной трансформации организмов от простого к сложному, включая и процессы становление человека. Например, известный и совершенно необоснованный эволюционистский тезис о самозарождении жизни (то есть о

возникновении ее из неорганической материи) есть натурфилософская вариация метафизической идеи о переходе мертвого в живое. То же самое касается дарвинской идеи о происхождении человека. Здесь мы наблюдаем ту же попытку вывести **разумное начало** из начала противоположного, то есть животного, инстинктивного, **неразумного**. Для мыслителя, воспитанного в духе превратно понятой алхимической «диалектики», данный процесс перехода противоположностей воспринимался как нечто совершенно **естественное**. Поэтому нет ничего удивительного в том, что подобный процесс эволюционисты полагают в самой природе. Отсюда, похоже, все их усилия придать данному **умозрительному** процессу характер некой эмпирической достоверности.

В том же ключе следует понимать эволюционистскую категорию «переходной формы». В рамках эмпирической науки это понятие совершенно бессмысленно. Любой **реально наблюдаемый** живой объект рассматривается безотносительно того, является ли он «прародителем» кого-то другого или нет. «Переходные формы» возникают только в умозрительных схемах на тему эволюционного становления жизни. Данная категория обретает свою легитимность (если можно так выразиться) только в рамках соответствующей духовной традиции. Отрицание или признание «переходных форм» (в контексте эволюционной доктрины) - это не проблема эмпирической или логической достоверности. Это проблема признания или непризнания метафизических постулатов оккультной философии. Наличие «переходных форм» признает лишь тот, кто признает основные положения этой метафизики (независимо от того, насколько он дает себе в этом отчет).

Таким образом, эволюционная доктрина есть результат вульгарного применения основных идей оккультной философии к научному естествознанию. Конкретно – к науке о живом. Понимание данного обстоятельства не только позволяет глубже понять генезис научных теорий, но и избавить науку от навязчивых псевдопроблем. Одна из таких псевдопроблем – это как раз и есть «проблема» зарождения и становления жизни на Земле (включая становление человека как продукта эволюционного развития).

Тем не менее, со времен Дарвина именно демонстративное наукообразие позволяет эволюционистам удерживать свои позиции. Любой ученый-эмпирик так или иначе способен проявить склонность к широким обобщениям. Эволюционная теория дает ему возможность предаться всевозможным экстраполяциям и фантазиям, с виду вполне научным. В итоге создается иллюзия, что, рассуждая об эволюции, ученый несколько не выходит за рамки науки. Сохранение **наукообразного стиля** дает эволюционистам возможность постоянно подтверждать научный статус своих обобщений или научную значимость своих экспериментов. Например, на шумевшие в свое время опыты Стенли Миллера, пытавшегося в лабораторных условиях доказать возможность самозарождения жизни, по сути своей ничем не отличаются от очень схожих опытов средневековых алхимиков. Более того, Миллер и его подражатели как раз и продолжают дело алхимиков, только, так сказать, в новых социальных условиях. Сама цель эксперимента ничуть не изменилась со времен средневековья. Попытки доказать самозарождение жизни продолжались даже после удачных экспериментов Пастера, наглядно опровергнувшего это старое заблуждение. Чем же, в таком случае, можно объяснить упорство эволюционистов в стремлении экспериментально доказать обратное, как не их приверженностью оккультным идеям? Однако ни Стенли Миллер, ни его подражатели, вроде Сиднея Фокса, так и не прослыли оккультистами. Их эксперименты считаются вполне научными. В чем здесь дело: в сути исследуемого вопроса, либо в **форме** его постановки? Как будет показано далее, именно форма, лексика, дискурс играют в эволюционизме наиболее существенную роль. Еще более существенную, чем те проблемы, которые затрагивает это учение.

Глава 3

ВОПРОС О СТАТУСЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Довольно часто противники эволюционизма приводят следующее возражение: эволюционное учение есть всего лишь **гипотеза**, которую нельзя принимать за окончательную истину. Несмотря на некоторую разумность такого возражения, все же придется признать его непринципиальность. Опять сошлемся на Поппера: в науке любая теория по сути своей всегда будет гипотезой. Это вытекает из специфики самой науки. Здесь нет окончательно установленных истин. И то, что сегодня считается безусловно верным, завтра будет переосмыслено и признано ошибочным или недостаточно обоснованным. Принять некую теорию в качестве непререкаемой истины, значит превратить ее в догму. А это, как подчеркивает Поппер, противоречит духу научного познания. Поэтому объявлять эволюционную теорию «гипотезой» означает не что иное, как признавать за ней научный статус. Если эта теория действительно претендует на научность, то каков, в таком случае, предмет ее исследований? Может ли он исследоваться средствами научного естествознания?

Принято считать, что научная теория преследует одну-единственную цель: объяснять причины **наблюдаемых** явлений. Нам, в данном случае, нет смысла переосмысливать назначение научных теорий, поскольку такова установившаяся традиция и такую функцию теории выполняли с момента своего зарождения. Например, Ньютон, выдвинув свою теорию о силах гравитационного притяжения, пытался тем самым объяснить целый ряд явлений, доступных нашему наблюдению. Его теория хорошо объясняла причину падения тяжелых предметов, вращения планет, морских приливов и отливов т.д. Неважно, откуда он взял идею гравитации: возникла ли она в его голове в результате спонтанного озарения (вспомним анекдот про яблоко) или он почерпнул ее из алхимии, главное, что эта идея полностью согласовывалась с задачами научного познания. По крайней мере, с тем, как эти задачи понимались самими создателями науки.

Та же ситуация и в других естественных науках - химии, биологии, геологии и т.д. Теория всегда выдвигается в целях объяснения наблюдаемого явления. Объяснение может быть удачным или неудачным, верным или ошибочным. Это устанавливается со временем. Например, химическая теория флогистона оказалась ошибочной. Но она в свое время имела право на жизнь в качестве научной теории, поскольку ничего другого, более лучшего для объяснения феномена горения предложено еще не было. В любом случае, теория создается в силу исследовательской необходимости. Теория выполняет важное **инструментальное** значение. Ученый, в принципе, не обязан задумываться над тем, насколько теоретическая модель соответствует самой действительности (что бы ни утверждали сторонники «галилеевского» подхода). Существуют ли, например, «электронные облака» или атом как таковой? Главное, что, опираясь на эту модель, мы в состоянии разобраться в самом явлении, сделать его прогнозируемым и даже управляемым. Последнее, как мы понимаем, очень важно для практики. Теория же, в свою очередь, не требует для своего объяснения другой теории, по крайней мере, в рамках научного познания. Теоретизирование по поводу теорий - это уже привилегия философов и метафизиков.

А теперь вернемся к эволюционизму. Имеет ли идея эволюции чисто научное, то есть теоретическое значение? Какие **наблюдаемые**, зафиксированные в опыте явления она призвана объяснить? Вот здесь мы подходим к самому интригующему моменту. Во-первых, нетрудно выяснить, что у эволюционистов **нет** своего предмета, требующего **научного** объяснения (на это еще обращал внимание Данилевский). Во-вторых, все их

усилия совершаются как раз в обратном направлении, то есть, направлены на объяснения **самой идеи эволюции**. Чтобы не казаться голословными, рассмотрим это поподробнее.

Насколько нам известно, учение об эволюции разрабатывалось в противовес христианскому креационизму. До сих пор эволюционисты с неизбежным пафосом подчеркивают особую мировоззренческую значимость своей доктрины. Основные достоинства эволюционной теории, как следует из заявлений ее разработчиков и сторонников, - это стремление объяснить происхождение мира и жизни (включая человека) без привлечения идеи Бога. Однако, как мы знаем, опровержение религиозных истин никогда не входило в задачу современного естествознания (вспомним хотя бы Кеплера и Ньютона). Проблема происхождения мира и жизни, подчеркнем еще раз, сама по себе есть проблема **метафизическая**. После кантовских «критик» доказывать данное положение бессмысленно. Данное обстоятельство прекрасно осознавали естествоиспытатели Нового времени. Следовательно, эволюционизм, ставя перед собой задачу решить вопрос о происхождении, с самого начала решал **метафизическую проблему**, привлекая для этой цели средства научного естествознания и соответствующий терминологический аппарат.

Разница, таким образом, между ученым-естествоиспытателем, «вопрошающим» природу, и эволюционистом, размышляющим о ее историческом развитии, весьма существенная. Первый ставит перед собой цель объяснить причины **наблюдаемых явлений**, эволюционист же рассуждает о причинах явлений **воображаемых**. Реальные же объекты, попадающие в поле зрения науки, эволюционистам дают лишь **повод** для обсуждения сугубо метафизических тем о происхождении. Это примерно как в случае со средневековыми томистами, для которых видимый мир был лишь предлогом для бесконечных метафизических спекуляций. Действительно, когда эволюционист ставит вопрос о причинах разнообразия современной органической жизни, он, соответственно, исходит из того, что когда-то такого разнообразия **не было**. То есть он а priori утверждает, что органическая жизнь изначально была однообразной. Когда он ставит вопрос о «происхождении видов», он тем самым подчеркивает, что изначально этих видов не существовало. Именно эта целиком **воображаемая** «изначальная» ситуация и является краеугольным камнем эволюционистских построений. С нее и начинается процесс «исследования». Таким образом, эволюционист старается объяснить не то, что есть сейчас, что дается нам в опыте, а как раз то, чего мы не можем наблюдать **в принципе**. Он ставит вопрос об изменении именно этой воображаемой «изначальной» ситуации. Ведь вопрос, по сути, формулируется так: откуда взялось то, чего когда-то не было? И вся проблема здесь упирается в это самое «когда-то». Поэтому эволюционисты буквально рассуждают о «невидимом», о том, что находится за пределами эмпирического опыта. А это уже есть чистейшей воды метафизика.

Характер предмета эволюционистских размышлений за два столетия ничуть не изменился. Приведем на этот счет высказывание одного яростного защитника эволюционной теории, известного американского биохимика А. Азимова:

«Идеи биологической эволюции стали появляться одновременно с попытками классифицировать живые существа. Одну из первых таких попыток сделал Аристотель, разделив все живое на имеющих жабры и имеющих легкие; животных с легкими, в свою очередь, - на откладывающих яйца и рождающих живых детенышей, и так далее.

При дальнейшем развитии биологии выяснилось, что живые существа могут быть поделены на виды, причем сходные виды можно объединить в роды, роды - в семейства и

т.д. Это можно изобразить в виде диаграммы, на которой более крупные формы жизни дробятся на все более мелкие, расходящиеся как ветви дерева, и каждая ветвь заканчивается «листьями» - отдельными видами животных и растений. Так и назовем это - «деревом жизни».

Представьте себе, что перед вами - необыкновенное дерево: без ствола и без ветвей, одни только листья, развешенные как попало прямо в воздухе. И что же, увидев это чудо, вы придете к заключению, что листья возникли сами собой «из ничего»? Нет, скорее всего, я думаю, вы придете к заключению, что у странного дерева есть ствол и ветви, невидимые для нашего глаза, и каждая тончайшая веточки венчается одним или несколькими листочками, и что в расположении листьев наверняка не полный беспорядок, а есть какая-то система»²².

Мы не случайно привели столь обширную цитату. Как следует из признания известного эволюциониста, идея эволюция была призвана объяснить некий порядок в животном мире, выявленный в ходе систематизации. Такова, по его мнению, была исходная научная задача. В данном случае эволюционист Азимов прибегает к очень сомнительной уловке. Дело в том, что проблема биологической систематики сама по себе совершенно не требует, чтобы вдобавок ко всему объяснялось еще и **происхождение** классифицируемых объектов. Ученый устанавливает в природе некий порядок, но он при этом не обязан отвечать на вопрос, откуда этот порядок взялся. В противном случае ему бы пришлось изобретать те самые «гипотезы», от которых в свое время отмахивался Ньютон. Иначе говоря, отвечая на вопрос о происхождении установленного порядка, мы будем уже решать не научную, а метафизическую проблему.

Но именно на разрешение этой проблемы и претендуют эволюционисты. А выставлять сложившееся положение вещей так, будто систематизация животных неизбежно ведет к идее эволюции, значит подменять одну проблему другой и откровенно грешить против истины. Великие натуралисты-систематики прошлого - Карл Линней и Жорж Кювье - были одновременно **противниками** эволюционизма (или «трансформизма», как тогда это называлось). Открывшийся им порядок лишней раз наталкивал их на мысль о разумном устройении мира Богом (как это было и в случае с Ньютоном). Поэтому, подчеркнем еще раз, биологическая систематика не находится ни в какой необходимой логической связи с идеей эволюции.

Что касается пресловутого «древа жизни», то оно не является продуктом биологической классификации, а представляет собой умозрительную схему эволюционного развития живых организмов. И когда эволюционист Азимов заявляет, будто идея эволюции необходима для объяснения этого самого «древа жизни», он создает поистине беспрецедентный логический казус. Получается, что идея эволюции необходима для объяснения... самой идеи эволюции!

Не менее примечательно и такое восклицание Азимова: «И что же, увидев это чудо, вы придете к заключению, что листья возникли сами собой «из ничего»?». Как мы понимаем, «увидеть это чудо» невозможно в принципе, так как оно целиком является продуктом умозрения. Но для нас это восклицание весьма красноречиво. Оно наглядно демонстрирует, что рассуждения эволюционистов направлены на объяснение и обоснование собственных умозрительных схем, которые и являются подлинным предметом их осмысления. То есть, мысль эволюционистов направлена не на реальные природные объекты, а на некоторые абстракции, созданные путем отвлечения от реальных объектов и выданные за саму реальность. Это то же самое, если бы физик принял модель

²² См.: Спор о происхождении // Наука и религия, № 6, 1991. - С. 5.

«идеального газа» за абсолютную реальность и стал бы выстраивать другую модель, призванную уже, в свою очередь, объяснить сам «идеальный газ».

Противники эволюционной теории часто ссылаются на ее недоказуемость. Прежде всего - эмпирическую недоказуемость. Во многом они правы, поскольку факты действительно плохо стыкуются с этой теорией. Однако при такой постановке вопроса мы затемняем подлинную суть проблемы. Как известно, доказательство правоты теории связано с ее способностью что-либо объяснить наилучшим и наиболее убедительным образом. Теории, собственно говоря (следуя учению Поппера), не доказываются, а подвергаются проверке, испытанию на пригодность. Мы можем допустить, что эволюционная теория (если она претендует на научный статус) в каких-то моментах, скажем так, недоработана. А потому эволюционисты вполне могут рассчитывать на ее дальнейшее улучшение (на что, кстати, рассчитывал и сам Поппер). Ведь и модель Коперника когда-то была несовершенной, однако это не привело к отказу от гелиоцентрической системы в пользу птолемеевской модели. В современной науке все осуществляется методом проб и ошибок. Поэтому эволюционисты всегда выйдут из тупика, сославшись на временные и вполне допустимые трудности, преследующие любую научную теорию.

Вопрос должен ставиться более принципиально. Проблема эволюционизма не в отдельных недоработках, а именно в ненаучности этого учения. И главным камнем преткновения для него выступает не отсутствие необходимых фактов, а характер самого предмета, который не имеет к фактам непосредственного отношения. Выражаясь кантовским языком, проблема эволюции антиномична по своей сути. Ее в принципе невозможно решить ни рационально, ни эмпирически. В самой идее эволюции содержится двусмысленность, приводящая к серьезным и совершенно неразрешимым противоречиям. Как будет показано ниже, эволюционистам приходится блуждать в лабиринте одного очень серьезного «эпистемологического парадокса», разрешить который можно только в случае откровенного перехода в метафизику или же полного отказа от эволюционной идеи.

Давайте ответим на вопрос, что есть «эволюция»: отвлеченная модель, принцип или же реальный процесс? Если идея эволюции претендует на **объяснение** реальных процессов, значит, она должна выступать в качестве отвлеченной модели. Однако это как раз то, с чем эволюционисты категорически не могут согласиться, поскольку весь их энтузиазм направлен на доказательство **реальности эволюции как естественного физического процесса**. И самое примечательное, что для доказательства своей правоты они ссылаются не только на воображаемое прошлое, но и на вполне наблюдаемое настоящее. Очень часто в научной и особенно в научно-популярной литературе (включая школьные учебники) приводятся примеры якобы «наблюдаемых явлений эволюции». Конечно, непредубежденный читатель прекрасно понимает, что эволюционные процессы сами по себе никогда не наблюдались. Просто эволюционисты часто некорректно отождествляют понятие «эволюция» с понятием «изменение» и, доказывая изменение, делают вид, что доказывают «эволюцию». Конкретный пример - случай с белой пяденицей, которая в новых условиях просто изменилась (оставшись на все сто процентов тем же самым видом), хотя для эволюционистов она, как мы знаем, «эволюционировала». В других случаях в качестве «наблюдаемых явлений» преподносятся эволюционистские интерпретации явлений (как в случае с окаменевшими останками, которые сами по себе ничего не «доказывают»). Впрочем, о частных примерах логических несуразниц эволюционизма мы будем говорить отдельно. Здесь же утверждения насчет «наблюдаемых явлений эволюции» мы рассмотрим в сугубо эпистемологической плоскости, поскольку данные утверждения содержат в себе смысл, идущий вразрез с претензией эволюционизма на статус научной теории. Ведь если эволюция

непосредственно наблюдается в природе, значит, идея эволюции сама по себе уже **ничего научно не объясняет**. Ибо, в таком случае, это уже есть **конкретный и наглядный процесс**, существование которого не требует каких-либо специальных доказательств, а нуждается **в объяснении**.

Как видим, у эволюционистов в этом плане возникает невероятная путаница. С одной стороны, утверждается, что идея эволюции должна объяснить причины некоторых наблюдаемых (или якобы наблюдаемых) явлений. И в этом плане она есть отвлеченная модель, принцип, умозрительная конструкция. С другой стороны, выясняется, что эволюция есть наблюдаемый процесс. И здесь она уже выступает в качестве эмпирически достоверного факта, требующего, в таком случае, объяснения. Если эволюция происходит как вполне наблюдаемый физический процесс, мы вправе задать вопрос: почему или в силу чего так происходит? То есть нам придется искать **причины самой эволюции**.

Подобное противоречие, скорее всего, свидетельствует о том, что в данном случае мы сталкиваемся с рядом паралогизмов, изобилующих в эволюционистских построениях, включая теорию самого Дарвина. Однако, еще раз подчеркнем, что имеющие место нарушения логики в данном случае нельзя рассматривать исключительно как следствие некоей ошибки или неточности, которую можно исправить. Указанное противоречие неизбежно вытекает из самой попытки решить антиномическую проблему средствами естествознания. Как будет показано далее, эволюционизм покоится исключительно на отвлеченных, спекулятивно-философских основаниях и ни в коей мере не является выводом из наблюдений. К этим выводам вполне можно прийти, опираясь на определенные философские постулаты, утвердившиеся в Новое время. Само содержание эволюционного учения становится возможным в результате **дедуктивных** построений на основе этих постулатов. И конкретные эмпирические данные здесь не играют никакой роли.

Глава 4 ФИЛОСОФСКИЕ ПОСТУЛАТЫ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Если рассматривать эволюционизм как некую самостоятельную теоретическую конструкцию, то ее основание представляет собой причудливое сочетание некоторых важнейших философских принципов Нового времени. Каждый из этих принципов, взятый по отдельности, еще не ведет к эволюционному взгляду, но, вырванные из **исходного контекста**, взятые вместе, дополненные один другим, эти принципы позволяют легко обосновать любую эволюционистскую фантазию. Мало того, они в совокупности своей потенциально содержат все те выводы, что утверждаются эволюционистами в качестве научно (то есть эмпирически) обоснованных истин.

Эволюционное учение, конечно же, могло зародиться и просуществовать и без этой философской основы, исключительно в рамках оккультной традиции. Но в этом случае его невозможно было бы **логически формализовать**, а, следовательно, и включить в состав современного естествознания. Без такой формализации эволюционизм остался бы за бортом всего интеллектуального движения Нового времени. Он остался бы существовать на правах маргинального «эзотерического» учения, вроде современной теософии с ее «астралами» и «элементалами», если бы его основные положения не находились в идеальном согласии с фундаментальными принципами новой философии. Сейчас пока трудно сказать, является ли эволюционная теория непосредственным

продуктом философии Нового времени или же в этой философии содержались принципы, общие с оккультной версией эволюционизма (имеется в виду идея самозарождения жизни и т.д.). Фактом остается то, что некоторые философские принципы, утвердившиеся в Новое время, вполне могли дать серьезное логическое основание важнейшим положениям эволюционной теории. Точнее, такие положения легко выводились из этих принципов.

Первый философский принцип, или постулат, имеет непосредственное отношение к учению Декарта. Речь идет о картезианском взгляде на движение как на **естественное**, нормальное состояние физических объектов. Согласно Декарту, мир состоит только из **материи и движения** и все события, происходящие в природе, обусловлены столкновением частиц, движущихся одна против другой. Это утверждение в корне противоречило аристотелевской физике, которая в качестве естественного состояния физического тела признавала покой. Движение рассматривалось как нарушение естественного покоя и тесно увязывалось с внешним воздействием. Декарт же рассматривал мир как некую динамическую систему, все части которой пребывают в движении без непосредственного вмешательства со стороны Бога. Бог, по Декарту, дает только изначальный импульс движения, после чего мир уже существует **самостоятельно**. Все происходящие в мире события, как было сказано, связаны уже только с непосредственным взаимодействием физических объектов. Исследуя природу, нет необходимости учитывать влияние Бога. Картезианский «бог» превращается в отвлеченную идею, природа же выступает в качестве реального объекта, существующего по своим внутренним законам.

Картезианство логически вело к игнорированию Бога, а в перспективе вообще открывало дорогу откровенному безбожию. Надо признать, что значение любой философской системы связано не с формальным признанием или непризнанием определенных идей, а с теми основополагающими принципами, которые уже сами по себе становятся важными посылками для построения целого ряда умозаключений. Эти принципы очень часто потенциально заключают в себе такие выводы, которые, возможно, и не предполагались самими творцами философских систем. Достаточно вспомнить, как идеалистическое учение Гегеля легло в основу материалистического учения Маркса. Этой основой стала идея диалектического развития единого бытийного начала, Абсолюта. В марксизме гегелевский Абсолют превратился в материю. Так возникло влиятельное учение «диалектического материализма».

Аналогичные метаморфозы претерпело и картезианское учение. Когда картезианские идеи были рассмотрены под углом зрения английского сенсуализма (очень модного в XVIII веке), зародился французский механистический материализм. Теперь источник движения усматривали не в Боге, а в самой материи. Но суть проблемы от этого не менялась. Мир, как и в системе Декарта, все так же мыслился как состоящий из материи и движения. Заявление материалиста Дидро о том, что все есть «материя в движении» было таким же предвзятым истолкованием основ картезианства, как и в случае с марксистским истолкованием основ гегельянства. Само по себе отрицание Бога и души лежит в плоскости мировоззренческой проблематики. Декарт формально признавал существование и Бога, и души. Однако он изобразил мир таким, что позволял, в принципе, пренебречь и Богом, и душой. Его тезис о сохранении количества движения имел не только важное теоретическое значение, но и заключал в себе глубокий мировоззренческий смысл: если события в мире осуществляются автономно от Бога, в силу присущих природе механических причин, следовательно, природа существует сама по себе и в самой себе содержит все причины явлений. Такой вывод был неизбежен. Учет к тому же признание движения как естественного состояния физических объектов, и мы получим первый и наиболее важный философский столп эволюционизма.

В самом деле, мир находится в постоянном движении. И это движение не приходит извне, оно присуще миру как таковому. Под миром, разумеется, мыслится природа, состоящая из единственной протяженной субстанции - материи. Никаких особых высших миров в духе Платона, никаких небес в духе Аристотеля и учения церкви. Только физический мир, только наблюдаемая природа. И эта природа находится в постоянном движении, а движение, в свою очередь, неизбежно предполагает **изменения**. Следовательно, в природе постоянно происходят изменения и происходят они в силу **естественных** причин, корящихся в самой природе. Таким образом, природа **постоянно изменяется**, и это изменение совершенно естественно и неизбежно.

Так мы получили важнейший эволюционистский тезис о постоянном и естественном изменении природы. В наблюдаемом мире, конечно, нет ничего неизменного. Об этом свидетельствует хотя бы наш обыденный опыт. Но для эволюционистов тезис о постоянном изменении природы становится фундаментальной посылкой для обоснования идеи трансформизма. Постоянное изменение есть не просто вывод из опыта, это есть основополагающий принцип, утверждающий причинную обусловленность, а, следовательно, **неизбежность** всех природных изменений. Аристотель тоже не отрицал движения, а стало быть, и изменения. Но в его системе каждое физическое тело, выведенное из состояния покоя, стремилось вернуться к **исходному** положению. В картезианской же системе физическое тело, наоборот, постоянно, естественным образом **меняет** свое исходное положение. Отсюда уже неизбежно напрашивается вывод о естественном **стремлении** каждого физического тела к изменению. И в итоге получается, что природа - как совокупность различных физических объектов - не просто подвержена каким-то изменениям, но **сама стремится измениться**. И это стремление к изменению неизбежно и постоянно.

Такова цепочка нехитрых философских рассуждений, ведущих нас к самому важному положению эволюционизма. Его вывод не требует каких-либо эмпирических данных. Мы получаем его **дедуктивным путем** на основе исходного картезианского постулата о движении. Теперь, если мы переместим наш взгляд на проблему жизни, то в рамках данной системы мы приходим к следующим заключениям. Жизнь есть проявление природы. В природе все непрерывно движется и изменяется. Следовательно, жизнь также постоянно изменяется. Короче говоря, изменяется **все живое** как существенная составляющая непрерывно изменяющейся природы. Кроме того, даже такой важный эволюционистский тезис, как непрерывное воздействие на живой объект внешней среды (впервые детально сформулированный Ламарком) вполне согласуется с картезианским учением. Согласно Декарту, физические тела непрерывно взаимодействуют. Физический объект не только движется, но и испытывает столкновение с другими объектами, в результате чего меняется его скорость и направление движения. То есть, **наиболее важные** изменения состояния объекта связаны как раз с внешним воздействием со стороны других объектов. У Ламарка в качестве такого объекта уже выступает живой организм, который не только естественным образом движется и растет (как и положено любому организму), но и под внешним воздействием начинает менять свою структуру, сам характер развития (в картезианской терминологии - скорость и направление движения).

Другой важнейший философский постулат, вообще характеризующий философскую и научную мысль Нового времени, связан с абсолютизацией законов механики. Он мог быть заимствован как из картезианства, так и из ньютоновской физики. Роль механицизма в становлении эволюционной теории обычно недооценивается. Наоборот, эволюционизм обычно ассоциируется с телеологическим взглядом на мир, а телеология, как правило,

противопоставляется механицизму. На самом деле идея постепенного развития (становления) мира (не важно - целенаправленного или «случайного») еще несколько не отменяет механицизма. Идея развития, с одной стороны, и механицизм, с другой, просто имеют отношение к разным аспектам осмысления бытия. Идея развития в большей степени подлежит онтологии, механицизм – проблеме познания и описания мира. А тот факт, что методологические правила и инструментальные схемы периодически онтологизируются и становятся составной частью того или иного мировоззрения, есть неизбежное следствие **популяризации** философских систем и серьезных научных теорий. Нам сейчас трудно сказать, как относился Декарт или Ньютон к созданной ими модели универсума - как к отвлеченным инструментальным схемам или же как к объективному и наглядному отображению реальности. Главное, что механицистские воззрения претендовали на научность и давали ключ к пониманию многих природных явлений. И если мир можно изобразить в качестве гигантского механизма, то почему нельзя таким же образом изобразить отдельно взятый организм? Сам Декарт уподоблял животных сложноорганизованным машинам, материалист Ламетри распространил этот взгляд и на человека. Таким образом, живой организм уподоблялся агрегату, механической конструкции, и именно такое понимание жизни дало возможность сугубо «по научному» поставить вопрос о ее **происхождении и развитии**. Без этой механистической редукции жизнь была недоступной какому-либо научному описанию.

Дальнейшие рассуждения на тему жизни закономерно привели к выводу о происхождении **простого из сложного**. Если жизнь есть механический агрегат, то, несмотря на его сложность, он все же состоит из **простых** элементов (как и любой механизм). Сложность любого агрегата определяется количеством элементов и связью между ними. Это положение, соответственно, справедливо и для живых организмов. Следовательно, усложнение жизни заключается в увеличении количества простых элементов и в усложнении их организации. Таким образом, мы получаем следующее положение: основа жизни - в простейших элементах, а ее сложные формы есть результат сложной организации простых форм. А, учитывая то обстоятельство, что в природе все само по себе постоянно движется и изменяется, то, стало быть, организация жизненных форм есть прямой результат **подобных движений и изменений**. И поскольку сложные формы жизни возникают на основе простых форм, значит, в природе происходит непрерывный процесс постепенного усложнения живых организмов. Ведь в данной системе исходят из того, что все изменения в природе совершенно автономны. Поскольку живые агрегаты не созданы человеком (это очевидный факт), стало быть, они возникли самостоятельно благодаря непрерывным динамическим процессам, которые осуществляются без вмешательства Бога и совершенно доступны человеческому пониманию. А отсюда уже следует, что человек не только может признать самозарождение и саморазвитие жизни, но и в состоянии понять те законы, что лежат в основе данного процесса.

Итак, эволюционистское утверждение, что жизнь развивается во времени от простейших форм к сложным опять же является дедуктивным выводом из механицистских постулатов. Редукционистский тезис о том, что все сложное и малопонятное состоит из простого и доступного пониманию, был автоматически применен и к проблеме осмысления жизни. Вполне возможно, что редукционизм изначально имел сугубо операционное значение - вспомним хотя бы второе методологическое правило Декарта или ньютоновский постулат о простоте и единообразии природы. Но, как мы уже говорили, методологические правила и инструментальные схемы неизбежно онтологизируются в процессе их популяризации. Так случилось и с механицистским редукционизмом. Вполне инструментальный тезис о том, что живой организм есть сложный агрегат, состоящий из простых элементов, приводит к онтологическому выводу о том, что сложные формы жизни возникают из простых форм.

Как мы понимаем, и в этом случае нет необходимости прибегать к индукции, чтобы прийти к такому выводу. Можно, конечно сослаться на наглядный пример развития сложного организма из «простого» зародыша. Учитывая склонность эволюционистов к смелым экстраполяциям, нельзя исключить и такой вариант возникновения идеи «филогенеза». Однако скорее всего указанная аналогия использовалась в качестве некоей иллюстрации к выдвинутому тезису о развитии жизни от простого к сложному. То есть это была попытка на примере развития зародыша подтвердить правильность эволюционистских положений. Причем данная аналогия весьма неудачна и логически некорректна. Когда мы говорим о развитии зародыша, речь идет не о жизни вообще, а об отдельно взятом организме. Что касается зародыша, то он уже потенциально содержит в себе всю структуру взрослого организма. Нелепо и в высшей степени ненаучно предполагать, что эта структура возникает после того, как возник зародыш. Хотя надо признать, что именно такие, совершенно ненаучные представления о зародыше характеризовали взгляды эволюционистов еще во времена Дарвина. В ту эпоху многим казалось, что живая клетка обладает очень простым строением. И, таким образом, развитие зародыша, казалось бы, наглядно подтверждало тезис о происхождении сложных форм жизни от простых. Но уже к концу XIX века ученым стало совершенно ясно, что живая клетка представляет собой сложнейшую систему, совершенно несопоставимую с известными самыми сложными механизмами. Дальнейшие исследования, проведенные уже в XX веке, показали, что даже отдельные фрагменты клетки представляют собой невообразимо сложный агрегат. Таким образом, пример с развитием зародыша оказался явно несостоятельным. Тем не менее, в популярных книжках и школьных учебниках его все еще преподносят в качестве «весомого» аргумента в пользу эволюции.

Отметим еще один важный момент, связанные с механицистским истолкованием жизни. Представление о живом организме как об агрегате, состоящем из простых элементов, устраняет принципиальное различие **между живым и мертвым**. Устранение этой дистанции имеет особое значение для эволюционной теории, согласно которой живое возникает из мертвого. Только с позиции механицизма возможно научно обоснование данного положения (во всех других случаях нам бы пришлось апеллировать к чуду или божественному вмешательству). Убежденность в том, что живое возникает из мертвого, зиждется, опять же, не на научных наблюдениях, а исключительно на отвлеченных, абстрактных философских схемах. Возможность такого вывода - в редукции самого понятия жизни: между живым и мертвым снимается мысленная дистанция как раз в силу того, что **живое определяется через мертвое**. Определив живой организм как совокупность **неживых** элементов, составляющих его структуру, мы, таким образом, автоматически должны признать отсутствие дистанции между живым и неживым. Если Энгельс - материалист и поклонник Дарвина - определял жизнь как «форму существования белковых тел», то в его воображении, надо полагать, живое вполне могло произойти из мертвого. Все эволюционистские доводы на этот счет могут отличаться убедительностью только в рамках отвлеченных, схоластических по своему духу рассуждений на подобные темы (об этом мы поговорим поподробнее в другом месте).

Интересно, что сами эволюционисты прекрасно осознавали решающее значение выбранной ими **философской позиции** для обоснования тех или иных тезисов. Об этом свидетельствует откровенное признание Эрнста Геккеля: «... мы должны освоиться с мировоззрением, называемым *механическим* или *причинным*. Его можно назвать также *монистическим* или *единым* в противоположность *двойственному* или *дуалистическому* воззрению, которое необходимо содержится в телеологическом миропонимании»²³. Почему Геккель так настаивает на механицизме? Только по одной причине - механицизм

²³ Эрнст Геккель. Естественная история миротворения. - С. 29.

позволяет устранить непроходимую дистанцию между живым и мертвым, между высшим и низшим²⁴. И при этом, что весьма любопытно, Геккель настаивает на одушевленности материи - что, на его взгляд, тесным образом связано с механицизмом. «Мы приходим, - пишет он, - благодаря этому (то есть «монистическому воззрению» - О.Н.), к крайне важному убеждению, что *все естественные тела*, какие нам известны, *однообразно одухотворены*, что противопоставление живых и мертвых тел не соответствует действительности. Если камень, свободно брошенный в воздух, падает на землю по определенным законам, или если образуется в соляном растворе кристаллы, или если соединяются сера и ртуть в киноварь, то эти явления не более и не менее механические жизненные явления, чем рост и цветение растений, чем размножение и духовная деятельность животных, чем ощущения и образование мысли у человека». И далее: «Также *сознание* человека и высших животных никоим образом не представляет особенностей, сверхъестественной «мировой загадки» <...> Напротив, оно также покоится на механической работе ганглиозных клеток мозга, как и прочие душевные деятельности»²⁵.

Как видим, механицизм (с его неизбежным редуционизмом) играет ключевую роль в обосновании основных положений эволюционной теории. И главным образом именно потому, что позволяет снять мысленную дистанцию между живым и мертвым, между высшим и низшим, между простым и сложным, а соответственно – позволяет чисто логически, **спекулятивно** обосновать происхождение одного из другого. И, еще раз повторим, - без всяких индуктивных методов, без всяких наблюдений и экспериментов. Иными словами, об эволюции вполне можно рассуждать отвлеченно, чисто философски, на манер средневековых схоластов. И отвлеченно выстраивать какие угодно умозрительные картины зарождения и развития жизни, человека и т.д.

Вообще, на отвлеченно-спекулятивном уровне обоснование любого тезиса становится вполне возможным уже только благодаря некорректному или просто упрощенному определению исходных понятий. Например, если мы определим «разумность» как «способность совершать логические операции», то можем смело утверждать, что разумность присуща вычислительной машине вроде современного компьютера. Если же мы при этом примем положение, что «разумность» есть атрибутивное качество человека, то тогда нам придется прийти к выводу, что и вычислительная машина также обладает человеческим качеством. А дальше, в том же духе, можно обосновать и развить любое, даже самое фантастическое, утверждение. Хотя на практике мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что между человеком - как живым и разумным существом - и вычислительной машиной пролегает огромная дистанция. Тем не менее, на уровне отвлеченных рассуждений такое непреодолимое различие может совершенно сниматься, и все это будет выглядеть вполне логично. Но ведь именно таким путем - путем сознательной редукиции смысла исходных понятий - эволюционисты обосновывают главные положения своего учения. Так, Томас Гексли, проводя анатомическое сравнение между человеком и обезьяной, утверждал, что между тем и другим нет никакой принципиальной разницы. И такое утверждение выглядело очень даже логичным и убедительным, но только в том случае, если мы подходим к этой проблеме абстрактно, на уровне отвлеченных понятий и суждений. Между тем на практике мы прекрасно осознаем отличие человека от животных, даже от обезьян. Мнимая же убедительность эволюционистских суждений о человеке, в данном случае, связана с превратным, предельно упрощенным толкованием самого понятия человека, ибо последний определяется исключительно через его физиологию и анатомическое строение. Тогда как в действительности «человек» (в чем мы полностью даем себе отчет) - это не только

²⁴ Там же. С. 30 - 39.

²⁵ Там же. С. 31.

определенная совокупность органов и костей, но и нечто намного большее, что максимально отделяет его от обезьяны.

Коль уж мы заговорили о человеке, то самое время коснуться и проблемы антропогенеза, самой скандальной из всех тем эволюционной теории. Здесь тоже свою главную роль сыграла философия. Эволюционистская идея о животных прародителях человека возникла, как мы знаем, задолго до костей так называемых питекантропов и «сенсационных» (якобы) находок западных антропологов. И отнюдь не дарвинская теория естественного отбора, как принято считать, повлияла на установление нашей обезьяньей «родословной». Мостик между человеком и животным проложил английский сенсуализм, который в XVIII веке воспринимался в континентальной Европе чуть ли не как религиозное откровение. Французские философы-просветители (а именно среди них оказались первые эволюционисты) восприняли передовые (как им казалось) идеи англичан для обоснования материалистического взгляда на природу человека. Английские философы Нового времени, надо отдать им должное, не преследовали с помощью своего сенсуализма каких-либо чисто идеологических целей. Так, Джон Локк, в философии которого вообще много откровенных апелляций к средневековой традиции, полагал, вслед за Дунсом Скотом, будто Бог сообщил материи способность мышления. Что касается французских просветителей, то, преследуя уже идеологические цели, они «гипотезой» Бога постарались пренебречь. Поэтому материя в их системе действует уже самостоятельно. Главный философский постулат, который они положили в основу своих рассуждений о человеке и человеческом обществе, сводился к тому, что мышление и память **возникают на основе ощущений**. Иначе говоря, между разумом и чувственным восприятием нет никакой непреодолимой дистанции. Как настаивал Кондильяк, все наши знания и способности души происходят из ощущений. С ним был солидарен материалист Дидро, полагавший ощущение потенциальным свойством материи. Гельвеций (тоже материалист) считал ощущение фундаментом всей ментальной жизни, началом умственных способностей. Другой материалист - Ламетри - отождествлял все способности души с устройством мозга и всего тела, а душу как таковую вообще считал выдумкой. Ему вторил Гольбах, также отрицавший всякую духовность.

В XIX веке такое упрощенное материалистическое понимание природы человеческого разума стало считаться «научным» и было, надо сказать, популярным у английских эмпириков-эволюционистов. На этом материалистическом фундаменте основывалась уверенность дарвиниста Гексли, когда он, отстаивая обезьянье происхождение человека, с вызовом бросил своим оппонентам: «Если есть душа, покажите мне ее!». Это лишний раз доказывает, что споры по поводу наших предков в действительности носили **философский**, а не научный характер. Материалистическая трактовка разума, безусловно, не навеяна никакими исследованиями. Она вытекает (в который раз) из вульгарной онтологизации сугубо гносеологических положений сенсуализма. Здесь мы сталкиваемся с такой же характерной редукцией понятия разума, как в случае с понятием жизни. Подобно тому, как живой организм определялся через неживые, отличные от жизни как таковой, простейшие элементы, так и разум определялся через отличные от него ощущения. И, опять же, как в случае с проблемой жизни, вульгарное, упрощенное определение разума логически привело к уничтожению мысленной дистанции между животным и человеком.

Действительно, если мы исходим из того, что начало умственных способностей коренится в ощущениях, следовательно, мы допускаем, что ощущения предшествуют разуму, а значит, неразумные существа (то есть животные) должны предшествовать разумным. Ведь ощущения есть и у животных. И если они, ощущения, есть фундамент ментальной жизни, стало быть, и животное вполне может стать разумным существом, таким же, как

человек. Именно отсюда вытекает **принципиальное допущение** животного происхождения человека.

Таким образом, опираясь, опять же, на некоторые чисто философские постулаты, мы исключительно дедуктивным путем можем прийти к заключениям о генетической связи между животным и человеком. Поэтому эволюционная антропология явилась плодом отвлеченных рассуждений, а не «сенсационных» открытий. Вопрос об обезьяньих предках был поставлен **уже после того**, как на философском уровне пришли к выводу о родстве человека с животными. Дарвинская обезьяна оказалась лишь наиболее подходящим, так сказать, кандидатом на роль наших прародителей. Как мы понимаем, - в силу внешне схожего анатомического строения (именно на основе этого сходства Гексли доказывал наше происхождение от обезьяны). Хотя эволюционистская модель в принципе допускает «поумнение» **любого животного**, ибо это вполне согласуется с исходным философским тезисом о происхождение неразумного существа вообще в существо разумное (также вообще). Такая общая постановка вопроса дает современным эволюционистам повод для самых невероятных фантазий. В научно-популярной литературе некоторые авторы наукообразно высказывают предположения насчет «возможной» эволюции различных видов животных до уровня разумных существ. В качестве альтернативных человеку носителей разума предполагаются летучие мыши, дельфины, сумчатые млекопитающие и даже... птицы. Умудряются даже рассуждать о разумной эволюции осьминогов.

Теперь ответим на более актуальный вопрос: можно ли рассматривать эволюционистские утверждения насчет происхождения жизни и человека научными гипотезами, то есть заключениями, полученными на основе эмпирических данных? Если основные положения эволюционизма получены дедуктивным путем – как вывод из предельно общих философских посылок, - то насколько такое положение вещей соответствует стандартам естествознания?

Как мы понимаем, претензия эволюционистов на научную состоятельность своих утверждений вынуждает их постоянно апеллировать к разнообразному эмпирическому материалу. В результате создается впечатление, будто все эволюционистские построения совершенно далеки от спекулятивной философии. Однако в действительности представленный эмпирический материал лишь искусно маскирует совершенно отвлеченное содержание таких построений. Наглядный тому пример – эпохальный труд Чарльза Дарвина о происхождении видов.

Глава 5 ДАРВИНСКАЯ АНТИНОМИЯ

Мы уже говорили о том, что работы Дарвина выдержаны в наукообразном стиле. На человека, склонного доверять науке, это производит довольно сильное впечатление, тем более что Дарвин постоянно апеллирует к фактам. Эмпирический материал, представленный в его «Происхождении видов», поистине огромен. На основании чего можно сказать, что дарвинская теория выстроена в полном соответствии со стандартами современного естествознания. Так принято считать и в этом есть некоторая доля правды. Однако нельзя игнорировать и другую правду: дарвинская теория естественного отбора не имеет никакой **необходимой** логической связи с идеей эволюции. Весь эмпирический материал, представленный Дарвином, может по-своему доказывать естественный отбор, но совершенно не доказывает никакой эволюции. Увязка одного понятия с другим носит

искусственный характер. Все это - совершенно очевидные вещи. И только предвзятое отношение к теории Дарвина может заставить кого-либо утверждать, будто Дарвин «убедительно доказал» возможность эволюционного развития, и даже более того - якобы наглядно «продемонстрировал» сам факт эволюции. В серьезных академических трудах, конечно же, на «факте» особо не настаивают, однако в научно-популярной литературе (и особенно в литературе для подростков) давно уже стало нормой бесцеремонно выдавать желаемое за действительное.

Итак, что доказал Дарвин в своем эпохальном труде? Какие убедительные факты он привел в пользу эволюции? Свое произведение он начинает со следующих слов: «Путешествуя на корабле ее величества «Бигль» в качестве натуралиста, я был поражен некоторыми фактами в области распространения органических существ в Южной Америке и геологических отношений между прежними и современными обитателями этого континента. Факты эти, как будет видно из последующих глав этой книги, кажется, освещают до некоторой степени происхождение видов - эту тайну из тайн, по словам одного из наших величайших философов»²⁶. С первых же слов Дарвин показывает свою неуверенность в том, что приводимые им факты действительно подтверждают идею эволюции. Они лишь («кажется») освещают проблему происхождения видов «до некоторой степени». Чуть ниже его сомнения возрастают еще более: «Я очень хорошо сознаю, что нет почти ни одного положения в этой книге, по отношению к которому нельзя было бы предъявить фактов, приводящих, по-видимому, к заключению, прямо противоположным моим»²⁷. Такое признание уже само по себе весьма показательное и красноречивое. Автор «Происхождения видов», претендующий на роль строгого ученого-эмпирика, как бы дает нам понять, что созданная им теория содержит в себе какие-то скрытые и весьма существенные **противоречия**. Правда, Дарвин не утруждает себя высветить их в полной мере, зато вынужден чуть ли не по каждому поводу делать оговорки.

Подобных оговорок и отступлений в труде Дарвина достаточно много. На них, кстати, указывал в своем критическом исследовании Данилевский²⁸. Поклонники Дарвина обычно упускают эти оговорки из виду, что, как мы понимаем, имеет мало общего с научной объективностью. Так, принято считать, что движущей силой эволюции, по Дарвину, является естественный отбор. И, таким образом, складывается убеждение, что достаточно эмпирически обосновать наличие в природе естественного отбора, как вы автоматически докажете эволюцию. Однако в действительности все обстоит далеко не так. Во-первых, сам Дарвин признается, что «Естественный Отбор был самым важным, но не единственным средством модификации»²⁹. И, во-вторых (опять же по Дарвину), естественный отбор **не является причиной** эволюционных изменений. Это вытекает как из логики самой концепции естественного отбора, так и из прямых указаний автора книги.

Дарвин специально уточняет: «Некоторые писатели или превратно поняли термин «Естественный отбор» или прямо возражали против него. Иные даже вообразили, будто естественный отбор вызывает изменчивость, между тем как он предполагает **только сохранение** (здесь и далее выделено мной - О.Н.) таких вариаций, которые возникают и полезны существу в его жизненных условиях. Никто не возражает сельским хозяевам, говорящим о могущественных результатах отбора, производимого человеком, но и в этом

²⁶ Чарлз Дарвин. Происхождение видов... С. 21.

²⁷ Там же. С. 22.

²⁸ Данные оговорки, на что обращает внимание Н.Я. Данилевский, были сделаны Дарвином в последних прижизненных изданиях его труда, когда под шквалом критики пришлось смягчить категоричность некоторых суждений.

²⁹ Там же. С. 24.

случае **непременно должны сначала появиться представляемые природой индивидуальные различия**, которые человек отбирает с той или другой целью»³⁰.

Выясняется, что причиной изменений, без которых, как мы понимаем, эволюция вообще не мыслима, является таинственная «природа» (иногда «Природа» - с большой буквы). Вряд ли такая ссылка на «природу» будет представлять научное решение проблемы эволюции. Ученый не ссылается на природу, а постигает ее скрытые законы. Он ищет в природе причины, но не рассматривает **саму природу** в качестве причины. Такое решение проблемы было бы откровенно метафизическим - природа бы просто уподобилась Богу. Но именно так решают проблему эволюции ее сторонники, включая, как видим, и Дарвина. Вопрос об эволюционных изменениях даже в этом труде опять выходит за рамки эмпирических исследований. И иному решению, нежели метафизическому, не поддается совершенно. Конечно, Дарвин собрал, обобщил и представил богатейший эмпирический материал. И на основе этого материала он выдвинул вполне научную гипотезу, касающуюся естественного отбора. При желании ее справедливо можно называть теорией естественного отбора. И если ее рассматривать саму по себе, то она выглядит как вполне нормальная научная теория. Но, применимая к проблеме **происхождения** видов (а тем более, когда эта проблема помещена в контекст эволюционного учения), она абсолютно ничего не проясняет и ничего научно не решает.

В своем труде Дарвин выдвигает, в сущности, два исходных положения, на основе которых он и выстраивает свою теорию. Первое положение - в природе происходит постоянная борьба за выживание: животные и растения оставляют столь многочисленное потомство, что всем просто не хватит места под солнцем, а потому выживают «наиболее приспособленные». Второе положение - в природе постоянно наблюдаются изменения, касающиеся как самой среды, так и отдельных особей, реагирующих на внешние воздействия. Оба положения он обосновывает эмпирически, приводя большое количество фактов. В принципе, именно здесь он действует как ученый. Предоставленный им материал можно назвать убедительным. Можно даже согласиться с наличием в живой природе постоянных изменений и борьбы за выживание. Тут все показано наглядно и нелепо было с этим спорить. На основе этих эмпирических данных Дарвин приходит к выводу или гипотезе насчет естественного отбора. Суть гипотезы такова: в меняющихся условиях у отдельных особей возникают какие-либо незначительные новые признаки - меняется окраска, меняется форма отдельных органов и т.д. Если данный признак помогает живому существу лучше приспособиться к среде обитания, то у него появляется дополнительный шанс на выживание; если этот признак оказался бесполезным (а тем более вредным), то такая особь совершенно естественно «выбраковывается». Особи с полезными («благоприятными») признаками лучше сохраняются и, соответственно, лучше размножаются, передавая полезные признаки потомству. Те же особи, что не имеют таких признаков, постепенно вымирают или истребляются своими более «удачливыми» конкурентами.

Таково, в сущности, действие естественного отбора. Как видим, он лишь способствует сохранению полезных изменений, тогда как сами изменения возникают непонятно откуда. По крайней мере, Дарвин даже не пытается затрагивать этот вопрос, целиком полагаясь на «природу». Он только констатирует сам факт изменений, не выясняя их подлинной причины. Соответственно, он не отвечает на вопрос, почему одни признаки становятся «благоприятными», а другие нет, а равным образом - почему эти признаки появляются лишь у отдельных особей, а не у всех сразу и т.д.? В общем, эта тайна так и остается неразгаданной, а ссылки на внешние факторы и на естественный отбор только уводят в сторону от ее прояснения (если ее вообще можно прояснить чисто научно).

³⁰ Там же. С. 79.

Если бы Дарвин не ставил перед собой цели объяснить происхождение видов, его теория естественного отбора, возможно, не вызвала бы особых нареканий. Ведь самое интересное, что она вполне может объяснять некоторые **наблюдаемые** природные явления с чисто научной точки зрения. Иными словами, она вполне пригодна для объективного рассмотрения некоторых вещей, но только в том случае, если при этом совершенно не затрагивать проблему эволюции. Например, идея естественного отбора позволяет понять механизмы приспособления, адаптации, а, следовательно - **выживания и сохранения вида** в меняющихся условиях. Почему, допустим, некоторые виды занимают обширные и непохожие пространства? Почему, например, волки живут и в холодной тундре Крайнего Севера, и в жарких тропиках Индии? И там, и там они чувствуют себя превосходно. Что лежит в основе такой приспособляемости? Теория Дарвина могла бы, в какой-то степени, ответить на эти вопросы. Но, к сожалению, Дарвин отошел от сугубо **научной** проблематики и переключился на проблему откровенно метафизическую: вместо того, чтобы исследовать проблему выживания и сохранения видов (что можно наблюдать и фиксировать в самой природе), он занялся проблемой «происхождения видов», то есть стал размышлять над тем, что в природе совершенно **не наблюдается**. В итоге сама теория естественного отбора, помещенная в ненаучный контекст, наполнилась совершенно противоречивым и субъективным содержанием.

Так, с одной стороны Дарвин обозначает естественный отбор как «одно из важнейших средств модификации», с другой же стороны он делает постоянные оговорки, что изменения происходят отнюдь не вследствие естественного отбора. Здесь он вступает в явное противоречие с самим собой. И по другому у него вряд ли бы получилось, поскольку ссылки на таинственную «Природу» как на причину изменений трудно назвать убедительными и исчерпывающими. Для научного объяснения требуется что-либо более основательное и эмпирически обоснованное. Поэтому ничего другого не остается, как привлечь для этой цели гипотезу о естественном отборе, даже допуская откровенные неувязки и противоречия. Отсюда, надо полагать, не вполне адекватное название его книги: «Происхождение видов **путем** (by means) естественного отбора». Правильнее было бы - «в условиях естественного отбора». Подлинная причина изменений от нас в любом случае ускользает, но зато появляется **видимость** научного объяснения.

Все дело в том, что при такой постановке вопроса - о происхождении видов - идея естественного отбора, сама по себе хоть как-то эмпирически обоснованная, автоматически начинает **имитировать причину эволюции**. И только потому, что Дарвин, решая метафизическую проблему, вынужден был осуществить подмену тезиса: доказывая объективно наблюдаемую изменчивость в природе, он тем самым надеялся доказать эволюцию. И если изменчивость очень хорошо увязывается с идеей естественного отбора, то с этой же идеей попытались увязать и идею эволюции. И в таком контексте естественному отбору стали придавать значение некоей **действующей причины** эволюционного развития, хотя, как мы видели, ничего подобного в принципе предполагаться не должно, что и сам автор осознавал весьма отчетливо.

В общем, основные трудности дарвинской теории заключались не в том, что для ее обоснования не хватало какого-либо материала. Проблема носила куда более существенный характер. Дарвин впадал в явные противоречия только потому, что поставил перед собой задачу, которую невозможно решить средствами естествознания. Как мы уже говорили выше, проблема эволюции - как и всякая сугубо метафизическая проблема - при попытке ее научного решения неизбежно ведет к антиномиям. Если внимательно разобрать дарвинскую теорию, то нетрудно будет обнаружить, что ее основные положения, связанные с эволюцией, на самом деле приводят к антиномическим

выводам. Именно на это, судя по всему, намекает Дарвин в своем «Введении», когда говорит о том, что в его труде нет почти ни одного положения, по отношению к которому «нельзя было бы предъявить фактов, приводящих, по-видимому, к заключениям, прямо противоположным». И эти противоречия возникают именно там, где ставится вопрос об эволюции. Можно научно обосновать наблюдаемые изменения видов, можно даже как-то обосновать значительные модификации **уже существующих** форм жизни (то есть «горизонтального» перехода представителей одного вида в другой). Все это так или иначе могло претендовать на роль научной гипотезы. Но когда мы ставим вопрос о происхождении видов, имея в виду зарождение живых организмов и их прогрессивное историческое развитие (то есть эволюцию), ссылки на естественный отбор не только не дают какого-либо мало-мальски убедительного объяснения, наоборот - приводят нас к неразрешимым противоречиям.

Дарвин, пытаясь разрешить какое-либо одно затруднение, неизбежно приходил к другим, еще более существенным (чего он старался не замечать). Вот самый наглядный пример. В одном месте Дарвин пишет: «С точки зрения нашей теории, продолжительное существование низших организмов не представляет никакого затруднения, так как естественный отбор, или выживание наиболее приспособленного, **не включает в себе неизбежного прогрессивного развития** (здесь и далее выделено мной - О.Н.), он только **использует** такие изменения, которые возникают и оказываются полезными для каждого живого существа в сложных условиях его жизни»³¹.

Из этого признания следует, что изменения никак не направлены на неизбежное «улучшение» (то есть эволюцию) новых форм. Если исходить из рассуждений Дарвина, «приспособление» далеко не всегда означает «улучшение» (прогресс). А стало быть, «наиболее приспособленные» еще не всегда оказываются более сложно организованными (то есть более «прогрессивными»). Как утверждает сам Дарвин: «естественный отбор может градуально приспособлять существо к такой ситуации, где некоторые органы окажутся излишними или бесполезными; в таких случаях обнаруживается **упрощение организации** (выделено мной - О.Н.)»³². Таким образом, Дарвин не только противоречиво истолковывает роль естественного отбора в деле возникновения изменений, он, вдобавок ко всему, категорически исключается его причинную связь с процессом эволюции (если понимать под ней неуклонное усложнение организации). Более того, естественный отбор, как следует из приведенных высказываний, может способствовать и обратному процессу, то есть инволюции, деградации, упрощению. Дарвин, по понятным причинам, не развивает этот тезис. Он использует его только для того, чтобы «научно» согласовать идею эволюционного развития с очевидным фактом существования «низших форм». Его подлинные затруднения как раз и вызваны тем, что воображаемый процесс, который отвлеченно можно «объяснить» как угодно, приходится увязывать с тем, что можно наблюдать реально (без чего, как мы понимаем, никакого «научного» объяснения не получится).

По логике естественного отбора «прогрессивные» («улучшенные») формы должны неизбежно подавлять или истреблять «отсталых». Последних, таким образом, оставаться не должно. Все «низшее» в природе, рассуждая отвлеченно, необходимо стремится к исчезновению. Такой математически однозначный вывод мы получаем путем дедукции. Но поскольку эволюционисты претендуют на роль ученых-эмпириков, а не спекулятивных философов, им приходится обращаться к реальности. А в реальности «низшие» формы не только никуда не исчезают, но живут в огромных количествах и вполне хорошо себя чувствуют. Это уже очевидный факт, и только глупец будет его

³¹ Там же. С.112.

³² Там же. С.111.

оспаривать. Ведь и человек - как самая «высокоорганизованная» форма - питается не себе подобными, а теми, кого он «опередил» в своем развитии. И если мы продолжим рассуждение, то можем прийти к совершенно нелепому умозаключению: «высшим» формам для выживания совершенно необходимы «низшие», которыми они питаются; однако «низшие» есть наименее приспособленные, и, как таковые, они неизбежно должны исчезать; но, стало быть, их исчезновение приведет к столь же неизбежному исчезновению «высших». На основании этих посылок нам придется сделать абсурдное заключение: выживание «высших» как «наиболее приспособленных» неизбежно ведет к их исчезновению (поскольку предполагает исчезновение «низших», без коих «высшие» жить не могут).

Чтобы избежать этого порочного круга и примирить отвлеченные положения с реальностью, Дарвину пришлось признать, что приспособляемость живых организмов не связана с повышением уровня их организации. И, таким образом, естественный отбор может работать как на «повышение», так и на «понижение». Главный критерий отбора - способность **выживать** в сложных условиях. А каким способом это достигается, уже не суть важно.

Казалось бы, таким путем Дарвину действительно удалось избежать серьезных затруднений. Однако как раз здесь мы сталкиваемся с затруднением, еще более сложным и совершенно неразрешимым. Ведь если естественный отбор может действовать в двух совершенно противоположных направлениях, следовательно, с его помощью можно столь же легко **обосновать** и процесс инволюции. Иначе говоря, когда дарвинисты заявляют, будто теория Естественного отбора убедительно доказывает эволюцию, они упускают из виду, что эта теория столь же «убедительно» может доказать и обратный процесс. Это - во-первых. А во-вторых, учитывая научный принцип причинности, такая антиномия совершенно не укладывается в рамки научного объяснения. В науке причина должна четко и недвусмысленно определять следствие, без каких бы то ни было упований на случайность, без всяких «или туда, или обратно». Поэтому дарвинское объяснение эволюции либо совершенно ненаучно, либо Дарвин вообще не выявил никаких причин, а значит, так ничего и не объяснил.

Кроме того, если мы разберем указанную антиномию, выяснится, что доказать инволюцию с помощью дарвинской теории будет намного проще, нежели доказать эволюцию. Дарвин не касается, например, проблемы зарождения жизни, лишь мимоходом замечая, что первые, простейшие формы жизни могли быть либо **сотворены**, либо возникнуть путем самозарождения. Для него данный вопрос еще не был достаточно прояснен. По большому же счету он просто уходит от этой темы, акцентируя внимание на происхождении видов. Однако именно проблема зарождения жизни может легко подорвать весь фундамент его теории. В самом деле, Дарвин в качестве движущего фактора эволюционных процессов берет борьбу за выживание. Без этой борьбы немыслим никакой естественный отбор, а стало быть, и эволюция. Допустим, борьба за выживание имеет место быть, и Дарвин тут совершенно прав. В конце концов, факты как будто этому не противоречат. Организмы действительно стремятся выжить, и им приходится, так или иначе, вести своего рода конкурентную борьбу. Но ведь для того, чтобы бороться за выживание, уже **необходимо жить**. Следовательно, механизмы, которые, согласно Дарвину, способствуют эволюционному усложнению живых форм, должны возникнуть **уже после того**, как жизнь зародилась. Какие причины, в таком случае, могли вызвать появление самой жизни? Естественный отбор тут явно ни при чем, ссылки на случайные изменения живых организмов, допускаемые таинственной «природой», здесь также неуместны. Существование же жизни в готовом, так сказать виде, последователей Дарвина устраивать не может, поскольку тезис о самозарождении жизни и ее

последующем прогрессивном развитии есть краеугольный камень эволюционной доктрины. Одно из фундаментальных положений эволюционизма как раз и заключается в том, что жизнь именно самозародилась, а затем все более и более усложнялась, порождая все многообразие видов и форм. Только так эволюционисты (как им казалось) могли исключить религиозную идею творческого Божественного вмешательства. И вот как раз на эти фундаментальные вопросы теория Дарвина совершенно не отвечает. Идея естественного отбора в принципе никак не может ответить на вопрос: почему возникла жизнь? И, как было уже показано, не в состоянии объяснить, почему живые организмы должны непременно повышать уровень организации.

В то же время, отстаивая процесс инволюции, то есть неуклонного упрощения жизни, мы без всяких затруднений можем использовать основные положения дарвинской теории. Примем как факт всеобщую борьбу за выживание. Согласимся с выживанием «наиболее приспособленных», а равно и с тем, что в целях выживания упрощение организации дает определенные преимущества (что, как мы знаем, **нисколько не противоречит** идее естественного отбора). Таким образом, приходим к выводу, что вымирание или гибель высокоорганизованных форм и замена их формами низкоорганизованными есть вполне объективная тенденция. Вывод можно подкрепить наглядными примерами, коих достаточно много: деградация ландшафтов, уничтожение сложных экосистем с их разнообразной флорой и фауной, вымирание многих видов высокоорганизованных животных и т.д. Одновременно с тем - неистребимые полчища микробов и паразитов (не считая клопов, тараканов, крыс и мышей). Поскольку проблема зарождения и развития жизни нас волновать здесь совершенно не будет, у нас не будет и необходимости доказывать воображаемые вещи и согласовывать их с фактами. Происхождение видов, соответственно, мы затрагивать также не будем, ибо наше внимание будет уделено проблеме их исчезновения. А факты здесь лежат на поверхности. В общем, теория инволюции в большей степени удовлетворяет критериям научности, нежели все построения в пользу эволюции. И самое примечательное, что инволюцию можно обосновать, даже ссылаясь на теорию эволюциониста Дарвина.

Все это лишний раз доказывает, что любое обоснование эволюции не выдерживает соприкосновения с реальностью. И подмена тезисов и понятий, эта самая «невинная» подтасовка, постоянно используемая эволюционистами, неспособна скрыть их наиболее уязвимое место - неоправданное стремление научно обосновать **целиком воображаемый процесс**. Эмпирические выкладки Дарвина придают эволюционной теории некоторое наукообразие, однако они же заводят в тупик, стоит только увязать их с фундаментальными положениями эволюционизма. Можно сколько угодно в наукообразных рассуждениях подменять понятие «эволюция» понятием «изменение», но проблема от этого ни в коей мере не решается. И не может решиться в принципе - как раз потому, что данные наблюдений здесь всегда будут вступать в противоречие с отвлеченными метафизическими схемами. Всегда без лишнего труда обнаружатся факты, которые, по признанию самого Дарвина, будут приводить к заключениям, «прямо противоположным».

Таким образом, как бы современные эволюционисты ни апеллировали к Дарвину, их кумир не привел **ни одного научного доказательства в пользу эволюции**. И, несмотря на все наукообразие дарвинского стиля, создатель теории естественного отбора не только не избежал метафизических спекуляций, но и положил в основу своих мнимых доказательств совершенно некорректные с научной точки зрения допущения. Одно из них уже упоминалось - это ссылки на «Природу» как на причину изменений. Природа, напомним еще раз, есть для ученого **объект исследования**, нуждающийся в объяснении. У Дарвина (как и у всех эволюционистов) сама «Природа» должна объяснить некий

воображаемый процесс. Далее, еще одно некорректное допущение, тесно связанное с первым - это ссылка на **случайность**. Ни Дарвин, ни его предшественники, ни его последователи не только не исключили случайность в качестве способа «объяснения», но, наоборот, постоянно акцентируют на этом внимание (на что, опять же, указывал еще Данилевский). Но если эволюция состоит из сплошного набора случайностей, значит, она вообще не поддается научному объяснению. Во всяком случае, это противоречит принципам классического естествознания, исследующего закономерные и обратимые процессы, поддающиеся прогнозу. Можно, по крайней мере, научно рассуждать о **возможности** эволюции, но проблема в том, что эволюционисты рассуждают об эволюции как о **действительном** процессе. И это лишний раз свидетельствует о ненаучности эволюционизма.

Наконец, еще одно ненаучное допущение - это ссылка на бесконечно длительное время, в процессе которого якобы могли произойти существенные трансформации живых форм или зародиться сама жизнь. Подобная ссылка вообще противоречит всякому эмпирическому опыту. Если случайные изменения в природе мы еще можем наблюдать, то вот упования на креативные возможности необычайно длинных эпох совершенно уводят нас в область воображаемых вещей. Однако именно на таком допущении и Ламарк, и Дарвин обосновывали возможность появления новых видов. Стоит выбросить из дарвинской теории ссылку на длительное время, как стройное здание эволюции видов полностью обрушится. Это еще раз нам показывает, что никаких эмпирических свидетельств в пользу эволюции не существует в принципе. И теория Дарвина в этом плане ровным счетом ничего не изменила.

Из всего сказанного следует, что эволюционное учение не имеет ни малейшего отношения к эмпирической реальности, исследуемой естественными науками. Поэтому его стоит рассматривать исключительно как отвлекенную, спекулятивную философскую доктрину. Что касается основных естественнонаучных категорий, используемых эволюционистами, то их стоит рассматривать в том значении, какое им придавал Герберт Спенсер - как «простые символы мысли». Только «символы», и не более того. Если мы оценим эволюционистскую проблематику саму по себе, безотносительно к естествознанию, то обнаружим, что все именно так и обстоит. Эволюционизм - это исключительно **самодостаточная** умозрительная конструкция, сама по себе совершенно не направленная на научное объяснение каких-либо реально наблюдаемых природных процессов.

Глава 6 ЭВОЛЮЦИОНИСТСКАЯ СХОЛАСТИКА

Казалось бы, нет более несовместимых по форме вещей, как схоластические системы и эволюционное учение. Мы привыкли к тому, что эволюционисты, в отличие от средневековых схоластов, используют не только научную терминологию, но и рассуждают о вещах, казалось бы, осязаемых, наглядно представленных и как будто совершенно реалистичных. Из-за обилия чувственно наглядных образов эволюционизм справедливее было бы сравнить с мифологией, если бы не одно важное обстоятельство - эволюционисты много рассуждают и много доказывают. И предмет их обсуждений точно так же далек от чувственно воспринимаемой реальности, как это и было в случае со схоластами. Если и есть между ними какое-либо принципиальное различие, так только то, что у схоластов не было никаких иллюзий относительно того, о чем реально они говорят, и что реально стремятся постичь с помощью своих рассуждений. Они не выдавали свою

философию за эмпирическую науку и не пытались чувственно изображать свои универсалии, а тем более искать их физические соответствия в самой природе. Только поэтому, надо полагать, между эволюционизмом и схоластикой существуют определенные расхождения в плане формы выражения и стиля, но при этом обнаруживается неожиданное сходство в характере обсуждаемых предметов, а равно и в плане познавательных задач.

Умозрительные построения схоластов были автономны от эмпирической реальности и в принципе не предусматривали опытной проверки. Схоласты оперировали отвлеченными принципами и сущностями, рассматривая свои идеальные конструкции в качестве высшего и универсального знания, имеющего в их глазах большую ценность, нежели выводы из непосредственных наблюдений того или иного фрагмента реальности. В этом, как мы знаем, и состоял конфликт между схоластикой и нарождающимся естествознанием. Схоластов не интересовало то, что можно видеть и наблюдать, их интересовало то, что можно **мыслить**. А мыслились как раз «принципы» и «сущности». Поэтому все рассуждения схоластов завязывались вокруг мыслимых, точнее - умопостигаемых форм. Они и были единственным предметом их обсуждений.

Существовал даже такой анекдот про Фому Аквинского и его учителя Альберта Великого. Фома Аквинский со своим учителем прогуливались по саду и спорили о том, есть ли у крота глаза. К их спору прислушался садовник и решил им помочь. Он (как типичный «эмпирик») предложил им найти крота и посмотреть, есть ли у того глаза или нет. Однако оба философа наотрез отказались от такой помощи. Они объяснили садовнику, что их интересует **в принципе**, есть ли **принципиальные глаза у принципиального крота**. Такой случай вполне мог иметь место в жизни и, скорее всего, он именно из жизни и взят. Великие схоласты действительно рассуждали о «принципиальных» вещах. И даже если рассуждали о кротах, то для них «крот» был именно идеей, и «существование глаз у крота» - тоже идея. Короче говоря, схоласты, рассуждая об идеях, могли при этом упоминать о таких натуральных вещах, как крот и его глаза. Следовательно, понятие «крот» и понятие «глаз», даже, несмотря на то, что они могут вызывать в сознании соответствующие чувственно-наглядные образы, в данном случае не будут иметь никакого отношения к реальным физическим объектам. Это, как и у Спенсера, всего лишь «символы мысли». С их помощью вполне возможно обсуждать то, что принадлежит только миру умопостигаемого. Именно так и обстояло дело в схоластике - отвлеченный разговор мог вестись с применением имен физических объектов.

Схоластам, конечно, не было никакой необходимости прибегать к чувственно наглядным образам, но это, как мы уже заметили, лишь отражало достаточно высокий уровень их философской культуры. Тем более их творчество приходилось на ту эпоху, когда «чувственное» не принималось как нечто самоценное. Поэтому физическое, материальное, осмысливалось через идеальное, духовное. Но к моменту зарождения эволюционной теории ситуация радикально изменилась. Физический мир мыслился уже как единственно возможный мир, существующий сам по себе. А потому неудивительно, что в условиях резкого снижения уровня философской культуры нечто отвлеченное и умопостигаемое пытались выразить через чувственно наглядное. Ламарк написал свою «Философию зоологии», где он изобразил несуществующих животных, находящихся в процессе трансформации, меняющих свой внешний вид благодаря «упражнению» органов. Это действительно была его «философия», и он выразил ее доступными и близкими ему, натуралисту, средствами. Но то же самое - с разной степенью успеха - делали все эволюционисты после него, не исключая, как мы видели, и Дарвина.

Подобная форма выражения сугубо философских идей, возможно, способна далеко увести от истины, однако она обладает несравненными **социальными** преимуществами. Читать трактаты Канта или Гегеля занятие весьма утомительное для неподготовленной аудитории. Но когда философские идеи преподносят с помощью увлекательных «картинок», это способно увлечь довольно широкую и даже совершенно неподготовленную аудиторию. Конечно, такие корифеи, как Дарвин, выдерживали строгий научный стиль, однако все дело в том, что их учение можно было без особого ущерба для содержания изобразить в чувственно-наглядной форме. Ни учение Гегеля, ни учение Канта нельзя изложить в «картинках», но теорию Дарвина можно. Что в итоге и произошло. Недаром Данилевский замечал, что «учение Дарвина было вполне учением демократическим»³³. Отсюда, пожалуй, секрет победного шествия дарвинизма. Подобно мифологии, это учение свободно проникало в массовое сознание посредством увлекательных «картинок». Хотя на уровне академических обсуждений оно принимало уже более строгую форму научной теории. Здесь уже была совершенно бесплодная и скучнейшая схоластика.

Мы еще поговорим о бесплодности эволюционного учения именно в качестве научной теории. Сейчас же подробно коснемся того подлинного содержания, что скрывается за внешне обманчиво-наглядной формой. Итак, мы уже показали, что даже в средневековой схоластике именами физических объектов могли обозначать отвлеченные идеи. То же самое не в меньшей степени справедливо и для эволюционизма. Те терминологические обозначения, что якобы применяются в отношении неких физических объектов (животных или растений), на самом деле призваны выражать **именно отвлеченные идеи** вроде схоластических «сущностей».

Как мы увидим далее, в рамках эволюционистской проблематики такие своеобразные спекуляции напрашиваются сами собой. Они, по большому счету, совершенно неизбежны. Мы уже говорили о том, что у эволюционной теории нет того предмета, который можно было исследовать средствами естествознания. Соответственно, обсуждаемые эволюционистами вещи имеют такое же отношение к обозначаемым физическим объектам, какое имел упомянутый «крот» Фомы Аквинского к реально существующему кроту. И не важно, о чем конкретно идет речь - о древних ископаемых или о ныне живущих существах. Все они - не более чем повод осветить «принципиальную» проблему. Ее отвлеченный характер задается самой постановкой вопроса о зарождении жизни и происхождении видов. Именно этот вопрос определяет тот контекст, в рамках которого обсуждение приобретает отвлеченно-спекулятивный характер - какие бы чувственно-наглядные образы при этом ни использовались и какие бы объекты ни упоминались.

Давайте подумаем над тем, какую проблему на самом деле мы затрагиваем, когда ставим вопрос о «происхождении видов». Какой подлинный смысл скрывает в себе это выражение? Мы уже говорили о том, что «вид» как таковой есть абстракция, идея. И в этом качестве он мало чем отличим от схоластической «сущности». То же самое справедливо и для всех остальных единиц биологической систематики: «род», «класс» или «тип» сами по себе есть **абстракции**, вещи сугубо **умозрительные**. В реальности мы сталкиваемся с отдельными **особями**, то есть единичными вещами, индивидами. «Вид» или «род» возникают уже в нашем уме. «Вид» есть не то, что мы видим, а то, что мы **мыслим**. Когда мы говорим о виде того или иного животного, мы тем самым обозначаем именно некую сущность, некие общие признаки, что обнаруживаются у конкретных особей, индивидов. В этом смысле, рассуждая о «происхождении видов», занимаясь пресловутой «родословной», вписанной в знаменитое «древо жизни», мы вполне можем предаваться абстракциям, рассуждая исключительно о «сущностях». Правда, эти

³³ Н.Я. Данилевский. Дарвинизм. Т.1, Часть 2. - С. 484.

«сущности» принято изображать наглядно, но это уже, как было сказано, дань эпохе. Эволюционисты оперируют, если можно так выразиться, **натурализованными универсалиями**, а их упомянутое «древо жизни» есть представленное в «картинках» не мене знаменитое «древо Порфирия», знакомое из учебников по формальной логике.

Если повнимательнее присмотреться к этому эволюционному «древу жизни», то нетрудно заметить, что оно отражает не какой-либо природный процесс, а **отвлеченный ход мысли** самих эволюционистов. Его возникновение, как известно, связано с попыткой дать новый принцип классификации живых объектов. В основу такой классификации положен принцип природного, генетического родства. Сама же идея «родства» является чисто метафизической, ибо на эмпирическом уровне мы только констатируем сходство, но не можем при этом делать вывод о происхождении одного из другого. Вопрос о происхождении есть уже сугубо схоластическая, отвлеченно-спекулятивная тема. Здесь мы уже оперируем, по выражению Оккама, понятиями вторичной интенции. А по большому счету, мы выстраиваем все то же «древо Порфирия», то есть, устанавливаем **связь между понятиями**.

Действительно, что значит «установить родословную» того или иного животного? Это просто связать видовое понятие, которым обозначается данное животное, с родовыми понятиями в порядке возрастания их объема. Что, по существу, означает «предок» того или иного животного или нескольких животных, как не родовое подчиняющее понятие? Быть «предком» тех или иных видов, значит включать в себя некоторое количество видовых понятий. Гипотетическая живая клетка, якобы произвольно зародившаяся в начале времен, есть просто самое общее родовое понятие, включающее в себя все то, что относится к живой форме вообще. Почему именно клетка? Потому что именно ей соответствует понятие «жизнь» вообще или «форма жизни», то есть то **общее**, что присуще **всем** живым организмам - и «высшим», и «низшим». До Дарвина эволюционисты рассуждали о некоем «прафеномене» - гипотетическом «первопредке», содержащем в себе **основные, общие черты** всех ныне существующих живых форм. Но «клетка», похоже, лучше подходит на роль самого общего родового понятия. Первые эволюционисты о клетке ничего не знали и предложили откровенно умозрительный «прафеномен». Клетка же, заложенная Геккелем в основание ствола созданного им «древа жизни», не вызывает уже никаких сомнительных ассоциаций. И тем не менее схоластический умозрительный поиск «предков» ведется по той же схеме - от общих понятия к более конкретным и определенным видам, представленным современными животными и растениями.

Как правило, претендентом на роль такого гипотетического «предка» выступает некое ископаемое (или полностью воображаемое) животное, чьи индивидуальные или видовые свойства выражены наименее отчетливо. Поэтому неудивительно, что при такой постановке вопроса все предполагаемые «предки» должны быть вымершими. Живи они сейчас, нам бы пришлось учитывать их конкретные видовые особенности. Но когда они зачисляются в категорию «вымерших» существ, нам легко рассуждать о них абстрактно, обращая внимание только на некоторые **общие** черты, якобы «роднящие» их со своими ныне живущими «потомками». Что касается «потомков», то есть ныне живущих видов, то никому не приходит в голову предполагать их дальнейшую эволюцию. Это было бы откровеннейшей фантазией. Поэтому эволюционисты, в духе дарвинской теории, заявляют об их «идеальной приспособленности» к современным условиям жизни (выработавшейся, как мы понимаем, за долгие годы эволюции). Если же зоологи где-то в глухих уголках случайно обнаруживают «живых ископаемых» (как это было с целакантом или гаттерией), то эти «реликтовые» формы, естественно, объявляются «тупиковой ветвью» эволюции. Такие объяснения *ad hoc* дополнительно показывают, что

эволюционисты **в принципе** не могут рассуждать о реально наблюдаемых вещах. Они могут лишь апеллировать к ненаблюдаемому далекому прошлому, выстраивая свои «родословные». В этом случае им легче выдавать себя за ученых-эмпириков, поскольку у прошлого сохранились материальные следы, хоть и сильно размытые. Но также эволюционисты могут рассуждать и о предполагаемом будущем, однако здесь их рассуждения, по понятной причине, все больше сплетаются с измышлениями писателей-фантастов.

Скорее всего, именно поэтому эволюционисты уделяют большее внимание «реконструкциям прошлого», нежели прогнозированию будущего. Их прогнозы всегда будут содержать элемент фантастичности, тогда как рассуждения о прошлом выглядят вполне научно, поскольку в этом случае можно воспользоваться данными палеонтологии. Но от этого их рассуждения не перестанут быть схоластическими, так как неизменно вплетаются в отвлеченный контекст, связанный с метафизическим вопросом о происхождении.

Если взять все то же «древо жизни», то все его «листья», как правило, представлены ныне существующими видами. «Ветви» и «ствол», где угнездились предполагаемые «предки», представлены уже ископаемыми формами. Как было сказано, ископаемому, ввиду неопределенности его облика, очень легко оказаться в роли «предка». Для этого достаточно откровенно проигнорировать присущие ему видовые признаки. За примерами далеко ходить не приходится. Так, эволюционисты когда-то определили древних кистеперых рыб – целакантов - в предки сухопутных позвоночных. Основанием для такого вывода стали мясистые плавники, напоминающие «зачатки» лап. Это был единственный **общий признак**, который якобы роднил кистеперых со всеми сухопутными формами. Другие признаки эволюционисты не рассматривали или просто не были в курсе. Когда в конце 30-х годов была поймана живая кистеперая рыба (это событие стало сенсацией), выяснились некоторые **подробности**, поставившие в тупик эволюционистов: целаканты жили на очень большой глубине, совершенно не стремясь выходить на поверхность, поскольку солнечные лучи оказывались для них губительными.

Не менее поучительна и история с предполагаемым «предком» современной лошади - эогиппусом. На роль лошадиного прародителя этот древний зверек попал именно из-за того, что в ряду пресловутых «переходных форм» он обладал **наименьшим сходством** с лошадью. Тут нет ничего парадоксального, если мы учтем типично схоластический характер эволюционистских рассуждений. Признаком истинной «лошадности» они приняли особое строение конечности, а именно наличие одного пальца. Эогиппус имел четыре пальца, и в этом смысле его сходство с лошадью было лишь **приблизительным, наиболее общим**. У его последующих предполагаемых «потомков» число пальцев уменьшалось. Другие, чисто **видовые признаки**, обнаруженные у «предков» лошади, эволюционистов не интересовали. Например, они совершенно не обращали внимания на само строение конечностей, на количество ребер, на количество зубов, на изгиб спины, наконец, их совершенно не интересовало, в каком месте и в каких слоях найдены эти останки. Они взяли единственный видовой признак лошади - наличие одного пальца - и далее вели «родословную» по линии **уменьшения** этого признака, ко все более и более общим чертам. Сходство эогиппуса с лошадью лишь в том, что он также есть позвоночное животное, четвероногое млекопитающее с вытянутыми конечностями. И в этом смысле родовое понятие «эогиппус» (как понятие вторичной интенции) подчиняет видовое понятие «лошадь». При желании можно было бы провести аналогичную «родословную» от эогиппуса к современным медведям или собакам.

«Родословная» человека выстраивается по тому же схоластическому принципу. Его сходство с обезьяной усматривается в общем морфологическом признаке - наличии «хватающих» конечностей и особой форме головы с выраженной лицевой частью. И если обезьяна содержит эти **общие черты**, то она автоматически записывается в число наших «предков». Ее видовые особенности - как реального животного, - опять же игнорируются. Таким образом, в контексте эволюционистской теории, «обезьяна» берется в качестве подчиняющего родового понятия, включающего в себя видовое понятие «человек».

Этот принцип справедлив для любой эволюционной «родословной». На основании чего, например, рыбу можно отнести к «предкам» сухопутных позвоночных? Только на основании того, что рыба содержит объединяющий их всех общий родовой признак - наличие позвоночника. Этот признак характеризует весь класс позвоночных. Почему земноводные прямые «потомки» рыб? Потому что у них также есть одно общее сходство с рыбами - и те, и другие связаны с водой и мечут икру. Признаки, существенно **отличающие** рыб от земноводных, не рассматриваются (отсутствие чешуйчатого покрова у земноводных, кожное дыхание в воде, наличие легких, стадия головастика в индивидуальном развитии и т.д.). Аналогичным образом самих земноводных определили в «предки» рептилий. Основание для этого было одно - связь с сушей, наличие лап, хладнокровие. Опять общие признаки. А то обстоятельство, что по **другим признакам** земноводные совершенно отличаются от рептилий, в отвлеченных эволюционистских построениях никакого значения уже не имело. Такая же картина и в случае с «родословной» птиц. Птиц, как известно, выводят из рептилий. Опять же по общим признакам. На этот раз - откладывание яиц и наличие сухой кожи. Этого оказалось достаточно, чтобы рептилии попали в «предки» к птицам. Принципиальные же отличия одних от других опять никакой роли не играли.

Сказанного, пожалуй, достаточно для того, чтобы понять одну очевидную вещь - выстраиваемые эволюционистами «родословные» сами по себе свидетельствуют об отвлеченном отношении к предмету. Подобная тема не может претендовать на роль эмпирического исследования. Тема «родословных» - тема типично схоластическая. Она порождает ряд псевдопроблем, не свойственных нормальной эмпирической науке. Такие «проблемы» ставятся только в рамках эволюционной доктрины, и сама их возможность вытекает из схоластического характера эволюционистских дискуссий.

Об одной такой псевдопроблеме мы уже упоминали. Речь идет о дискуссии между градуалистами и сальтационистами, то есть между сторонниками постепенных эволюционных изменений и сторонниками резких скачков. Разговор на эту тему носит, как мы понимаем, совершенно отвлеченный характер, поскольку природа не дает нам наглядного материала для самой постановки подобной проблемы. Обсуждаются лишь умозрительные схемы и идеальные конструкции, состоящие уже из знакомых нам понятий вторичной интенции. В этой связи понятие «переходная форма» есть не более, чем схоластический концепт, призванный решить отвлеченную задачу. Это понятие дедуктивно-логическим путем выводится из основных положений градуализма, утрачивая свою актуальность в рамках сальтационистской концепции. Тем более, что его конкретное содержание может постоянно меняться в зависимости от выбранной исходной позиции. Учитывая данное обстоятельство, было бы в высшей степени наивно заниматься поисками неких реальных, физических останков этих самых «переходных форм».

Тот же схоластический характер носит дискуссия между «мономорфистами» и «полиморфистами». Первые стараются вывести все виды от одного общего предка по непрерывным линиям, вторые рассуждают о «параллельных путях» эволюции. Например, являются ли сумчатые млекопитающие «предками» более «высокоорганизованных»

плацентарных или же обе ветви жизни развивались параллельно? «Мономорфисты» настаивают на первом варианте, «полиморфисты» - на втором. При этом идея «параллельной» эволюции рассматривается как новая гипотеза, способная якобы осветить некоторые «тайны» развития жизни на Земле. Допускается даже такая мысль, что «параллельная» ветвь может служить неким «запасным вариантом» эволюции. Если, предположим, по каким-то причинам вымрут «высшие» формы плацентарных, эту утрату могут восполнить представители «запасного варианта».

Как видим, эволюционистские дискуссии способны порождать новые понятия вторичной интенции, никак не связанные с эмпирической реальностью - вроде «переходной формы» или упомянутого только что «запасного варианта» эволюции. Еще одно, сугубо схоластическое понятие - понятие «тупиковой ветви». Оно, подобно «переходной форме», возникло в ходе решения отвлеченной задачи по выявлению «родословных». «Тупиковая ветвь» - типичное ad hoc понятие, используемое там, где «родословная» выстраивается с большим трудом или вступает в вопиющее противоречие с фактами. С сугубо же эмпирической точки зрения оно совершенно бессмысленно. Так, целакант оказался «тупиковой ветвью» после того, как был пойман живым и здоровым. До этого он однозначно записывался в число «предков», а потому **в теории** его современное существование исключалось. Неандертальца до последнего времени считали непосредственным предком современного человека - кроманьонца, - пока не обнаружилось, что и тот, и другой когда-то существовали бок о бок. Даже современных сумчатых и яйцекладущих относят к «тупиковой ветви», поскольку по логике эволюционной теории они должны полностью исчезнуть как «менее совершенные» формы. Но поскольку необходимо объяснить их современное существование, пришлось объявить их случайно выжившими реликтами. То же касается и гаттерии, у которой обнаружили «архаичные» признаки. В общем, понятие «тупиковая ветвь» имеет смысл только в контексте отвлеченной эволюционистской модели. Применимое же к самой природе это понятие ровным счетом ничего не поясняет и не объясняет.

Еще один пример сугубо схоластической псевдопроблемы - это спор о том, какую форму должна принимать разумная жизнь - должна ли она быть исключительно антропоморфной или могут быть иные варианты. В Советском Союзе по этой проблеме даже устраивались научные симпозиумы, причем международного значения. Так, в 1971 году один такой международный симпозиум проводился в Армении. Обсуждалась «проблема» инопланетных форм жизни и возможности межзвездных контактов. Естественно возникал вопрос: если на других планетах есть разумная жизнь, то какие формы она может иметь? Нам сейчас нет необходимости останавливаться на том, как эта «проблема» решалась, какие предположения выдвигали участники подобных симпозиумов. Обратим лишь внимание на сам характер поставленной «проблемы». Похожие вопросы, как ни странно, ставили средневековые авторы, рассуждая об облике демонов, ангелов, а также об облике самого Иисуса Христа. Столь же популярна была и тема контактов. Одна из актуальнейших проблем раннего средневековья - обладал ли Иисус красивой внешностью или был безобразен? Не менее актуальной была проблема и внешнего облика дьявола. Чем, по существу, отличаются от этого современные, якобы научные обсуждения облика инопланетных разумных существ? Остается только удивляться, как причудливо актуализировалась старая средневековая тема в современных условиях, причем от имени науки и материализма.

Сюда же можно отнести и «проблему» цефализации, то есть эволюционного развития головного мозга - от рыб до современного человека. Идея цефализации логически приводит к фантастическому утверждению насчет дальнейшего развития человека, превращения его в уродливое большеголовое существо. Ведь если эволюция неизбежно

ведет к увеличению объема головного мозга, следовательно, этот процесс неминуемо коснется далеких потомков современных людей. Такой «прогноз» пока еще не решаются назвать строго научным. Однако на его примере мы видим, насколько далеки эволюционистские рассуждения от реальной жизни. Чтобы окончательно убедиться в этом, посмотрим, насколько применима эволюционная теория в деле объяснения конкретных, наблюдаемых явлений природы.

Глава 7 ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЯСНЕНИЯ

Основные положения эволюционной доктрины утвердились еще до того, как были сделаны серьезные, а порой сенсационные открытия в области биологии. Уже после выхода в свет знаменитой книги Дарвина о происхождении видов, до сих пор считающейся наиболее убедительным научным обоснованием эволюции, были открыты законы наследственности, обоснована невозможность самозарождения жизни, изучено клеточное ядро, выявлена структура ДНК и т.д. Ни одно из перечисленных открытий не только не предполагалось эволюционистами, но наоборот - вступало в противоречие с их доктриной. Вдобавок ко всему двадцатый век преподнес несколько озадачивающих зоологических сюрпризов. Один из таких сюрпризов - живой целакант, пойманный вблизи Коморских островов.

Что нас интересует в этой связи? Нас интересует то, как эволюционная теория перестраивалась под новые факты. Перестраивалась с необычайной легкостью, которая в принципе была бы затруднительна для любой нормальной научной теории. Пример с целакантом в этом отношении весьма красноречив и показателен.

До его поимки эволюционисты полагали целаканта непосредственным предшественником и прародителем сухопутных четвероногих. На эту мысль их наталкивали массивные конечности этой странной рыбы, чьи останки были найдены в древних отложениях. На основании такого допущения был сделан вывод, что целакант способен был дышать воздухом, то есть обладал легкими. В принципе, по окаменелым останкам очень трудно восстановить подлинное строение внутренних органов. Мысль о наличии у целаканта легких была не более чем предвзятым предположением. Это была странная гипотеза, по крайней мере, странная для натуралистов, поскольку она строилась не на фактах, а на чисто умозрительных построениях. Такое положение вещей допускалось в натурфилософии, но вряд ли мы его можем считать нормальным для современной эмпирической науки.

Тем не менее, именно такое, типично натурфилософское предвосхищение основания становится нормой для эволюционистских объяснений и интерпретаций. И дальнейшая история с целакантом это только подтверждает. Когда были обследованы уже **живые** целаканты, у них в организме не нашли ни малейшего намека на наличие легких. Да это было и немислимо, поскольку настоящий целакант живет на большой глубине и перемещается среди рифов с помощью своих массивных лап. На поверхность он вообще не стремится, мало того - всячески избегает солнечного света.

Как же вышли из столь затруднительной ситуации эволюционисты? Очень просто. Они объявили, что ныне живущие целаканты перестали жить на поверхности, ушли в морские глубины, а потому совершенно утратили легочное дыхание! То есть положение о

целакантах как «переходном звене» от морских животных к сухопутным не претерпело ни малейшего пересмотра. Вместо этого - новая «гипотеза», как всегда покоящаяся на умозрительном и ничем не подтвержденном основании. Уверенность в том, что плавник целаканта представляет собой некую промежуточную стадию развития от обычного рыбьего плавника до лапы сухопутного животного, осталась все так же непоколебимой. Как писал об этом советский популяризатор эволюционизма Анатолий Варшавский: «Конечно, и до поимки целаканта была в общих чертах известна картина преобразования плавника ископаемой кистеперой рыбы в пятипалую конечность первых наземных позвоночных - стегоцефалов. Но одно дело - окаменелые отпечатки, а другое, когда перед тобой живая плоть и ты видишь, каким образом рыбный плавник превращался в конечность наземного четвероногого, каким путем равнодействующая эволюции вела к одному из крупнейших событий в истории нашей Земли, к появлению животных, приспособившихся к жизни на суше»³⁴.

Приведенное признание Варшавского очень красноречиво свидетельствует о том, что эволюционисты с большой легкостью выдают воображаемые процессы за реальные - «...и ты **видишь**, каким образом рыбный плавник **превращался** в конечность наземного четвероногого». Однако что нас больше всего смущает в подобного рода «объяснениях»? Смущают два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, объясняется не факт, а его гипотетическая интерпретация. Во-вторых, «объяснение» привязано к факту в обратной, совершенно ненаучной последовательности - от следствий к причине, а не наоборот - от причины к следствию.

По поводу первого обстоятельства скажем следующее. Для эволюциониста «объяснить что-либо» означает подтвердить основные догматические положения своей доктрины. В этом случае предвосхищение основания напрашивается само собой, становится неизбежным. Явление, требующее научного объяснения, становится лишь поводом для перетолкования его в эволюционистском ключе, даже если речь идет о явлении очень актуальном и злободневном. Вот, например, как эволюционисты объясняют причину раковых заболеваний: «Прошлое никогда не уходит безвозвратно и не исчезает бесследно. Оно живет в нынешнем, как в своем продолжении. Но оно же властно и грубо может вторгнуться в жизнь каждого. Рак, проблема номер один современной медицины, - это, как думают некоторые ученые, как раз такое вторжение прошлого, причем очень далекого - времен, когда зарождающаяся жизнь развивалась без кислорода. В генах нынешних организмов, в каждой клетке человеческого тела сохранилась память об этом примитивном этапе эволюции. По одой из гипотез, в наших хромосомах есть участки, «лишенные прав и обязанностей». Но эти участки никуда не деваются, они остаются, они в каком-то смысле бессмертны, только покрыты специальными блокирующими группами. Но под влиянием каких-то вирусов и канцерогенных веществ такой репрессор может вдруг разрушиться. Одна или несколько клеток начинают «жить и дышать по-старому». Очаг переродившихся клеток расширяется, чуждый, губительный для современной жизни обмен веществ все заметнее навязывается организму - и вот уже он не может совладать с ядами раковой опухоли. Прошлое одержало верх»³⁵.

В приведенной обширной цитате встречается сразу несколько ключевых терминов, призванных что-либо объяснить, но на самом деле с научной точки зрения совершенно бессмысленных. Что означает «вторжение прошлого»? Это не более, чем эволюционистская **метафора**. Такая же метафора - «память о примитивном этапе эволюции», не говоря уже о «жить и дышать по-старому» и «прошлое одержало верх». Вместо объяснения мы получили типичное истолкование проблемы в терминах (а точнее -

³⁴ Анатолий Варшавский. В начале всех начал. М.: «Детская литература», 1977. - С. 13.

³⁵ А. Гангнус. Через горы времени. - М.: «Мысль», 1973. - С. 28.

метафорах) эволюционизма. Можно аналогичным образом истолковать ту же проблему в выражениях христианского вероучения. Могло бы получиться следующее: «Бесы, враги рода людского, никогда не оставляют человека в покое. Периодически они вторгаются в нашу плоть, где, с ведома и попущения Создателя, разрушают человеческое естество. Постепенно нечистый дух, губительный для нас, все более и более овладевает человеком - и вот мы уже не можем совладать с его губительными излияниями. Дьявольские силы одерживают верх». Собственно, здесь нет никакой нужды фантазировать. Многочисленные святоотеческие наставления изобилуют подобными объяснениями причин заболеваний. Эволюционное учение, претендующее на роль «передовой» научной теории, объясняет видимые явления тем же образом. И это в очередной раз свидетельствует о его псевдонаучном характере.

В принципе, трудно представить какое-либо природное явление, которое в принципе могло бы быть научно объяснено с позиций эволюционизма. Очень часто ссылаются на «геологическую летопись», которая якобы убедительно объясняется только эволюционной теорией. Об этом, в частности, когда-то писал Геккель. Можно было бы, конечно, признать за эволюционизмом право на очередную гипотезу в деле объяснения ископаемых останков, если бы не одно принципиальное обстоятельство, а именно некорректная и совершенно отвлеченная интерпретация подобных фактов. Мы опять сталкиваемся не с попыткой объяснить конкретное явление, а с попыткой, в который раз, дать этому явлению совершенно предвзятое эволюционистское истолкование - при откровенном игнорировании очевидных фактов.

Для наглядности приведем еще одно характерное высказывание: «Большинство современных типов животных появилось в палеонтологической летописи внезапно - и сразу во множестве твердых остатков»³⁶. Останки животных - это, разумеется, научный факт. Отрицать его бессмысленно. Однако посмотрим, о чем этот факт свидетельствует для эволюционистов: животные «появляются», и не где-либо, а исключительно в «палеонтологической летописи». Иными словами, прежде чем говорить о появлении «большинства современных типов животных», необходимо признать существование этой самой «палеонтологической летописи». Только там животные могут «появляться». Именно так эволюционисты истолковывают древние останки - животные «появляются». Одни - те же кистеперые рыбы - «появились» в так называемом Девоне, другие - звероящеры - «появились» в Пермотриасе; динозавры «появились» в начале мезозоя, млекопитающие - в конце. При таком подходе отсутствие останков может свидетельствовать о «вымирании». Звероящеров в Мезозое не находят, следовательно, они к этому времени «вымерли». Динозавров не находят в кайнозойских отложениях, значит они «вымерли» в мезозое. И так далее.

При внешней логичности таких выводов их абсурдность становится совершенно очевидной, стоит только объективно подойти к проблеме и не вступать в противоречие со здравым смыслом. Давайте посмотрим, насколько разумно говорить о появлении такого-то вида, имея дело с ископаемыми останками. Что такое эти ископаемые сами по себе, откуда они взялись? Любой здравомыслящий человек понимает, что животное должно **погибнуть**, прежде чем превратиться в ископаемое. Причем погибнуть не в естественных, а в необычных, ненормальных условиях (в нормальных условиях ископаемые не образуются). Поэтому, какой смысл эволюционист может вкладывать в выражение, типа: «данный вид появился в такую-то эпоху»? Применительно к останкам такое высказывание совершенно бессмысленно. Мы можем только ставить вопрос о появлении **самих останков**, а не «видов», отдельные представители которых по какой-то причине оказались в числе ископаемых.

³⁶ Там же. Указ соч. С. 102.

«Появление видов», таким образом, возможно только в воображаемой «палеонтологической летописи». Если бы не склонность эволюционистов к отвлеченно-схоластическим рассуждениям о «сущностях» (то есть о «видах»), они бы озадачились другим вопросом: почему в данном месте произошла **гибель** такого-то количества животных. «Вид», как мы понимаем, не может превратиться в ископаемое, будучи абстракцией. Погибают **конкретные особи** при конкретных обстоятельствах. Именно об этом непосредственно свидетельствуют ископаемые. Суть проблемы связана как раз с их гибелью, которая и требует **научного** объяснения. Получается, что эволюционисты сознательно уходят от конкретных вещей, предаваясь спекуляциям на тему «палеонтологической летописи» и выдавая их за научное объяснение реальных фактов.

Конечно, им, так или иначе, приходится признавать факт каких-то катастрофических событий прошлого, поскольку нельзя абсолютно игнорировать здравый смысл без риска испортить себе репутацию. Они признают катастрофические события, связанные, например, с гибелью динозавров или крупных млекопитающих эпохи плейстоцена. Однако катастрофические события они растягивают на миллионы лет - в угоду, как мы понимаем, своей умозрительной «палеонтологической летописи». Как пишет уже приводившийся выше автор: «Катастрофизм подрывает интерес к исследованию. Помня об этой неблагоприятной роли катастрофизма, попробуем все же представить себе, как и почему настало на Земле время пермотриаса, катастрофы длиной долгие миллионы лет, а потому потерявшей право называться катастрофой»³⁷.

То есть катастрофа налицо, но признавать ее таковой - дело неблагоприятное, поскольку оно «подрывает интерес к исследованию». Ради этого странного «интереса» катастрофа растягивается на миллионы лет. Нет сомнений, что упомянутый «интерес» напрямую связан с эволюционистскими абстракциями, ценность которых (мы видим это из только что приведенного признания) признается безотносительно к реальному положению вещей. То, что «катастрофа», растянутая на миллионы лет, есть не более чем абстракция, подсказывает все тот же простой здравый смысл. Эволюционисты склонны рассуждать о длительном «вымирании» животных - все тех же динозавров или мамонтов. Но «вымирать» могут только абстрактные «виды», а **умирают** (гибнут), как было сказано, не абстрактные «виды», а конкретные особи, индивиды. «Вымирание» динозавров можно растянуть на миллионы лет только в том случае, если использовать понятие «динозавр» отвлеченно. Если же брать конкретные факты, а именно груды окаменевших останков, представляющих собой **гигантские кладбища**, то речь уже идет о **гибели** определенного количества животных в **конкретное время и в конкретном месте**. Смерть отдельно взятой особи на миллионы лет растянуть нельзя. А их огромное количество, собранное в одном месте, совсем не превращает их в какой-то «вымирающий вид». Еще раз подчеркну: «вид» есть не то, что мы воспринимаем чувствами, это есть то, что мы воспринимаем умом. Груда же ископаемых есть эмпирический материал. Здесь мы имеем дело не с «видом», а с погибшими **особями** определенного вида. «Вымирающим видом» они становятся только в сознании эволюциониста.

Теперь перейдем к другому сомнительному обстоятельству, а именно к странной, «вывернутой» логике эволюционистских объяснений. Почему у современного целаканта нет легких? Потому что он стал жить в морских глубинах, где легкие не нужны. Так это «объясняют» эволюционисты. В принципе, здесь мы наблюдаем обычную **тавтологию** (в смысле порочного круга): лягушка не летает потому, что у нее нет крыльев; у лягушки нет крыльев потому, что она не летает. Следствие всегда можно поменять местами с причиной

³⁷ Там же. С. 79.

и ничего существенно не изменится. Сравним: у целаканта нет легких, потому что он не живет на суше; целакант не живет на суше, потому что у него нет легких.

Проблема в том, что в системе доказательств эволюционистских взглядов порочный круг напрашивается сам собой, поскольку сама идея эволюционного развития выступает одновременно и в качестве тезиса, и в качестве аргумента (этот эпистемологический парадокс мы уже рассматривали выше). Поэтому когда идея эволюции используется в качестве аргумента применительно к конкретным случаям, это неизбежно ведет к «вывернутым» объяснениям, в которых не причина объясняет следствие, а следствие объясняет причину. Этой нелепости можно было бы избежать, не претендуя эволюционизм на статус научной теории. Ведь изначально идея эволюции (точнее - трансформизма) была своего рода догматическим положением, не требующим доказательств. То есть это была типично метафизическая идея, доставшаяся в «наследство» от оккультизма. Но, внедренная в сферу естествознания в качестве теоретического положения, она потребовала для себя эмпирических подтверждений. И одновременно с тем идея эволюции продолжала играть роль метафизического догмата, ссылая на который рассматривалась как исчерпывающее объяснение причин какого-либо явления. Эволюционисты полагали, что таким образом они избавятся от креационистского финализма - и тем самым дадут якобы «подлинно научное» истолкование природы.

Когда креационисты рассматривали строение живых организмов, они постоянно заостряли внимание на целесообразности такого строения. Рыба, например, была идеально устроена на жизни в воде, птица - для полета и т.д. Неизбежно напрашивался вопрос: откуда взялась эта целесообразность? Для креационистов ответ был очевиден - такое устройство живых существ замыслил сам Творец. Эволюционисты же хотели дать ответ, не привлекая идею Творца. Для них идеальное приспособление к условиям обитания выработалось «естественным» путем, в ходе длительного эволюционного развития. Вместо ответа на вопрос: «для чего организм так устроен?», эволюционисты попытались ответить, **почему** он так устроен. На их взгляд, такая постановка вопроса сама по себе делает финалистское объяснение ненужным. После выхода в свет книги Дарвина эволюционисты были уверены, что этот вопрос окончательно решен. Дарвин, полагали они, убедительным образом показал, каким образом, благодаря действию естественного отбора, живой организм приспосабливается к внешним условиям. Казалось бы, проблема была закрыта, дарвинское объяснение оказалось неоспоримым. Однако не будем спешить.

В действительности ссылка на эволюцию и механизм естественного отбора отнюдь не отменяет финалистской постановки вопроса и не дает никаких объяснений, приемлемых с научной точки зрения. Ведь переформулировка вопроса на самом деле здесь ничего не меняет, поскольку характер вопроса вытекает из самого содержания проблемы. А проблема, которую эволюционисты взяли решать «научным» способом, по сути своей есть проблема **метафизическая**. Ставя вопрос о причинах «приспособляемости», мы в любом случае пытаемся выяснить, почему тот ли иной организм устроен так, а не иначе. То есть мы затрагиваем здесь **не формальные причины**, исследуемые наукой, а именно **причины целевые**. Если бы мы касались только формальных причин, нам было бы достаточно ответить на вопрос «как?» - как устроено животное, как оно себя ведет, как оно взаимодействует с внешним миром и т.п. Здесь мы не выходим за рамки эмпирического опыта, а стало быть, и за рамки научного исследования. Именно этим и занимались все «нормальные» натуралисты, включая и тех, кто стоял на креационистских позициях. Но стоит нам задать вопрос: а почему животное является именно таким? - мы неизбежно начинаем искать целевую причину, ибо данное «почему?» по смыслу совершенно идентично вопросу «для чего?». Ведь если мы спрашиваем, почему, например, самолет имеет крылья, мы тем самым пытаемся выяснить, для какой цели

предназначена данная машина. Почему у самолета крылья? Для того, чтобы он мог летать. Полет, в нашем случае, и есть **цель** создания этой машины. Применяя подобный вопрос к живым существам, мы тем самым нисколько не меняем его суть - «почему?» в таких случаях так и остается «для чего?».

Таким образом, эволюционисты совершили хитрую уловку: они просто изменили форму вопроса, сохранив его прежнее содержание. Посмотрим, что действительно скрывается за эволюционистским «почему?», когда нам дают объяснения причин так называемой «приспособляемости»? Излюбленный пример дарвинистов - идеальная согласованность между шмелем и теми растениями, которые шмель опыляет, собирая нектар. Пример взят у самого Дарвина. Тот по этому поводу писал: «Теперь представим себе, что сок или нектар начал выделяться внутри цветков некоторого количества растений какого-либо вида. Насекомые в поисках нектара будут осыпаться пыльцой и очень часто будут переносить ее с цветка на цветок. Таким путем произойдет скрещивание между цветками двух различающихся особей одного вида, а скрещивание, как вполне может быть доказано, способствует появлению более сильных семян, которые, следовательно, будут иметь больше шансов на процветание и выживание»³⁸.

Дарвин, как и его последователи, был уверен, что такое объяснение исключает креационистский финализм. Здесь как будто все происходило естественно: насекомое начинает потреблять случайно (!) появившийся нектар, не ведая, конечно, о благоприятных последствиях для самого растения. Все происходит якобы спонтанно. В итоге растение и насекомое все больше и больше приспособляются друг к другу, в результате чего и появляется та идеальная согласованность, которую мы ныне наблюдаем. Все выглядит гладко и вроде бы убедительно. Однако, где мы здесь видим **научное** объяснение? Растение лучше размножается, когда опыляется насекомым. Почему насекомое опыляет растение? Потому что питается нектаром. Откуда появился в растении нектар? Он появился потому, что «начал выделяться»? Типичная тавтология. Дарвин просто описал известную любому натуралисту ситуацию, представив один из элементов отношений между растением и насекомым, а именно выделение нектара, - в качестве естественной причины всего остального. У растения «начал выделяться» нектар; дальше появляется насекомое, потом опыление и как следствие - более сильные семена, получившие «больше шансов на процветание и выживание». Дарвин предусмотрительно не ставит вопрос, почему вдруг у некоторых растений «начал выделяться» нектар? Не потому ли, скажем мы, что они выросли из «сильных семян»?

В общем, знакомый порочный круг: солнце светит потому, что от него исходит свет. Птица появилась потому, что у нее появились перья и крылья; обезьяна стала человеком потому, что стала ходить на задних конечностях и овладела орудиями труда. Примеры можно продолжать до бесконечности. Ими пестрят все книги по эволюционной теории. Ими изобилует сочинение самого Дарвина. О его последователях говорить не приходится - они, в принципе, ни о чем другом не пишут, кроме как о животных и растениях, ставших однажды таковыми потому, что они таковыми стали. Характер якобы научных рассуждений говорит сам за себя. Типичный пример: рыба вышла на сушу потому, что - а) ей было плохо в воде; б) воды стало мало, и она оказалась на суше (самая распространенная «версия»). Или про наших «предков»: обезьяны слезли с деревьев, потому что деревьев стало мало (советские антропологи-эволюционисты).

Самое удивительное, что, несмотря на нелепость подобных «объяснений», они все еще выдаются эволюционистами за «подлинно научные». И только потому, что здесь якобы нет и намека на целевые причины. Но так ли это? Финализм имплицитно присутствует в

³⁸ Ч. Дарвин. Происхождение видов... С. 88.

самом положении о постепенном усовершенствовании организмов, об их возрастающей, прогрессирующей приспособляемости. Если, как утверждают сами эволюционисты, современные живые организмы идеально приспособлены для жизни в той или иной среде (что, как мы знаем, объясняется длительным естественным отбором), то, надо полагать, когда-то они были приспособлены **не идеально**. Если сам Дарвин постоянно говорит об «усовершенствовании» живых форм, следовательно, он допускает, что этому предшествует их «несовершенное» состояние. Выходит, что «развивающаяся» форма стремится к некоему **идеальному варианту** приспособления (что якобы мы и наблюдаем в современной природе). Можно ли говорить об «усовершенствовании» чего-либо при отсутствии идеала, а именно той самой **цели**, существование которой последователи Дарвина всячески отрицают? Положим, Дарвин такие термины использовал чисто условно. Но тогда получается, что он навязывал природе человеческие оценки, а это уже в высшей степени ненаучно. В науке природу нужно оценивать с позиции самой природы. Это фундаментальный принцип научного познания. Если в природе нет никакого идеала, то там некому и нечему совершенствоваться. Если же понятие «усовершенствование» характеризует некое **объективное** положение вещей, тогда упомянутый идеал должен полагаться в самой природе, направляющей к нему живые организмы. Но в этом случае мы вновь возвращаемся к мистическому пантеизму, и современное естествознание опять оказывается ни при чем.

Таким образом, в дарвинской теории финализм никуда не исчез. Он только принял совершенно нелепые формы. Дарвин и его сторонники заставляют нас поверить в то, что некий допотопный шмель, не обладая изначально «совершенными» средствами приспособления, в условиях борьбы за выживание постоянно «улучшался» до его нынешнего «идеального» состояния. Нелепость таких построений в том, что этот гипотетический шмель начал «приспосабливаться» к потреблению нектара, еще не обладая для этого никакими необходимыми средствами. Что вынудило шмеля «совершенствоваться» именно в этом направлении, теория не объясняет и объяснить не в состоянии. Ответ только один: шмель стал шмелем потому, что в ходе эволюции выработал все необходимые признаки шмеля. Дарвин, в принципе, недалеко ушел от Ламарка. По Ламарку, жираф стал таковым, поскольку долго упражнял свою шею, пытаясь дотянуться до верхних веток. То есть, опять перед нами похожая картина: жираф (точнее, его «предок») стремится к верхним веткам, еще не имея длинной шеи.

Дарвин внес свою корректировку, объяснив подобные ситуации борьбой за существование, в ходе которой выживают наиболее «приспособленные». Следуя Дарвину, длинную шею жирафа «творит» сама природа (именно «природа» - см. выше), и этот признак закрепляется и становится устойчивым только потому, что дает жирафу наибольший шанс для выживания. Но если такое «объяснение» принять всерьез, то получится, что современная антилопа со своей **короткой** шеей не имеет таких преимуществ, а значит, по сравнению с жирафом она должна быть менее «приспособленной». Однако, опять же согласно дарвинизму, антилопа (коль она дожила до наших дней) должна быть так же идеально приспособленной к условиям своего существования (что на самом деле и наблюдается). Итак, жираф идеально «приспособлен» благодаря своей длинной шее, антилопа тоже идеально «приспособлена», но уже имея короткую шею. Где, в таком случае, мы видим искомое «научное объяснение»? Почему жираф стал жирафом, теория естественного отбора не объясняет. Она лишь еще раз подчеркивает: у жирафа появилась длинная шея, потому что с ее помощью удобнее объедать верхние ветки (то есть стало лучше выживать), а удобнее потому, что шея длинная. Короче, все опять повторяется - жираф стал таким потому, потому что он таким стал.

Можно привести аналогичные рассуждения и насчет других животных, включая «идеально приспособленных» для морской жизни китов, которые непонятно почему оставили сушу, еще не имея приспособлений для жизни в воде. Или взять хотя бы птицу, которая стремилась летать, еще не обладая эффективными органами для полета. Ясно, что каждое животное приспособлено к тем условиям, в которых оно обитает. Это научно установленный, а точнее - совершенно очевидный факт. Утверждая, будто животное не было создано таким, что оно таким «стало», мы не меняем ничего по существу. Рассуждая, почему данный вид «стал» таким, мы неизбежно приходим к выводу - потому что он таким создан. Здесь не может быть никакого научного объяснения, ибо, адресуя такой вопрос **природному объекту**, мы, как уже было сказано, всякий раз будем затрагивать целевую причину. Природный объект действительно «создается» - помимо нашей воли и нашего участия. Сторонники эволюции стремятся избежать креационистских выводов, но взамен совершенно закономерно получают порочный круг - данный вид «стал» таким, потому что он таким... «стал». Сказать «создан» эволюционисты не решаются. Отсюда - приведенные выше тавтологии, выдаваемые за научное объяснение.

И, тем не менее, у нас нет оснований заявлять о бессодержательности эволюционного учения. Оно бессодержательно как **научная теория**, однако оно имеет иную сферу применения. И там его значение трудно переоценить.

Глава 8 НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Подлинная сфера применения эволюционизма совершенно далека от реальных задач научного познания. Эта сфера касается наших духовных ценностей и ориентиров, моральных принципов и оценок. Эволюционизм, как и всякая **метафизическая доктрина**, так или иначе, обращается к человеку, формируя его отношение к миру и к самому себе. Борьба с религией, которая велась под флагом эволюционизма, отнюдь не отменяла потребности в вероучении. И там, где эволюционная теория вытесняла религиозное мировоззрение, она автоматически занимала его место. Собственно, именно ради этого она и создавалась. Поэтому эволюционизм - это не просто псевдонаучное учение. Это своеобразная религия - со своими моральными установками и со своими мифологическими сюжетами.

Геккель, пожалуй, лучше всех объяснил настоящее назначение эволюционной теории. Он пишет: «Определение места человека в природе и его отношения к окружающему миру, - этот вопрос из вопросов, как справедливо называет его Гексли, - получает конечное решение только благодаря нашим знаниям о животном происхождении человеческого рода. Таким образом, переходя через трансформизм или эволюционную теорию, мы впервые достигаем возможности научно обосновать *естественную историю развития человеческого рода*. Как защитники, так и все мыслящие противники Дарвина признали, что происхождение человеческого рода от обезьянообразных млекопитающих, а еще раньше, от низших позвоночных представляет необходимый вывод его теории»³⁹.

Дежурная ссылка на «возможность научного обоснования» не меняет сути дела. В конечном итоге проблема «происхождения видов» упирается в проблему происхождения человека. Это неизбежно следует из самой постановки задачи - показать человеку его

³⁹ Э. Геккель. Естественная история миротворения. С. 20.

подлинное место в мире. Задача, по сути своей, сугубо философская, точнее - метафизическая. Принимая эволюционное учение, мы принимаем, по большому счету, не псевдонаучные объяснения насчет «приспособляемости», а именно его основную мировоззренческую канву, его точку зрения на происхождение человека. В принципе, здесь не столь уж и важно, почему киты очутились в море, а птицы научились летать. «Объяснения» на эту тему выглядят обычной отмашкой. Они нужны лишь для того, чтобы лишний раз подтвердить тот природный «закон», в соответствии с которым ничтожная инфузория за многие миллионы лет приняла человеческое обличье. По логике эволюционизма, родословная человека не останавливается на обезьяне - она тянется вглубь времен к простейшим одноклеточным тварям. Поэтому картина эволюционного развития органического мира есть на самом деле история развития человека - от мертвой материи до разумного существа. Становление жизни на земле - это и есть картина становления человека, его «естественная история». В ее основе лежит некий фундаментальный закон, имеющий универсальное, космическое значение. О таких законах рассуждали и мистики древнего Востока, и античные натурфилософы, и западноевропейские пантеисты. Эволюционисты вписываются в эту традицию, предлагая учение аналогичного уровня и аналогичного назначения. Человечество в этой системе - разумная часть Универсума, сообразующая свою деятельность в соответствии с занимаемым положением в мире.

Таким образом, не выполняя никаких теоретических функций (несмотря на все «научные» претензии), эволюционное учение играет другую, не менее важную роль: его основные положения выступают, выражаясь языком Канта, в качестве некоторых **регулятивных принципов** человеческого поведения. Как известно, Кант не признавал за «идеями разума» какого-либо теоретического значения. Их подлинная роль - выполнять регулятивную функцию, влиять на человеческое поведение. Поскольку же идея эволюции не вытекает из данных чувственного опыта, а подлежит исключительно сфере чистого умозрения (что дополнительно подтверждается неизбежными антиномиями при доказательстве эволюции - см. выше), мы не можем определить для нее никакой другой функции, кроме регулятивной.

В принципе, ничего необычного в данном случае нет, поскольку в функциональном смысле эволюционная теория напоминает любую классическую философскую систему. В этом плане со времен античности до нашего дня ничего принципиально не изменилось. Мало того, в лице эволюционизма произошло некое восстановление древней, дохристианской традиции, когда философское учение - как творение исключительно человеческого разума - призвано было заменить религиозные представления. Философские системы древних греков создавались с исключительно одной целью - показать место человека в мире. Таково было назначение «теоретической философии». В этом смысле современная эволюционная доктрина также выступает в роли аналогичной «теоретической философии». Подобную функцию, в принципе, выполняет любая философская система. Немецкие классики, английские позитивисты, марксисты и русские религиозные философы - все они, так или иначе, определяли место человека в мире. И все они пытались в той или иной степени заменить традиционное христианство. Эволюционизм преследует ту же цель, но достигает ее особыми, специфическими средствами.

Мы уже говорили о том, что эволюционную доктрину, в отличие от известных философских систем (особенно идеалистических), легко выразить в «картинках», то есть в чувственно-наглядных образах. Об эволюции можно рассуждать и в строгих научных терминах - на чисто академическом уровне, а можно создать красочные, захватывающие воображение сюжеты и внедрять их в массовое сознание. Профессиональные ученые и

философы рассуждают о «поэтапных вариациях», о «радикальных органических нововведениях», о «мутации регуляторных генов», о «примордиальных стадиях развития организма» и тому подобном. В то время как популяризаторы науки (включая авторов школьных учебников) пишут увлекательные рассказы о зарождении первой клетки, о выходе рыб на сушу, о появлении птиц, о первых прауродителях человека, о суровой жизни пещерных людей и т.д.

Как уже отмечалось, корни эволюционизма можно проследить вплоть до древней натурфилософии. Если же его рассматривать в контексте западноевропейской духовной культуры, то эволюционизм, о чем было сказано выше, стал закономерным следствием профанации алхимического учения. Алхимия, являясь частью герметической традиции, долгое время находилась в глухой оппозиции христианству. В эпоху Возрождения произошел стремительный прорыв и решительное наступление на позиции католической церкви. Несмотря на яростные нападки инквизиции, интерес к оккультизму нисколько не утихал. Именно в эту эпоху алхимия становится популярным увлечением. Ею не стеснялись заниматься даже некоторые представители церкви, не говоря уже об именитых светских особах. Алхимики стали частыми гостями при дворах европейских монархов. Наверное, благодаря такой популярности алхимия стала подвергаться профанации. Начиная с этой эпохи, среди поклонников алхимического искусства появились так называемые «суфлеры», то есть вульгаризаторы и профаны, которые буквально истолковывали символические пассажи этого тайного учения. Так, похоже, укоренилась вера в самозарождение жизни. В алхимии данное положение истолковывается в онтологическом ключе. Профаны истолковали его натуралистически. Отсюда пошла их уверенность, что живой организм может совершенно случайно появиться из неживой материи. Эта уверенность до сих пор живет в умах современных эволюционистов.

То же самое, как было сказано, касается проблемы трансмутации неблагородных металлов в благородные. Известно, что металл для алхимиков был лишь символом. И вообще вся их химическая терминология трактовалась исключительно символически. Профаны поняли трансмутацию металлов буквально, после чего начались длительные и бесплодные эксперименты по получению золота в лабораторных условиях. Параллельно велись эксперименты и по самозарождению жизни. Американец Стенли Миллер в этом плане ничего нового не придумал - он лишь продолжил старый и бесплодный профанический эксперимент. В эпоху Возрождения такими вещами пробовал заниматься чуть ли не каждый естествоиспытатель. Как раз над такими деятелями смеялись Бойль и Ньютон, сами страстные поклонники алхимических тайн.

В то же время у нас есть некоторые основания считать, что алхимия породила не только профанический, сказочно-мифологический вариант, но и строгое логически формализованное учение. Речь идет о новой философии и математическом естествознании. Мы не будем сейчас разбирать, как герметическая традиция отразилась на учении Бэкона, Декарта или Ньютона. Христианское наследие также давало о себе знать, влияя на какие-то положения. Совершенно исключить такое влияние невозможно, тем более что связь с герметизмом далеко не всегда афишировалась. Ведь алхимия долгое время оставалась запретным плодом, и признаться в подобных увлечениях, особенно во время разгула церковной реакции, было равнозначно тому, чтобы навлечь на себя серьезные подозрения в связях с противным церкви учением.

По своему содержанию алхимическое учение было многогранным. Любой его аспект можно было логически формализовать и тем самым создать определенную философскую систему. Мыслителей Нового времени – Бэкона или Ньютона - в большей степени интересовала та сторона, что связана с приемами овладения миром. Немецких классиков

больше волновали мировоззренческие аспекты - духовные ценности, идеалы, моральные принципы. Поэтому они создали именно такие системы, где, прежде всего, определили место человека в мире. Учение Шеллинга, Фихте и Гегеля вне герметической традиции представить невозможно. Но все это, вместе с математическим естествознанием и методологией Нового времени, имело в большей степени «элитарный», узко профессиональный характер - как средневековые построения схоластов или как античная философия. До конца XVIII века наука и философия оставались занятием очень небольшой группы лиц. Это был довольно замкнутый круг людей, обсуждавших свои проблемы только в среде себе подобных. Для понимания научных и философских истин нужно было пройти своего рода «посвящение» - через получение высшего образования, доступного далеко не всем. Поэтому, благодаря стараниям французских просветителей, широким слоям населения было предложено нечто более удобоваримое. Это был профанический, сказочно-мифологический вариант алхимии, который, однако, со временем стал приобретать все более и более строгие черты, стилистически подражая современному естествознанию.

Первый шаг в этом направлении сделали, как мы сказали, французские просветители. К тому времени профаны от алхимии, полагавшие себя естествоиспытателями, создали столько нелепых сказок о природе, что они начинали вступать в откровенное противоречие со здравым смыслом даже необразованного человека. К тому же эти сказки тесным образом переплетались с теми предрассудками, что своими корнями уходили в раннее средневековье. Просветители, объявившие прошлому беспощадную борьбу, не могли смириться с таким положением вещей. Принимая Природу в качестве своего главного божества, они не могли оставить в прежнем виде старые выдумки о ней. Так, в старых трудах по зоологии вполне серьезно рассказывалось о гусях, которые появлялись из капелек смолы, о рыбах, зарождающихся из плодов деревьев, попавших в воду, о птицах, происходивших из тех же плодов, только упавших на землю. Все это для наглядности сопровождалось соответствующими иллюстрациями. Таково было в ту пору популярное изложение алхимического трансформизма. Но с XVIII века трансформизм стал получать более вдумчивые трактовки, соответствующие духу новой эпохи. В это время появилась «Естественная история» Бюффона. Этот грандиозный труд был рассчитан на массового читателя, но, в отличие от некогда популярной «Зоологии» Конрада Геснера, в нем уже не было откровенных умопомрачительных сказок. Идея трансформизма приобрела более благообразный вид. В самом начале XIX века вышла в свет «Философия зоологии» Ламарка, а полвека спустя - «Происхождение видов» Дарвина. О современном состоянии эволюционизма уже говорилось.

Как было уже показано, эволюционная теория не предназначена для научного объяснения наблюдаемых явлений. Это отвлеченное от эмпирической реальности построение, рассуждающее о вещах воображаемых или умозрительных. О таких же отвлеченных вещах рассуждали и немецкие идеалисты. Разница между эволюционизмом и немецким идеализмом не в содержании, а **в уровне осмысления** того предмета, о котором они вели речь. Тем же определяются и различия в стиле и в форме выражения. Гегель утверждал, что природа не пребывает в развитии, а лишь служит фоном для саморазвития Духа. У эволюционистов «природа» развивается. Отсюда мы делаем вывод, будто учение Гегеля противоречит взглядам эволюционистов. Однако на самом деле эволюционисты просто говорят о другой «природе». Гегель понимал под природой тот самый объект, что исследовался средствами современного естествознания. Это, если можно так выразиться, ньютоновская природа. Она дается нам в ощущениях, в ней происходят обратимые процессы, действуют неизменные законы, причинно-следственные связи. В этой природе царит необходимость. Дух же есть царство свободы, его становление необратимо. Он

тождественен нашему «чистому» мышлению и постигается средствами диалектической логики. Законы формальной логики к нему неприменимы, но только к природе.

А теперь посмотрим, что представляет собой «природа» эволюционистов. Мы уже неоднократно убеждались в том, что эволюционисты не исследуют ту природу, что дается нам в чувственном опыте. Мы знаем, что в природе Ньютона эволюция не наблюдается. И мы также знаем, что попытка доказать эволюцию приводит нас к неизбежным антиномическим противоречиям. Отсюда вполне можно сделать вывод, что «природа» эволюционистов чем-то сродни гегелевскому Духу. По крайней мере, к ее воображаемой эволюции действительно **не применимы** законы формальной логики. И, похоже, когда-то этот момент очень хорошо осознавался. Недаром Энгельс - страстный поклонник Дарвина - решил применить гегелевскую диалектику к осмыслению эволюционного развития «природы». Ясно, что речь уже шла не о той природе, которую имел в виду Гегель. Эту подмену легко обнаружить, учитывая, что эволюционисты пытаются навязать природе некий универсальный космический закон, который в принципе не может исследоваться, а тем более учитываться естественными науками. Ньютон оперировал законом гравитационного притяжения. Но это есть сугубо **физический** закон. Он, конечно, может влиять и на человека, если последнего рассматривать как исключительно **физический объект**. В таком качестве мы действительно подчиняемся законам природы. И с этой необходимостью человеку приходится считаться. Однако тот **универсальный закон**, что направляет эволюционное развитие, мыслится как закон **онтологический**. Он, по мысли эволюционистов, ведет к изменению, точнее - к преобразению человеческого естества. Он меняет облик человека, совершенствует его разумные способности, превращает его в моральное существо, делает его способным воспринимать идеи и понимать свое место в мире, иными словами - воздействует на **духовную сторону** человека. Гегель, будучи идеалистом, выражался об этом прямо и недвусмысленно. Эволюционисты стали использовать наукообразные метафоры, полагая их «простыми символами мысли». И они действительно упростили смысл тех вещей, о которых с неподражаемой сосредоточенностью размышлял корифей немецкой философии⁴⁰.

Зато, в отличие от Гегеля, эволюционисты получили прекрасную возможность дать красочное и захватывающее описание этого воображаемого процесса: становление Духа в чувственно-наглядных образах, в «картинках». Грандиозная картина эволюционного развития есть лишь наглядное, художественно-метафорическое изображение того, как свободный Дух совершает свое победное становление на фоне ньютоновской природы с ее необходимостью. Эту картину всегда нужно трактовать **символически**, ибо она повествует о том, чего не наблюдал ни один биолог, а главное, в ней все совершается чудесным образом, вопреки научно установленным законам.

Таким образом, картина эволюционного развития человека - от первичной клетки до современного состояния - есть символическое изображение чудесного, сверхъестественного становления мирового Духа. Это есть основной мифологический сюжет эволюционизма, пересказанный неоднократно на разные лады. В этом нетрудно убедиться, если мы внимательно и непредвзято рассмотрим этот сюжет. Благо, современные популяризаторы Дарвина постарались запечатлеть его в самых разнообразных и довольно красочных вариантах.

⁴⁰ О влиянии немецкого идеализма на мировосприятие академической общественности, с легкостью принявшей учение Дарвина, рассуждал, в частности, Николай Данилевский в своем знаменитом критическом исследовании.

Глава 9 ЭВОЛЮЦИОНИСТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

«Трансформизм удаляет из биологии и антропологии веру в чудесное». Таково было убеждение Эрнста Геккеля⁴¹. Это мнение разделяют все эволюционисты. Надо полагать, дарвинист Геккель понимал «чудесное» в христианском значении этого слова. Эволюционизм действительно исключил из своей «естественной истории» христианские чудеса. Но он наполнил ее своими чудесами, совершенно необъяснимыми с позиции строгого естествознания.

Давайте подумаем над тем, что мы обычно воспринимаем как чудо? Безусловно, это то, что представляется нам необъяснимым и из ряда вон выходящим. То, что происходит вопреки так называемым естественным законам. Принято считать, что научное мировоззрение несовместимо с верой в чудеса. Именно на этом безоговорочно настаивают сторонники эволюции. Но одновременно с тем эволюционное учение изображает такие **события**, которые как с точки зрения науки, так и просто с обыденной точки зрения могут смело выступать в качестве чудесных явлений.

Возьмем, например, воображаемую картину зарождения жизни в первичном океане. Этот процесс мыслится вопреки всему тому, что известно биологам и биохимикам, вопреки **эмпирически установленным законам**. Надуманность этого события вытекает из того, что жизнь, согласно эволюционистам, должна зародиться в **абсолютно стерильной среде**. В конце XIX века Пастер наглядно продемонстрировал, что живое возникает только из живого. Другой пример - картина происхождения человека. Согласно распространенным представлениям, обезьяны поменяли образ жизни, выйдя из лесов на открытые пространства. К этому их якобы вынудило сокращение лесных массивов. Оказавшись на открытом пространстве, обезьяны стали промышлять охотой, что будто бы привело к выработке новых навыков, усложнению поведения и как следствие - к «поумнению». Однако любой зоолог прекрасно знает, что в природе ничего подобного произойти не может. Речь идет о той природе, которую **реально** исследуют современные ученые. Сокращение лесных массивов просто привело бы к сокращению популяции обезьян. Такое можно постоянно наблюдать в наши дни.

У эволюционистов на такое возражение возможен только один ответ - современное исчезновение популяций вызвано антропогенным фактором, а во времена до появления человека условия могли быть совершенно другими. Человек, заявят дарвинисты, как высшее существо последовательно истребляет «отсталые виды» и очень сильно влияет на состояние ландшафта. В эпоху, когда человека не было, популяции обезьян не имели еще столь сильного «конкурента», а значит, могли естественно «приспосабливаться» к меняющимся условиям.

Может ли такое возражение считаться научным? Вряд ли. Оно предполагает, что в «дочеловеческий период» в природе действовали иные закономерности, приводившие к иному результату, нежели в настоящий период, когда в силу вступил «человеческий фактор». Если принять эту точку зрения, то нам придется прийти к выводу, что история «до человека» представляет собой некое грандиозное **уникальное явление**, примеров которому мы в принципе не можем обнаружить в **реальном** опыте. Следовательно, линия развития от гипотетической первичной клетки до человека современного вида есть процесс, неповторимый для самого человека, а значит эмпирически необъяснимый. Но это

⁴¹ Э. Геккель. Естественная история миротворения. С. 23.

только означает, что эволюция жизни на Земле происходила **чудесным образом**. Современные, известные науке обезьяны, не в состоянии «очеловечиться» в тех условиях, что когда-то вынудили древних, «дочеловеческих» обезьян буквально слезть с деревьев. Это была в прямом смысле слова уникальная, чудесная обезьяна. И то же касается всех тех животных, что занимают в эволюционном «древо жизни» место чьих-либо «прародителей». Ведь, как было сказано выше, эволюционное «древо жизни» есть не более, чем родословная человека. Поэтому все звенья этой родословной должны занимать некие уникальные, чудесные существа, неподвластные действию **эмпирически установленных** законов. Наоборот - они жили и развивались как раз **вопреки** этим законам.

Вопреки известным законам, в стерильных условиях образовались молекулы белка и составили затем первую живую клетку. Одноклеточные организмы опять же каким-то непонятным чудесным образом образовали многоклеточные формы. Столь же чудесным образом рыбы вышли на сушу и т.д. Благодаря подобным чудесам (в прямом смысле слова) воображаемая «дочеловеческая история» вызывает ассоциации с мифологической историей древних и туземных народов. «Время до человека» в эволюционистской интерпретации по своим онтологическим качествам совпадает со Священным Временем мифологии. Как подчеркивал Мирча Элиаде, в традиционных культурах четко различают Священное Время и время мирское. Это различие проводится на онтологическом уровне. К Священному Времени не имеют отношения те законы, те ограничения, что действуют в мирской повседневности. Священное Время имеет отношение к **потусторонней** реальности. К ней неприменимы мерки эмпирического опыта. То, что соответствует природе потустороннего, на мирском уровне однозначно воспринимается как чудо⁴².

Нетрудно заметить, что эволюционистское «время до человека» имеет основные атрибуты мифологического Священного Времени, в то время как «время человека» соответствует мирскому времени мифологии. К периоду «до человека», как мы сами видели, неприменимы законы эмпирической реальности. Там происходят невероятные события, неподвластные жесткому детерминизму известной нам природы. Это подтверждается их **случайным** характером. И главное, что «время до человека» делает такие чудеса **возможными**. Мы знаем, какое значение эволюционисты придают фактору времени. С физической точки зрения фактор времени действует прямо противоположным образом, что следует из второго закона термодинамики. Загадочное же «время» эволюционистов становится понятным только в мифологическом контексте. «Время до человека», когда возможны чудеса, есть, по своему глубинному смыслу, аллюзия на мифологическое Священное Время. Оно потому «до человека», что не укладывается в рамки обычного человеческого измерения. То есть в рамки доступного эмпирического опыта. Отсюда и такая фантастическая длительность этого времени - в миллионы и в миллиарды лет. Эту длительность также нужно понимать символически. Ибо эта длительность невообразима, не соотносима с эмпирическим опытом. Она просто подчеркивает несоизмеримость «времени до человека» с человеческим масштабом. Это время потустороннего, выходящего за рамки физической реальности.

В самом деле, что скрывается за такой логикой: новый вид не может возникнуть за пятьдесят лет, но это якобы вполне может произойти за пятьдесят **миллионов** лет? Так рассуждали Ламарк, Дарвин, так рассуждают их современные последователи. Почему нам **кажется**, что длительность, растянутая на миллионы, способна совершить нечто необычное? Не потому ли, что такая длительность просто не укладывается в воображение и уже **только поэтому** неосознанно относится нами к чему-то из ряда вон выходящему, к чему-то явно не связанному с обыденным опытом. Пятьдесят лет - это воображимое

⁴² Мирча Элиаде. Священное и мирское. - Издательство Московского университета, 1994. - С. 48 - 57.

время. Это чисто **человеческий** масштаб измерения. Пять-десять **миллионов** - масштаб **нечеловеческий**. Сама цифра порождает иллюзию на нечто грандиозное, необычное, не имеющее аналогов в привычном для нас мире. В мифологии Священное Время также поражает своей грандиозностью. Его невозможно объяснить с позиции мирского опыта. Оно нарушает все рамки привычного, обыденного и понятного. Поэтому Дарвин, обосновывая эволюцию видов, привел чисто мифологический довод. Он неосознанно апеллировал к нечеловеческим силам.

В отличие от «времени до человека» известное нам «время человека» не включает в себя чего-либо необычного. Здесь уже не образуются новые виды, здесь, как показывают опыты Пастера, невозможно самозарождение жизни. Здесь не наблюдается никакой эволюции. Это уже известный нам эмпирический мир, в котором, в противоположность эволюционному развитию, властвуют силы энтропии. И в этом смысле «время человека» противоположно «времени до человека» - как в мифологии обычный земной мир противоположен потусторонней реальности. Ведь время понимается не только как длительность, но и как особая эпоха, со своими характерными особенностями. Времени соответствует свой особый мир, своя особая реальность. Поэтому когда мы говорим «время до человека», мы имеем в виду «мир до человека». Так же идентичны по смыслу выражения «время человека» и «мир человека». В мифологии земная, эмпирическая реальность соответствовала именно «миру людей». А то, что выходило за ее рамки, относилось к миру сверхъестественных существ, как правило, существовавших **до человека**. Поэтому напрашивается вывод, что эволюционная картина мира в некой символической форме воспроизводит как раз мифологическую модель бытия.

Эволюционисты, кроме «времени до человека», в общих чертах пытаются изобразить некое неопределенно далекое будущее, где человек будет безраздельно господствовать над природой. Иначе говоря, когда человек реализуется как **божество**. Чаще всего на эту тему рассуждают писатели-фантасты, разделяющие, однако, эволюционистские взгляды. В любом случае, сюжеты о светлом будущем навеяны именно эволюционистскими идеями. Герберт Спенсер еще в XIX веке предрекал наступление счастливейшей эпохи. По его мнению, «эволюция может завершиться после установления величайшего совершенства и полнейшего счастья»⁴³. Помимо этого Спенсер рассуждает о грядущей «интеграции» Солнечной системы «с другими такими же системами»⁴⁴. Тем самым он как бы предвосхищает захватывающую тему научной фантастики об освоении космических пространств и контактах с инопланетными разумными существами. Понятно, что в воображаемом «постчеловеческом» мире опять происходят различные чудеса, только уже напрямую исходящие от самого человека. Здесь уже мыслятся грандиозные пространства, трудно воображимые космические дали, невероятно сложная техника и прочие вещи, пока еще совершенно недоступные нашему восприятию. В этом смысле «дочеловеческий» мир смыкается по ряду онтологических параметров с миром «постчеловеческим». И оба этих мира четко отграничиваются от известного нам «мира людей».

Получается, что в эволюционной картине мира выделяются три четко очерченных плана бытия: один из них - известный нам эмпирический мир, обозначаемый нами как «мир человека», другие два - совершенно фантастические, буквально нечеловеческие миры (в сравнении с современным, «историческим» человеком). Известный нам «мир человека» располагается между ними, занимает срединное, промежуточное положение. Но самое интересное, что мифологическая космология также имела трехчленную структуру, совпадающую со структурой воображаемой эволюционистской реальности. В мифологии потусторонний мир делился на «нижний» - мир inferнальных существ, духов и **умерших**

⁴³ Герберт Спенсер. Основные начала. С. 312.

⁴⁴ Там же. С. 324.

предков; и на «верхний» - мир богов и прочих высших существ, **властвующих над природой.** Обыденный, земной мир, «мир людей», подобно эволюционистскому «миру человека», располагался также между двумя планами потусторонней, трансцендентной реальности, занимая срединное положение. Единство этой трехчленной композиции мифологического космоса обеспечивалось так называемой «мировой осью», обеспечивавшей сообщение между тремя планами реальности. В эволюционной картине мира, как мы увидим далее, функцию «мировой оси» выполняет символическая «ось времени».

Подобное совпадение, похоже, далеко не случайно. Эволюционистский космос есть, в каком-то смысле, альтернатива вселенной Ньютона - той самой вселенной, где действует принцип причинности, где нет никаких чудес и никакого развития. Вселенная Ньютона однородна. Она не более чем математическая модель, лишённая аксиологического значения и какого-либо нравственного смысла. Эта модель не даёт никаких духовных ориентиров, никаких мировоззренческих установок. Она целиком **инструментальна.** Эволюционная же картина мира, как было сказано выше, даёт человеку представление о его месте в мире. Она даёт ему жизненные ориентиры, критерии для нравственных оценок. Она направляет его к определенной цели и красочно изображает ему эту цель. И точно так же древняя мифологическая космология показывала человеку его место в мире и давала ему жизненные ориентиры. Как и эволюционное учение, мифология была преимущественно обращена к массовому сознанию, хотя посвященным передавался ее некий тайный смысл.

Таким образом, у нас есть все основания для сопоставления эволюционной картины мира с мифологической космологией, хотя бы только по их **функциональному совпадению.** Однако куда более интригующими являются совпадения чисто смыслового, семантического плана, которые распространяются даже на отдельные детали. Пока трудно сказать, почему так произошло, однако приходится констатировать, что многочисленные образы, присутствующие в эволюционной картине мира, наделены той же смысловой окраской, что и образы традиционной мифологии. В эволюционизме они выступают в качестве криптосимволов (по аналогии с «крипторелигиозностью» М. Элиаде), то есть, имея форму научных понятий, они обладают скрытым содержанием. Это содержание раскрывается только в системе эволюционистской модели мира. И именно это содержание неявно усваивается массовым сознанием.

Как мы уже сказали, картина эволюционного развития, особенно в ее популярном варианте, разделяется на три важнейших этапа, отражающих - каждый по-своему - особое **качественное** состояние бытия. Первый этап - это «мир до человека». Под «человеком» мы разумеем здесь полностью идентичное нам, современным людям, разумное существо, способное к организации своего особого жизненного пространства. Описание этого этапа носит откровенно гипотетический характер - ввиду отсутствия наглядных свидетельств. Поскольку здесь еще не вступил в силу указанный выше антропогенный фактор, данный этап можно обозначить как «доисторический». Второй этап - «мир человека» - включает периоды социальной истории, от возникновения первых земледельческих поселений до наших дней. По другому его еще можно назвать «историческим» этапом. Здесь описания носят уже более объективный характер, поскольку они базируются на многочисленных артефактах и письменных источниках. И, наконец, третий этап - это предполагаемое будущее человека, не менее гипотетическое, чем предполагаемое далекое прошлое Земли. Без прогнозов на будущее эволюционная картина мира теряет всякий смысл, поэтому данный этап неизбежно включается в систему современного мировоззрения.

Теперь рассмотрим характерные описания указанных этапов и сравним их с характеристиками мифологических уровней бытия. Первый, «доисторический» этап преподносится как царство слепой природной стихии, которая довлеет и над первыми «первобытными» (то есть совершенно дикими) людьми. Процесс возникновения вселенной откровенно мифологичен - на что уже без всякого смущения намекают даже отечественные специалисты по философии науки⁴⁵. Популярная геологическая летопись по своей мрачной эстетике вполне сопоставима с «семью кругами» Ада. Чем дальше в прошлое - тем больше сумрака, тем больше ужаса. Ранняя история земли - еще до возникновения жизни - есть, по сути дела, аллюзия на мифологическое царство смерти. Это своеобразные «нижние миры» преисподней, сумрачные области Тартара. Древние, «доисторические» животные выглядят диковинными и во многом страшными существами, явно принадлежащими к враждебному иному миру. Особенно впечатляет мезозойская эра - царство «ужасных ящеров», драконов (напомню, что в мифологии «нижний мир» очень часто ассоциируется с Ящером или Великим змеем). Гипотетический предок человека, только-только начавший отрываться от своих животных корней, был вынужден вести борьбу с кровожадными хищниками и жить в пещерах. Весьма примечательно, что «доисторический человек» мыслится как «пещерный человек». Пещера, как известно, также символизирует «нижний», потусторонний мир.

Таким образом, «мир до человека» воспринимается как царство неких слепых, иррациональных сил, в целом враждебных человеку. Здесь практически отсутствует социальное, очеловеченное, разумно организованное пространство. Этот мир, по сути, не имеет человеческого измерения и потому вызывает самые мрачные ассоциации. Все это невольно указывает на типологическое сходство с мифологическим «нижним» миром. Еще одна важная деталь - «мир до человека» мыслится как безвозвратно ушедшее прошлое, «умершее» для настоящего. Это, по большому счету, - **мир предков**. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает сходство с «нижним» миром мифологии как царством смерти, куда отправляются души умерших.

Теперь переходим ко второму, «историческому» этапу. Здесь уже акцентируется внимание именно на человеческой истории, на жизненном пространстве, созданном человеком. «Исторический» этап, таким образом, сопоставим с мифологическим «средним» миром, миром людей. Структурно он более однороден, более понятен, более привычен. В нем нет ничего необычного, фантастического, шокирующего, несоизмеримого с человеком и экзистенциально враждебного ему. Как правило, геологическая летопись на этом заканчивается и начинается измерение времени в более-менее привычном «человеческом» масштабе. Тем самым недвусмысленно подчеркивается действие уже иных сил, иных факторов. По сути, это означает, что переход от «доисторического» этапа к «историческому» мыслится как серьезное качественное изменение самого бытия, то есть изменение онтологического порядка.

Третий этап - этап воображаемого, гипотетического будущего - в свете оптимистических воззрений эволюционистов вполне сопоставим с «небесным», высшим миром мифологии, миром богов. Как мы знаем, умственное развитие человека (в соответствии с классической эволюционистской моделью) направлено на утверждение его полного господства во вселенной. Воображаемый человек будущего в буквальном смысле есть высшее существо, обладающее глубокими знаниями и совершенными техническими средствами, позволяющими ему полностью повелевать природой. По самым радужным прогнозам человек будущего добьется не только власти и могущества, но даже обретет (благодаря научным знаниям, разумеется) физическое бессмертие. Аналогия с бессмертными богами

⁴⁵ См. например: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 2001. С. 148 - 154.

древней мифологии, повелевающими вселенной, здесь, как видим, налицо. И опять же, обратим внимание, речь идет о серьезных качественных изменениях. Человек будущего, обретя абсолютную власть и бессмертие, радикально изменит свой онтологический статус. Воображаемое будущее – это также иной мир, принципиально отличный от «среднего» мира с его сугубо человеческим масштабом.

Подведем итог. Как было сказано, эволюционная картина мира, прежде всего, определяет духовную ориентацию человека, определяет базовые ценности современной эпохи. Несмотря на ее нарочитую «сциентизацию», сами ценностные ориентиры вырастают на отчетливо мифологическом фундаменте. Развитие, движение к заветной цели, к высшему благу неизменно ассоциируются с поступательным движением «вверх» - в полном соответствии с мифологическим вознесением на небо, в мир богов. С другой стороны, каждому из нас известно, насколько пугает современного человека обратная перспектива, т. е. опасность вернуться «назад», «упасть», «опуститься», перейти на «доисторический» уровень. Это еще раз подчеркивает, что время в эволюционной картине мира не есть физическая величина, не есть некое обозначение длительности. «Прошлое» и «будущее» в этой картине обозначают не просто смену эпох, а различные **качественные состояния бытия**. И эти состояния имеют вполне отчетливую религиозную оценку: «прошлое» как низшее, кошмарное, опасное; и «будущее» как высшее и благое. Эволюционная «ось времени», подобно мифологической «мировой оси», связывает эти качественные состояния и делает возможным переход из одного состояния в другое. Не удивительно, что в современном сознании именно на «время» возлагаются самые большие надежды. С эволюционистским «временем», как было сказано, связываются «чудесные» превращения и «чудесные» переходы, которые в мифологическом сознании связывались с «мировой осью». Поэтому не будет преувеличением, если мы скажем, что эволюционная картина мира есть современный вариант «священной истории» человека, где описывается его выход из «царства смерти» и восхождение к «миру богов».

Сопоставление эволюционной «оси времени» с мифологической «мировой осью» обнаруживает, к нашему немалому удивлению, еще и внешнее, чисто графическое, так сказать, сходство. В мифологии «мировая ось» изображалась в виде Мирового Древа. Это, надо сказать, один из главных образов древней космологии. Аналогичным ему по форме и совершенно идентичным по смыслу является эволюционное «дерево жизни». Похоже, сам образ дерева в качестве изображения «оси времени» был выбран эволюционистами далеко не случайно - его, без всяких сомнений, как раз и подсказала древняя мифология. Временная протяженность как таковая имеет здесь условное значение. В рамках провозглашенной «научности», формально исключая иерархическую упорядоченность космоса, именно апелляция к времени дает возможность «окружным» путем изобразить некое подобие многоуровневого иерархического порядка⁴⁶. Таким образом, эволюционная хронология (главным образом начиная с истории зарождения земли) структурно соответствует иерархическому порядку мифологического космоса.

Однако параллели с древней мифологией еще не исчерпывают всего скрытого содержания эволюционной картины мира. То, о чем только что шла речь, затрагивает онтологические аспекты эволюционизма. Но есть и другой, не менее важный аспект - аспект морально-психологический. И здесь тоже могут обнаружиться весьма любопытные параллели.

⁴⁶ Данная аллюзия не должна удивлять. Достаточно вспомнить, что автор «творческой эволюции» - Анри Бергсон - ассоциировал время с жизнью, разумом и движением вверх, противопоставляя его пространству как характеристике материи.

Глава 10 ПРАВСТВЕННЫЙ ПАФОС ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Поскольку теория эволюции есть «новое откровение» о человеке, призванное показать наше место в мире и утвердить некие важные жизненные установки, она неизбежно должна содержать и соответствующие моральные оценки, отражающие провозглашаемый идеал человека. Следовательно, все, что изображает эволюционная картина мира, должно неизбежно оцениваться с позиции этого идеала, включая и воображаемую «дочеловеческую» природу. Определенный (если не сказать откровенный) субъективизм в данном случае будет неизбежен. Воображаемая «природа» предстанет в зеркале авторских пристрастий, с их характерными симпатиями и антипатиями. Следуя в таком русле, автор отнесет все «низшее» или «отсталое» к разряду «плохого» или «недостойного», тогда как «высшее» или «прогрессивное» - к разряду «хорошего» и достойного подражания.

В эволюционной теории каким-то странным образом отразились моральные убеждения первых европейских буржуа, бросивших вызов феодальным устоям. Эволюционное учение давало прочное онтологическое основание главным постулатам либеральной этики, проповедующей сугубо буржуазные ценности. Противопоставление нового либерального уклада старому, традиционному превратилось в жесткую отвлеченную схему, которая отчетливо просматривается во всех современных популярных изложениях эволюционной доктрины. В многочисленных описаниях геологических эпох рефреном звучит один и тот же сюжет о противостоянии между небольшими, но подвижными «прогрессивными» формами и «тупиковыми» громоздкими и малоподвижными существами.

Применительно к конкретному материалу указанная коллизия описывается следующим образом. Так, например, в силурийских морях якобы господствовали гигантские ракоскорпионы - враги только что народившихся рыбообразных. Но как бы ни ужасен был древний хищник, по признанию эволюционистов он был обречен на вымирание - в отличие от своих более динамичных жертв из числа позвоночных. Последние уже дали начало современным формам. Аналогичным образом в более поздних периодах хрящевые рыбы уступили пальму первенства костным, опять же ввиду своей неразворотливости. Тот же механизм переносят и на следующие эпохи.

Особенно впечатляет описание мезозоя. Именно в эту эпоху, как принято считать, господствовали гигантские ящеры - динозавры. Крушение их господства до сих пор озадачивает современных палеонтологов. Однако почти все сходятся во мнении, что динозавры оказались «тупиковой ветвью» эволюции. Иначе говоря, уже своим неуклюжим строением они были обречены на вымирание - чтобы уступить место более «прогрессивным» млекопитающим, выжившим и одержавшим верх благодаря все той же активности.

В популярной литературе, особенно англоязычной, динозавров однозначно определяют как великую «неудачу природы». Авторы обычно не скупятся на эпитеты, описывая облик и образ жизни этих загадочных существ. Прежде всего, обращается внимание на громоздкость и неуклюжесть «ужасных ящеров». При этом часто подчеркивается, сколь незначительным был объем мозга у этих гигантов. А это уже рассматривается как существенный минус, поскольку эволюционный процесс, по абсолютному признанию, напрямую связан с развитием и усложнением умственной организации. «Тупиковость» динозавров будто бы в том и заключалась, что они более полагались на свою

мускульную силу, нежели на работу своих мозгов. Обычно они и изображаются как существа туповатые, но при этом невероятно сильные и вдобавок ко всему агрессивные. Бои между динозаврами описываются так, будто палеонтологи сами были очевидцами этих событий. Прожорливость и воинственность - вот, пожалуй, самые распространенные моральные характеристики, приписываемые знаменитым гигантам.

В итоге мезозойская эра предстает перед глазами доверчивого читателя как эпоха торжества грубой силы и полного бесправия, в которой все «прогрессивное» должно было вести чуть ли не подпольное существование. На такое экологическое «подполье» как раз и были обречены первые млекопитающие. Однако в отличие от туповатых динозавров, - торжественно заявляют эволюционисты, - млекопитающие обладали более совершенным мозгом и, соответственно, вели себя во много раз активнее. Это якобы дало возможность невзрачным существам выжить в непростых условиях и, в конце концов, победно распространиться по всей планете.

В кайнозое механизм отбора действует в том же направлении: мускулистые гиганты постепенно вымирают, уступая господство потомкам более проворных конкурентов, породивших самое разумное существо - человека. Становление последнего осуществляется в схожих условиях борьбы за существование. Первый человек, преодолевая все объективные препятствия, целеустремленно отвоевывает жизненное пространство у «тупиковых» существ, на которых переносятся главные атрибуты динозавров - прожорливость и агрессивность. В свою очередь, в человеческом сообществе наблюдается схожая картина: мускулистые, но примитивные в умственном отношении неандертальцы уступают место более подвижному и разумному кроманьонцу.

На этом обычно геологическая история заканчивается, но если бы авторы популярных эволюционистских опусов перебросили мостик в **человеческую историю** - вплоть до современной эпохи - они без труда описали бы, с использованием одинаковых эпитетов, действие того же неумолимого механизма: господство, основанное на грубой мускульной силе, неизбежно сменяется господством, основанном исключительно на разуме. И в качестве наглядного примера могли бы привести западные государства, ставшие на путь модернизации, прежде всего Англию. Только специализация наук не позволяет осуществить такую связку, в результате чего создается впечатление, будто эволюционная доктрина уходит своими корнями исключительно в естествознание и, как сугубо научная теория, не содержит в себе никакой идеологии.

В действительности, как мы можем убедиться, популярная геологическая история в ее **оценочном варианте** есть калька с человеческой истории, когда на природу проецируются декларируемые законы социальной жизни. Основные периоды жизни «до человека» в точности соответствуют основным этапам европейской истории – так, как их понимали, начиная с эпохи Просвещения. Историю человека было принято делить на Древний мир, Средневековье и Новое время. Точно так же была разделена жизнь «до человека» - на Палеозой («древняя жизнь»), Мезозой («средняя жизнь») и Кайнозой («новая жизнь»). Кроме того, нам нетрудно распознать в пресловутых «тупиковых формах» аллюзию на традиционное общество. Особенно характерны описания мезозойской эры, вызывающие ассоциации с европейским средневековьем. Огромные кровожадные динозавры предстают прямо как аллегория военной аристократии. Более подвижные и умственно полноценные млекопитающие - это уже аллюзия на нарождающийся класс буржуа. Апогей их развития - господство человека, ассоциируемое с современной эпохой, где прочно утвердились идеалы буржуазной этики.

Именно буржуазная составляющая эволюционизма объясняет наиболее характерные моменты этой доктрины. Эволюционизм явился своеобразной манифестацией буржуазной духовности, скептически и резко отрицательно настроенной в отношении типичных ценностей традиционного общества. Характерное для нового класса мироощущение не могло не сказаться на определенных предпочтениях, даже применительно к выбору научной теории. Ставка на медленное, постепенное и непрерывное развитие как нельзя лучше подчеркивает вкус представителей новой социальной формации. Именно в нем мы можем усмотреть решающий фактор, приведший к отказу от теории катастроф, бывшей сопернице эволюционизма.

Таким образом, в становлении эволюционной теории субъективные предпочтения, личный вкус и моральные убеждения играли намного более заметную роль, чем декларированная научная объективность. Еще автор знаменитых некогда книг по «Естественной истории» и идейный вдохновитель теоретиков эволюционизма Жорж Луи Бюффон заявлял, что в развитии живых существ главную роль играет активность, склонность к подвижной, деятельной жизни. Если бы Бюффон был протестантским проповедником или главой почтенного буржуазного семейства, то в его наставлениях наверняка делался бы акцент на те же качества. Только на сей раз применительно к законам актуальной социальной жизни. Иначе говоря, будущее, с точки зрения Бюффона и его сторонников - за деятельными, предприимчивыми, инициативными. Таковыми в то время были представители все более крепнущего класса буржуа. Бюффон, таким образом, достаточно емко отразил нравственную атмосферу своего времени, когда, действительно, благодаря предприимчивости и инициативе человек незнатного происхождения мог занять вполне солидное положение в обществе, перешагнув через традиционные сословные перегородки.

Интересно отметить, что выдающиеся деятели Просвещения обладали именно такой биографией. Следовательно, им по вкусу приходилась такая идеология, которая не только оправдывала их право на достойное социальное положение, но даже косвенно намекала на их **качественное превосходство** в сравнении с представителями знатных фамилий. Другими словами, эволюционизм как особое мировоззрение был вполне адекватен начавшимся эпохальным процессам по ломке традиционных социальных устоев. Это была эпоха, когда тон в повседневной жизни задавали люди нового типа - энергичные, инициативные и предприимчивые, с иронией относящиеся к прошлому как к чему-то косному и несовершенному. Эволюционизм, претендуя, ни больше, ни меньше, на роль новой религиозной доктрины, сполна оправдывал такую позицию. Предки сами по себе уже не придают человеку никакого достоинства. Ценность отдельной личности связывается не с благородством «породы» (как чего-то устойчивого и неизменного), а с ее реальными способностями к активному действию, благодаря которым потомок совсем не выдающихся родителей может стать величайшим гением. Данным принципам необходимо было придать универсальное значение, закрепить их в качестве неких безусловных законов, лежащих в основании бытия. Эволюционизм как раз удовлетворял данным требованиям и, собственно, был их прямым порождением.

Недаром Ламарк, вслед за Бюффоном, наделил своих воображаемых животных добродетелями людей нового типа. Вымышленные им звери и птицы, подобно новоявленным европейским буржуа, упорно следуют к «пределам развития». Они приспособляются к новым условиям, вырабатывают полезные привычки, «упражняют» органы. В этом - залог их процветания. «Развивающиеся» животные Ламарка - не более, чем метафорическое изображение новых социальных сил, их скрытая апология. И не важно, насколько понимал сам Ламарк подлинный источник своих эволюционистских оценок. Главное, что они ни в коей мере не отражают объективного положения вещей в

самой природе. Стремление к совершенству - **черта человеческая**. Это его **фундаментальное отличие** от животного, которое, выражаясь философски, ограничивается только удовлетворением своих физических потребностей. Учение Ламарка, таким образом, чем-то напоминает сказочный фольклор, где за образами животных скрываются реальные человеческие характеры. Но еще более захватывающую «философскую сказку» о животных сотворил Чарльз Дарвин, как истинный последователь Ламарка и одновременно истинный апологет новой морали.

Нет ничего удивительного в том, что эволюционизм одержал такую оглушительную победу именно в Англии - в стране, которая наиболее решительно встала на путь модернизации, заметно обгоняя в материально-техническом отношении те государства, что привычно сохраняли традиционный уклад. Соответственно, именно англичане охотнее всего распространяли те нравственные идеалы, что оправдывали новый образ жизни и новое отношение к действительности. Как подчеркивал Данилевский, теория Дарвина «есть учение чисто английское, включающее в себя не только все особенности направления английского ума, но и все свойства английского духа»⁴⁷.

Действительно, нет сомнений, что дарвинская теория и, в особенности, ее последующие интерпретации, отражают вполне определенные мировоззренческие штампы и нравственные ценности. Они в меньшей степени относятся к живой природе, а в большей - к современному обществу, вставшему на путь торгово-промышленного развития. В этом особенно убеждают нас характерные метафоры, которыми пестрят работы самого Дарвина, но в еще большей степени - работы его интерпретаторов и популяризаторов. Дарвинизм, по сути дела, неявно провозглашает идеологию **социальной модернизации**, выражая ее на языке естествознания в целях подкрепления авторитетом науки.

Интересно, что книга Дарвина о происхождении видов имеет очень красноречивый подзаголовок: «Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» («Preservation of favoured races in the struggle for life»). Английское слово «favoured» можно перевести и как «привилегированный» (советские переводчики, похоже, постеснялись обнажить столь ярко выраженный «классовый» оттенок в названии дарвинского труда). Зачем натуралисту, пишущему о «видах», понадобилось упоминать о «привилегированных расах»? Дело в том, что слово «раса» (английское «race») вполне можно применить и к **человеческому роду**. Это означает, что дарвинский Естественный отбор распространяется, помимо животных, еще и на людей, а если рассматривать вещи более объективно - то **исключительно на людей**. Просто Дарвин распространил на животный мир те отношения, что господствовали в современном ему обществе. И таким образом он подвел под эти отношения некий «естественнонаучный» базис. Согласно его теории, естественный отбор, жесткая конкуренция, подавление, а то и полное истребление «низших» или «отсталых» форм со стороны «высших», являются **нормальным и естественным состоянием** всех живых организмов, включая и человека. Борьба за жизнь, по Дарвину, дает шанс для избранных («привилегированных»), получивших от самой Природы (с большой буквы) некий «полезный признак», выжить в условиях непростой конкурентной борьбы и с полным правом заявить о своем превосходстве. Наверняка такая постановка вопроса диктовалась той социальной средой, в которой сформировалось мировоззрение автора «Происхождения видов».

Теория Дарвина имеет поразительные параллели с литературными произведениями знаменитых английских писателей. Самый яркий пример - известная во всем мире сказка Киплинга «Книга джунглей» о «человеческом детеныше» Маугли. Ее также с полным правом можно назвать «философской сказкой», имеющей чисто английские корни.

⁴⁷ Н.Я. Данилевский. Дарвинизм. Т.1, Часть 2. - С. 478.

Маугли, пожалуй, - это идеальный образец пресловутого self made man. Такой герой мог возникнуть только в воображении англичанина или родственного ему по духу американца. Маугли ведет в джунглях самую настоящую борьбу за выживание и благодаря наличию у него многих очень «полезных признаков», не только с успехом подавляет своих конкурентов, но и становится безусловным лидером.

Чем, собственно, мог быть навеян такой сюжет? Реальные факты похищения детей волками могли подсказать только тему сюжета, но сам сюжет отражает вполне конкретные и весьма характерные пристрастия автора. Дети, выросшие в волчьей стае, не обладают никакими человеческими способностями, включая и способность к прямохождению. Киплинг, похоже, имел в виду другую «волчью стаю» - дружное сообщество англичан, ведущих борьбу за расширение жизненного пространства своей «привилегированной» нации. «Человеческий детеныш» Маугли - это символ английского духа, стремящегося к мировой гегемонии, а джунгли - аллюзия на те условия, в которых этому духу приходится вызреть.

Чтобы понять психологию англичан, нужно принять во внимание особенности английской педагогики, основанной на пуританских нормах морали. В соответствии с протестантской этикой вообще, родителям не рекомендуется слишком любить детей. Согласно пуританским стандартам, ребенку надлежит пройти суровую школу выживания, в буквальном смысле этого слова. Такие составляющие традиционной христианской этики, как жалость и сострадание, в расчет здесь никогда не принимались. Наоборот, считались даже особо вредными. Практически каждый английский подросток помещался в такие жизненные условия, где мог рассчитывать только на собственные способности. Иначе говоря, ему приходилось бороться за себя как раз в такой социальной среде, что по своим показателям максимально приближалась к джунглям. Английская педагогика очень сильно дисциплинировала нацию, хотя и превращала ее в огромного зубастого хищника, циничного и беспощадного к другим народам.

Как известно, в Англии практиковалось обучение подростков в загородных частных школах. Поэтому каждому подростку рано или поздно приходилось покинуть родительский дом и отправиться в незнакомое место, где его обязательно ожидали тяжкие испытания. Достаточно почитать Диккенса, чтобы составить представление о характере этих испытаний. С одной стороны - неприкрытое самодурство учителя-садиста и его подручных, с другой - напряженная атмосфера во взаимоотношениях самих учеников. Практически любой персонаж из романов Диккенса мог бы найти свой точный аналог в сказке Киплинга. Сюжетная линия «Дэвида Копперфильда» или «Оливера Твиста» четко совпадает с сюжетной линией сказки Киплинга - о том, как брошенный родителями мальчик ведет борьбу за выживание в очень суровых и непростых условиях.

Дарвину, надо полагать, эта тема была так же близка, как и упомянутым литераторам, поскольку и он на собственном опыте ознакомился с английской «школой выживания». Отсюда понятно, почему «борьба за выживание» стала основным мотивом его произведения. Иначе говоря, Дарвин привычно спроецировал на живую природу ту шкалу ценностей, что утвердилась в английском обществе. Его отступление от научной объективности отчетливо выступает в том пункте, что «наиболее приспособленные» не только выживают, но и при этом опережают своих предков и «неприспособленных» конкурентов по уровню своей организации. Хотя Дарвин местами признается - ради уступки научной объективности, - что процесс приспособления может приводить и противоположным результатам (см. выше), главный пункт его теории остается неизменным. Он в любом случае настаивает на неуклонном повышении организации, поскольку эта идея соответствует основному замыслу его работы. Как ученый Дарвин,

безусловно, впадает в явное противоречие. Однако **как моралист** он рассуждает последовательно и логично. Ибо естественный отбор, сохраняющий более «прогрессивных», дает реально о себе знать не в природной, а именно в социальной среде. И этот фактор стал особенно актуальным как раз в ту эпоху, когда создавалась дарвинская теория.

Основное внимание в английских школах того времени уделяли закалке характера. В ученике больше всего ценились такие качества, как инициативность, целеустремленность, способность быть лидером. Как раз эти качества гарантировали молодому человеку достойное место под солнцем, поскольку были главными слагающими успеха в достижении практических целей. По таким критериям отбирались наилучшие, способные олицетворять облик всей английской нации. В противном случае Англия никогда бы не заняла лидирующего положения в мире. Поэтому в молодых людях, прежде всего в элитарных учебных заведениях, с самого начала старались стимулировать инициативность и стремление к лидерству, закрепляя тем самым необходимые «полезные признаки». Таким образом, дарвинский «Естественный отбор» вполне можно трактовать как аллюзию на методы английской педагогики. Именно в английской социальной среде приспособление тесно ассоциировалось с прогрессивным развитием. В целом же английское общество развивалось и подавляло конкурентов в точном соответствии с основными понятиями эволюционной теории.

Совершенно нет никаких сомнений, что победное шествие дарвинизма связано не с научной объективностью этого учения, а именно с его моральным подтекстом. Дарвинизм обосновывал беспощадную борьбу с прошлым и развязывал руки «новым людям». В таком качестве он был особо привлекателен для коммунистов. Известно, что учение Дарвина большевики утверждали не совсем академично, точнее сказать - совсем неакадемично. Сомневаться в истинности эволюционной теории в Советском Союзе было категорически запрещено. Научная объективность от подобного положения дел вряд ли могла выиграть, что только лишней раз подтверждает идеологическое содержание эволюционной теории. Парадоксальным же является то обстоятельство, что коммунисты по этому вопросу странным образом солидаризовались с западными либеральными теоретиками: отстаивали откровенно буржуазное учение, клеймя его противников как проводников реакционных сил. В чем причина такой идейной непоследовательности?

Прежде всего, необходимо учесть, что большевики осуществили в России радикальную модернизацию, которая, по замыслу, включала в себя приобщение к некоторым ценностям западного общества. Речь обычно идет о научных и технических достижениях. Однако это далеко не все. Большевики восприняли и ряд нравственных ценностей, характерных, прежде всего, для буржуазного общества. Презрительное отношение к традиционной религии, целенаправленная девальвация прошлого, нарочитая апелляция к разуму и прогрессу, установка на планомерное повышение материального благосостояния и комфорта - все эти «английские», типично буржуазные составляющие большевизма резко диссонировали с революционно-героическим пафосом дежурных пропагандистских деклараций. Данную антиномию, конечно, еще предстоит как-то философски осмыслить. Для нас же здесь интересна сама буржуазная компонента большевизма. Напомним, что именно большевики стремительно разрушили в России традиционный патриархальный уклад, и не только ради самого коммунизма, но и для преодоления экономического отставания от капиталистического Запада.

Может показаться странным, но как раз своей апологией индустриализма советская пропаганда навязывала обществу сугубо буржуазные нравственные идеалы. Возьмем, к примеру, известное восхваление труда. С одной стороны, происходила его героизация. Но

была и другая сторона: труд в своей прозаической повседневности воспринимался как неизбежная рутина, необходимая для процветания в **отдаленном будущем**. Интересно, что после победы большевизма в России резко сократилось число праздников. Примерно то же самое - на что еще обращал внимание Вернер Зомбарт - произошло в Западной Европе после победы буржуазии. И большевики, и капиталисты-протестанты не видели в праздниках того сакрального смысла, которым они наделялись в традиционном обществе. Для тех и других праздник устойчиво ассоциировался с **праздностью**, ценность же труда считалась безусловной. Это вполне по буржуазному. Патетические «слоганы» советской пропаганды, вроде брежневского: «нам раскачиваться некогда - делом надо заниматься» и тому подобное, неявно позаимствованы из обихода ранних буржуа. Ссылаться в таких случаях на банальный крестьянский практицизм также немыслимо: бешеный трудовой ритм и демонстрация непрерывной спешки (показные перевыполнения плана, намеренное ужесточение показателей и т.д.) никак не соответствуют размеренному и неторопливому распорядку типично крестьянской жизни. Только буржуазная этика могла оправдать возрастающий темп труда.

Таким образом, нет ничего удивительного и в заимствовании коммунистами типично буржуазного эволюционного учения. В конце концов, если классики марксизма опирались на английскую политэкономия, то почему нельзя было воспользоваться и идеями английского натуралиста Дарвина? Дарвин не более буржуазен, чем банкир Рикардо.

Теперь коснемся другого момента, не менее важного. Речь идет о своеобразном психологическом резонансе, повлиявшем на принятие эволюционизма. Выше было сказано, как сильно влияла английская педагогика с ее «школой выживания» на психологию и мыслительные стереотипы англичан, что в итоге отразилось и на характере научной теории. Но надо учитывать, что и русские революционеры, а равно и молодые советские граждане эпохи индустриализации проходили не менее суровую борьбу за жизнь. «Университеты» Горького, пожалуй, на порядок тяжелее загородной школы юного Диккенса. Обратим внимание, что в центре художественных произведений революционных советских авторов фигурирует одинокий целеустремленный деятель, вынужденный полагаться только на **собственные силы**. Это во многом соответствовало реальной биографии почти каждого сколько-нибудь значительного по своему статусу советского человека, как правило, выходца из сельских или городских низов. Можно ли было в таких условиях не вдохновиться эволюционистской риторикой - ведь если обезьяна **благодаря труду** превратилась в человека, то почему таким же образом безвестный выходец из крестьянской семьи не может стать **великим** человеком?

Как видим, в советском обществе были достаточно веские причины для принятия эволюционизма в качестве главной основы нового мировоззрения. Не только авторитет создателей марксистской философии, но и вполне конкретные социальные условия определили судьбу этой доктрины. Впрочем, то же самое справедливо не только для России, но и для других стран, где коммунизм одержал победу. Не удивительно, что эволюционное учение господствует теперь во всем мире. Ведь, как мы знаем, единственной серьезной альтернативой капитализму был все тот же коммунизм.

Тем не менее, критика дарвинизма постепенно набирает обороты не только на Западе, но и в нашей стране, мало-помалу формируя мыслящую аудиторию, отказавшуюся от слепого признания эволюционной теории в качестве «прогрессивного» учения. Возможно, мы становимся свидетелями общего кризиса тех ценностей (включая веру в разум и науку), что достались нам от эпохи Просвещения. В этом смысле отказ от эволюционистских догм еще не означает торжество здравого смысла и расстановки всего на свои места. Поэтому уделим несколько слов популярной критике эволюционной

теории, поскольку она также содержит свои слабые и довольно сомнительные места, предлагая не самый лучший вариант преодоления эволюционистских предрассудков.

Глава 11 **СОТВОРЕНИЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР**

Основная проблема для противников эволюционизма заключается в том, что данное учение в течение длительного времени критикуется с позиций так называемого научного креационизма. Научный креационизм, по сути, представляет разновидность современной протестантской апологии христианского учения. Благодаря популяризации протестантская критика эволюционного учения получила достаточно широкую известность. В результате именно научный креационизм стал рассматриваться как единственная альтернатива эволюционизму. В этом как раз и заключается упомянутая проблема, поскольку в самом научном креационизме содержится ряд сомнительных положений, имеющих весьма отдаленное отношение к науке (особенно в его популярных версиях).

Начнем с того, что основная задача научного креационизма – подтвердить истинность библейского учения ссылками на данные современной эмпирической науки – не имеет никакого отношения к задачам научного познания как такового. При некоторых натяжках такую задачу можно увязать с философией, представив научный креационизм в качестве некоей идеалистической философской доктрины (что фактически имеет место). В этом случае сомнения методологического и теоретического порядка будут преодолены. Хотя не исключено, что дискуссия может перенестись в теологическую плоскость, поскольку здесь неизбежно возникает вопрос о необходимости научной аргументации для подкрепления религиозной веры. Как известно, православное богословие подобных аргументов (за некоторыми исключениями, например, в трудах отца Павла Флоренского) избегает. Хотя научная апология как таковая вполне может ограничиться рамками философии, не затрагивая собственно теологических тем.

Это только один момент, хотя и очень важный. Второе сомнительное положение, затрагивающее фундаментальные философские принципы, касается отношения к Библии как к источнику знаний о природе и человеческой истории. Можно ли вообще содержание Священного Писания увязывать с научной рациональностью? Как известно, в рамках протестантской традиции, где широко распространена практика буквального толкования библейских текстов (в отличие от символического, принятого в православии), подобная увязка не воспринимается как нечто противоестественное. Однако такое отношение к Библии, как мы понимаем, безоговорочно выводит научный креационизм за рамки современной науки, поскольку, в соответствии с установленными стандартами последней, апелляция к Божественному откровению в научном познании исключена в принципе. По сути дела, протестантские креационисты возвращают нас к ситуации XVII века, во времена печально известного «дела Галилея». То есть, настаивая на данной позиции, одновременно выставляя свое учение как «научное» (в современном значении этого слова). В противном случае нам придется пересмотреть стандарты самой науки, однако в итоге мы перейдем уже к совершенно другой теме.

Надо сказать, что противники креационизма выдвигают весьма справедливые упреки своим оппонентам, отстаивая автономность научного знания от религиозного догматизма.

Речь идет не о том, что истины науки должны обязательно противоречить истинам веры (как иной раз полагают убежденные эволюционисты). Речь идет о том, что истинность научного утверждения не может устанавливаться путем его соотнесения с библейским текстом. Как заявлял еще Галилей, Библия учит не тому, как устроено Небо, а как попасть на Небо. Хотим мы того или нет, но по-другому наука состояться не может. Иными словами, совпадение научных утверждений с отдельными свидетельствами Священного Писания не должно быть предустановленным. В противном случае мы поставим под сомнение саму объективность ученых.

Кроме того, учтем и то обстоятельство, что ряд эмпирических данных, приводимых креационистами в пользу идеи Сотворения, получен объективно, независимо от апологетических целей. И это необходимо принять за норму.

По сути дела, упрек, выдвигаемый по адресу протестантских креационистов, можно с тем же правом адресовать и их противникам из числа эволюционистов. Ибо, вопреки утверждениям последних относительно того, что эволюция есть «научный факт», мы обнаруживаем ту же предвзятость в плане постановки исследовательских задач. Не имеет принципиального значения, доказательству какой идеи вы посвящаете научное исследование – идеи эволюции или идеи Сотворения. В любом случае научная объективность может быть поставлена под сомнение. Это в одинаковой степени характеризует как сторонников научного креационизма, так и их самых ярых оппонентов из эволюционистского лагеря.

Именно в силу сугубо идеологического противостояния достаточно продуктивная (с научной точки зрения) идея естественного отбора не получила достойного применения. С одной стороны, по причине того, что она стала использоваться дарвинистами для доказательств идеи эволюции. С другой стороны, она отбрасывалась креационистами в силу того, что стала прочно ассоциироваться с эволюционизмом. Однако, извлеченная из эволюционистского контекста (что вполне согласуется с принципиальными допущениями самого Дарвина), идея естественного отбора не только способна иметь важное теоретическое значение при обращении к наблюдаемым явлениям живой природы, но и без всяких противоречий вписаться в креационистский контекст, то есть найти полное согласие с идеей Сотворения.

Чтобы это правильно понять, необходимо обратиться к предыстории дарвинизма, к той интеллектуальной атмосфере, в которой зарождалось учение Дарвина о естественном отборе.

Как известно, в биологии борьба эволюционистов была направлена против линнеевского принципа неизменности видов. Как утверждал сам Линней (будучи убежденным креационистом), видов существует столько, сколько их было изначально сотворено Богом. То, что данное утверждение носит метафизический характер, спорить не приходится. Однако проблема в том, что если применять подобное суждение к эмпирической науке, то мы придем к серьезной логической ошибке. Дело в том, что научное понятие «вид» имеет достаточно условное значение. Параметры биологического вида как такового уточняются в науке до сих пор. Биологическая систематика (в чем должен был отдавать себе отчет сам Линней и его последователи) есть, прежде всего, порождение человеческого разума. Поэтому, если следовать линнеевскому суждению, Бог творил живые формы в точном соответствии с особенностями человеческого отображения реальности. Точнее, в соответствии с научной терминологией указанного периода. А это уже есть попытка придать абсолютное значение существующим понятиям и заслонить ими саму реальность. В этом, безусловно, чувствовался пережиток схоластического подхода.

Кроме того, сторонники Линнея рассуждали в духе механицистского мировоззрения, где Бог уподоблялся часовщику, а природа мыслилась как бездушный, управляемый извне агрегат. Современные протестантские креационисты, надо отметить, идут тем же путем, называя Бога не иначе, как Конструктором. Поэтому стремление эволюционистов найти источники изменений в самой природе в какой-то степени были реакцией на указанную крайность. Проблема в том, что эта реакция привела к другой крайности. Сейчас это рассматривается как необходимое преодоление религиозного догматизма. Однако в действительности речь может идти о противодействии определенным метафизическим принципам, выросшим на почве особого понимания христианского учения.

Если внимательно читать Библию, то даже при буквальном понимании священного текста не возникает никаких намеков на механицизм (последний, как известно, скорее вырос на почве возрожденческого платонизма с его «геометрическими принципами», но никак не на почве христианского вероучения). Возьмем только первую главу «Бытия», которую сторонники креационизма приводят в качестве обоснования своей позиции. «И сказал Бог: да **произрастит земля** (здесь и далее выделено мной – О.Н.) зелень, траву, сеющую семя по роду и подобию ее; и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И **произвела земля** зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее...» [Быт., 1, ст. 11 - 12]. Далее творение продолжается в том же духе: «И сказал Бог: да **произведет вода** пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И стало так. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых **произвела вода** по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И сказал Бог: да **произведет земля** душу живую по роду ее. Скотов и гадов, и зверей земных по роду их» [Быт., 1, ст. 20, 21, 24].

Из указанных строк следует, что в библейском контексте природа не выглядит бездушным, инертным агрегатом. Это расходится с общепринятой точкой зрения, будто христианское вероучение лишило природу духовного начала, сосредоточив внимание на трансцендентном Боге-творце. Можно привести строки из Нового завета, подтверждающие, что создатели христианского Священного Писания воспринимали природу как живое и деятельное начало. Так, в Откровении читаем: «И пустил змей из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою. Но **земля помогла жене**, и разверзла земля уста свои и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей» [Откр., 12, ст. 15 - 16].

Мы специально обращаемся к библейским текстам, а не к работам христианских богословов, поскольку для протестантских креационистов именно Библия выступает в качестве единственного непрекаемого авторитета. Как мы видим, даже используя буквалистский подход при трактовке вышеприведенных фрагментов Священного Писания, мы не получим ту метафизическую модель, согласно которой абсолютно трансцендентный Бог-творец противостоит абсолютно бездушной природе, лишенной всякого внутреннего источника движения. Строки первой главы Бытия недвусмысленно подчеркивают наличие **творческого начала** в самой природе, способной порождать живые существа в согласии с Божественным замыслом (в православии такое соучастие твари в творческом процессе, инициированном Богом, обозначается понятием «синергия»).

Таким образом, борьба с идеей неизменности видов, выдвинутой Линнеем, была, по существу, направлена не столько против «христианских пережитков» в естествознании, сколько против применения механицистских подходов к описанию живой природы. Однако, к сожалению, вопрос вышел за рамки собственно научной проблематики, перейдя

в мировоззренческую плоскость. Именно поэтому сторонники трансформизма (то есть изменчивости) увязали проблему видообразования с идеей самозарождения жизни и ее самостоятельного развития от простого к сложному (впоследствии этот процесс стал обозначаться термином «эволюция»). Если бы Дарвин ограничился исключительно проблемой естественного отбора – безотносительно к проблеме эволюции, он вряд ли бы заслужил репутацию ниспровергателя христианской веры.

К сожалению, произошло так, что дарвинская идея естественного отбора ассоциируется исключительно с эволюцией, хотя для этого нет никаких чисто теоретических оснований. Как было показано выше, связь прогрессивных эволюционных процессов с естественным отбором весьма условна, и выдвигается исключительно благодаря произвольным и довольно сомнительным экстраполяциям. Сам процесс видообразования, затронутый Дарвином, не имеет прямого отношения к ароморфозам (то есть прогрессивному усложнению организации) и в этом смысле не противоречит идее Сотворения. Еще раз подчеркнем, что понятие биологического вида относится к научному способу **описания** реальности, а потому утверждать, вслед за Линнеем, о том, что имело место сотворение «видов», некорректно.

Именно поэтому современные креационисты все чаще стали использовать понятие **основного типа**. В биологической систематике это понятие пока еще не прижилось. С точки зрения креационистов, «основной тип» соответствует библейскому «роду», в соответствии с которым («по роду их») происходило творение живых существ. Это есть некое отображение исходного божественного замысла. В пределах основного типа вполне возможны трансформации, исключая, правда, всякий ароморфоз. Иначе говоря, подобная трансформация всегда будет иметь определенные границы (что, кстати, вполне согласуется с законами генетики). Поэтому видообразование возможно, однако оно не имеет никакого отношения к эволюционному процессу. По мысли креационистов, основной тип, исходно заключающий в себе полноту генетического материала, может дать начало множеству новых видов, хотя существенных различий между ними не будет в принципе. То есть, рептилия никогда не превратится в птицу, однако некая конкретная ящерица может дать начало нескольким видам ящериц.

Привлекательность этой идеи в том, что она очень хорошо уживается с дарвинским учением о естественном отборе. В самом деле, видовое многообразие можно достаточно убедительно объяснить приспособлением животных к конкретным условиям среды в ходе борьбы за выживание. Однако только в том случае, если исключить идею прогрессивных изменений - в силу ее совершенно отвлеченного, спекулятивно-философского характера. Даже если следовать Дарвину, естественный отбор, вспомним еще раз, может привести к упрощению организации. Здесь мы моментально сталкиваемся с антиномией и вообще уходим в сторону от базовых методологических правил современного естествознания (хотя бы только потому, что из одной причины выводим диаметрально противоположные следствия). Если же вписать процесс видообразования в рамки основного типа, мы не только избежим подобных противоречий, но откроем новое направление в области исследований живой природы.

К сожалению, современные креационисты, категорически отвергающие эволюцию, избегают любой апелляции к учению Дарвина, поскольку последний является знаменем их идеологических противников. Надо полагать, что именно поэтому креационизм до сих пор остается на обочине естествознания, оставаясь на правах маргинального и даже одиозного учения. Причина заключается как раз в излишне демонстративном внимании к идеологии, нежели к собственно научным проблемам. Отсюда, судя по всему, использование совершенно неадекватного для науки дискурса (еще раз заметим, что

эволюционизм закрепился в естествознании благодаря терминологическим ухищрениям). Эволюционизм сдаст свои позиции креационизму только тогда, когда последний докажет преимущество своих методов и теоретических положений при решении чисто научных, а не мировоззренческих задач. Мировоззрение в данном случае гораздо уместнее и логичнее передать в ведение религии – без всяких ссылок на «научность».

Заключение

Почему эволюционная теория, несмотря на свои откровенно слабые места, продолжает удерживать свои позиции в науке, привлекая на свою сторону известных биологов, геологов, химиков, астрономов, археологов, историков и т.д.? Почему очевидная несостоятельность теории не производит должного воздействия на научное сообщество?

Дарвин, создавая свое учение, еще ничего не предполагал о новых научных открытиях, а потому отразил многие заблуждения XIX века. Кроме того, палеонтологи так и не обнаружили пресловутых «переходных форм», на что сам Дарвин возлагал большую надежду. Надежда не оправдалась. Но удивительное дело - эволюционная теория совершенно не пострадала и не вызвала в свой адрес никаких нареканий. Мало того, эволюционисты постоянно и настойчиво ищут новые аргументы для ее оправдания.

По всем признакам эволюционная теория обнаруживает черты псевдонауки. И, тем не менее, научное сообщество до сих пор старается этого всячески не замечать. Объяснить сложившуюся ситуацию можно только одним - субъективными пристрастиями самих ученых. Трудно отказаться от того, что привлекает вас именно в силу своей **иррациональной** составляющей. Как это ни парадоксально звучит, сила эволюционизма в его... научной несостоятельности. Учение о «теплороде» когда-то спокойно отбросили потому, что оно не выдержало конкуренции с кислородной теорией Лавуазье. Но теория эволюции не может конкурировать с другой теорией в принципе, ибо у нее другая сфера применения. Теория эволюции конкурирует с **христианским вероучением**, она есть порождение эпохи скепсиса, неверия и материализма. У нее свои особые культурно-исторические корни. Она рассчитана на современное сознание, способное с большим доверием принять наукообразную тавтологию, нежели Божественное Откровение. И она же является тем орудием, с помощью которого в современном обществе формируют именно такой тип сознания, для которого наукообразие неизменно ассоциируется с истиной. Современный человек признает дарвинскую обезьяну, поскольку не в состоянии признать христианского Адама. Но разве большинство ученых нашего времени не являются типично «современными» людьми? Разве их сознание формировалось иначе?

Давайте посмотрим, почему многие из нас верят в эволюцию. Возьмем советский опыт как наиболее нам близкий и понятный. Уже с четвертого класса советскому школьнику на уроках природоведения давали первые представления об эволюционном развитии жизни на земле. Советская школа целенаправленно - в духе идей Просвещения - формировала так называемое «научное мировоззрение». И потому уже с четвертого класса закладывала в сознание детей соответствующие взгляды на мир. Школьник - в свои десять-одиннадцать лет - получал эволюционные идеи как некое «откровение»⁴⁸. В таком возрасте от человека трудно ожидать какой-либо критической позиции. Тем более что в советских учебниках противоположные эволюционизму взгляды не излагались. О них

⁴⁸ Интересно в связи с этим отметить, что Джулиан Хаксли, один из представителей неodarвинизма, назвал учение об эволюции «откровением без религии».

только упоминали в уничижительно-ругательном контексте. То есть эволюционное учение преподносилось в качестве «передовой» и «подлинно научной» теории.

С пятого класса советский школьник получал уже более углубленные представления об эволюции. На уроках истории он узнавал о древнем обезьяноподобном предке современных людей, о питекантропах и неандертальцах, о первобытном человеке, изготавливавшем каменные орудия и одевавшимся в шкуры. Все это входило в стандартный курс по Древней истории. На уроках ботаники школьник узнавал об эволюции растений. В седьмом классе, на уроках зоологии, ему подробно излагали историю эволюционного развития животного мира. Там он и узнавал о кистеперых рыбах, однажды якобы вышедших на сушу, о пермских звероящерах и, конечно же, о динозаврах. Здесь же он получал сведения и о «предке» современных птиц - археоптериксе. К тому же классы изучаемых животных располагались в точном соответствии с эволюционной схемой - от «низших» инфузорий до «высших» приматов. И, наконец, в девятом и десятом классах на уроках по общей биологии знакомство с эволюционной теорией возобновлялось на более высоком, так сказать, уровне.

Кроме того, помимо школьных учебников, на сознание советского подростка обрушивался мощнейший шквал научно-популярной литературы, проводившей ту же мысль об эволюции. А кроме литературы - множество всевозможных теле- и радиопрограмм, красочных буклетов, открыток и т.д. Стоит ли удивляться, что сознание советского человека, изрядно обработанное со всех сторон, воспринимало эволюционное учение как непререкаемую истину, в которой было как-то нелепо сомневаться? Именно «нелепо». Любой выпад против идеи эволюции воспринимался как признак умопомрачения или, хуже того, «религиозного мракобесия».

А теперь посмотрим, что изменилось в наши дни. По существу - ничего. В школе так же преподают эволюционную теорию, а научно-популярной литературы на эту тему стало еще больше. Причем, существенно возрос технический уровень пропаганды эволюционизма. Свою лепту внесла высококачественная компьютерная графика. Если в советские времена в программе «В мире животных» вам просто показывали рисунок динозавра, то теперь телекомпания ВВС демонстрирует захватывающие сериалы об ископаемых монстрах и доисторических людях. Так создается своего рода «эффект реальности». На динозавров смотрят как на африканских слонов, полагая, что именно так все и было. Поэтому современный российский подросток или его европейский сверстник еще в большей степени свыкается с мыслью об эволюции, чем это было в случае с его родителями. Стоит ли говорить, что ему, чисто психологически, эмоционально, будет нелегко просто так расстаться со столь привычными представлениями?

Но ведь и современные ученые тоже были когда-то детьми и тоже подвергались соответствующим внушениям. Для них идея эволюции - такая же привычная истина, как для многих ученых позднего средневековья - идея Сотворения. Тем более что эволюционная теория, как было показано, никакого отношения к конкретным эмпирическим исследованиям не имеет. Именно в этом, подчеркнем еще раз, ее сила. Биолог, например, может исследовать живой организм, совершенно не думая о причинах его появления на Земле. Палеонтолог, восстанавливая скелет ископаемого, не озадачивает себя вопросом, «вымерло» ли это животное или же просто погибло в результате потопов. Он может верить в потоп или, наоборот, верить в эволюцию. Но эти вопросы его, как эмпирика, касаются в наименьшей степени. И если в школе и в университете ему внушили, что животные «вымирили», он вполне может придерживаться тех же взглядов, не утруждая себя глубокими размышлениями.

Эволюционная теория затрагивает мировоззренческие вопросы, которые наука может дополнительно подтвердить или без всякого умысла опровергнуть. Но эти вопросы никогда не ставятся в самой науке. И не ее задача подтверждать их или опровергать. Однако науку вполне можно **использовать** для этих целей - что эволюционная теория как раз и подтверждает на своем примере. Однако, используя науку в таком качестве, мы уже выступаем не с позиции профессионалов в той или иной области научного знания, а с позиции сознательных **личностей**, демонстрирующих как свое отношение к миру, так и свое отношение к истине. И здесь уже вступают в силу не профессиональные, а **моральные** оценки.

Мы понимаем, что нравственный облик человека не обязательно согласуется с его профессиональными достоинствами. Хороший хирург может быть добродетельным человеком, а может стать преступником. Но то же справедливо и в отношении ученых. Стремление к истине - это **не профессиональное**, а именно **моральное** качество. Мы часто путаем эти вещи. А потому считаем, что профессиональная репутация ученых делает их поддержку эволюционизма более весомой. Мы забываем, во-первых, что и ученый может заблуждаться, а во-вторых, ему, как и простому обывателю, также присуще «чисто человеческое» отношение к тем идеям, что не оказывают никакого влияния на его профессиональную деятельность. Если он занимается биологией, то здесь он действует как профессионал, но если он решил вступить за идею эволюции, он уже выступает просто как личность. Ибо для ученого, еще раз напомним, быть эволюционистом - это не профессия, это **нравственный выбор**.

Ламарк был хорошим натуралистом. Но он стал от имени научного естествознания утверждать такие вещи, которые даже современные эволюционисты считают чересчур наивными. Ламарку не нравилась теория Кювье. Он считал ее слишком христианской. Ламарк же был страстным поклонником Руссо, а, следовательно, противником «церковного мракобесия». И он решил, в ущерб научной объективности, совместить науку с модным тогда учением великого философа-моралиста. Его личные научные заслуги были тут совершенно ни при чем. Он мог быть и **плохим** натуралистом, но делать то же самое. Как эволюционист Ламарк был откровенно пристрастен, и это пристрастие было выше желания постичь истину.

Нельзя сказать, что в лице Ламарка всего лишь отразилась судьба отдельно взятого ученого, его жизненная драма. К сожалению, это была очень нездоровая тенденция, когда в угоду личным пристрастиям навсегда изгонялись не самые плохие теории. Так, победа эволюционизма, особенно после Дарвина, сопровождалась вытеснением теории катастроф. Это совсем непохоже на обычную смену «парадигм». Теория катастроф изгонялась из науки не потому, что она слишком плохо согласовывалась с фактами или что-то недостаточно хорошо объясняла. Она изгонялась, прежде всего, в угоду идеологическим догмам эволюционизма. Ее считали слишком «реакционной», слишком «церковной», слишком «христианской». Выводы катастрофистов совпадали с некоторыми положениями Библии, и это уже было достаточным основанием для того, чтобы объявить их теорию «ненаучной».

На самом деле теория катастроф покоилась на очень мощной эмпирической базе. Конкретные факты наглядно демонстрировали следы глобальных природных катаклизмов. Например, даже на вершинах высоких гор найдены донные морские отложения и многочисленные останки морских животных, включая кости акул, китов, всевозможные раковины. Все это было наглядным свидетельством в пользу всемирного потопы. И не нужно было читать Библию, чтобы прийти к такому выводу. Упоминание о всемирном потопе можно найти у Платона, не говоря уже о многочисленных преданиях

народов мира. Факты в пользу потопа приводил Аристотель, которого трудно обвинить в предвзятости и мракобесии. Однако с победой эволюционизма на эти факты старались вообще не обращать особого внимания. Это было сделано, конечно же, не в угоду научной объективности. Просто эволюционисты с самого начала сделали ставку на разоблачение христианства. Потоп нельзя было признавать именно потому, что его признает христианская религия.

В наши дни ученый, посмеявшийся высказаться в пользу теории катастроф, рискует испортить себе репутацию. Подобное обстоятельство само по себе касается человеческих отношений, но оно, к сожалению, непосредственно сказывается на состоянии современной науки. Ведь ученых буквально вынуждают слепо следовать отвлеченным догмам, выдаваемым за «научные истины». Мы не можем беспристрастно составить представление о прошлом планеты, поскольку нам заранее навязывают уже готовую схему, под которую необходимо подогнать весь эмпирический материал. В итоге палеонтолог, изучающий скопление костей мамонтов или динозавров, должен заключать о многовековом «вымирании» видов, хотя это противоречит даже простому здравому смыслу. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда готовая интерпретация предшествует фактам. Другим, не менее прискорбным обстоятельством является сознательное утаивание фактов в угоду все той же эволюционистской догмы. И все это, как будто в насмешку, преподносится от имени эмпирической науки.

Поразительно, что эволюционисты, выступавшие против «религиозного мракобесия», в настоящее время во многом уподобились своим антагонистам. Их отношение к фактам и неудобным теориям ничуть не отличается от поведения невежественных церковников прошлого, ставивших задачу любым способом сказать свое слово в пользу Священного Писания. Когда-то, найдя окаменевшие останки гигантской саламандры, церковники объявили их скелетом грешника, погибшего во время потопа. Лишь позже Кювье дал строго научное определение этой находке. Мнимый «грешник» оказался неразумной амфибией. Но разве эволюционистские «тупиковые ветви» и «переходные формы» не являются современным аналогом ненаучных церковных интерпретаций?

Когда нашли живого целаканта, палеонтологи-эволюционисты старались замолчать этот факт, либо сказать о нем заведомую ложь. Причина была в том, что настоящий целакант оказался не каким-то «промежуточным звеном», как поспешили в свое время заявить сторонники эволюции, а обычной рыбой, живущей к тому же на большой глубине. Расставаться же с псевдонаучной догмой совершенно не хотелось, потому что эта находка разрушала стройный образ эволюционного «древа жизни».

Данный пример только лишний раз подтверждает, что навязанная догма может оказаться намного сильнее научной объективности. И такой догмой является эволюционная теория. Поэтому избавление науки от эволюционизма означает избавление ее от противного всякому познанию псевдонаучного догматизма. Нелепо ожидать, как считает Поппер, будто эволюционистский миф станет продуктивной основой для подлинно научной теории. Нелепо потому, что эволюционная теория выполняет исключительно идеологические функции и искажает подлинный образ реальности в угоду совершенно ненаучным целям. Избавление от эволюционизма есть избавление от тех наивных представлений и ожиданий, что характеризовали эпоху Просвещения, названную Карлейлем «бумажным веком». И мы можем смело сказать, что эволюционизм морально устарел и в настоящее время совершенно неактуален. И яростная защита эволюционизма по сути своей вряд ли отличается от обычной церковной реакции. И если ученым удастся освободиться от этих окостеневших псевдонаучных догм, нас ожидает очередная научная революция и, возможно, новый всплеск интереса к научному познанию. Ученые, наконец,

снова получают то, без чего немыслима ни наука, ни исследовательский энтузиазм, - они получают Неизвестное. Теория эволюции выдала слишком большое количество уже надоевших «истин» и спрятала слишком большое количество тайн. Отказавшись от эволюционизма, ученые вновь окажутся перед лицом таинственного и необъяснимого. А ведь именно с этого начинается подлинное познание.

Библиографический список

1. Брук Дж. Х. Наука и религия: Историческая перспектива / Джон Хедли Брук. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. – 352 с.
2. Бюффто Э. От большого взрыва к Человеку разумному / Э. Бюффто. - М.: ТЕРРА, 1995. - 192 с.
3. Бэр К.М. История развития животных. В 2 т. / К. М. Бэр. - М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1950. - Т. 1. - 467 с., Т.2. - 627 с.
4. Варшавский А.С. В начале всех начал / А.С. Варшавский. - М.: «Детская литература», 1977. - 254 с.
5. Варшавский А.С. Человек ищет своих предков , А.С. Варшавский. - М.: «Детская литература», 1967. - 270 с.
6. Веденов М. Ф. Борьба Геккеля за материализм в биологии / М. Ф. Веденов.- М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1963. - 224 с.
7. Вологдин А.Г. Земля и жизнь / А.Г. Вологдин. - М.: «Недра», 1976. - 239 с.
8. Галл Я.М. Становление эволюционной теории Чарльза Дарвина / Я.М. Галл. - С-Пб.: «Наука», 1993. - 140 с.
9. Гангнус А.А. Через горы времени / А.А. Гангнус. - М.: «Мысль», 1973. - 175 с.
10. Геккель Э. Естественная история миротворения / Э. Геккель. - С-Пб.: Книгоиздательство «Мысль», 1908.
11. Геккель Э. Мировые загадки. Монизм и законы природы / Э. Геккель. - М.: ОГИЗ, Государственное антирелигиозное издательство, 1935. - 534 с.
12. Геккель Э. Борьба за свободу мысли. Лекции о происхождении человека / Э. Геккель. - С-Пб.: Издание «Вестника Знания» (В.В. Битнера), 1907. - 51 с.
13. Геккель Э. Основной биогенетический закон / Э. Геккель. - М. - Л.: Изд-во Акад. н. СССР, 1940. - 291 с.
14. Гексли Т.Г. О положении человека в ряду органических существ / Т.Г. Гексли. - С-Пб.: Издание Книжной Торговли Н. Тиблена, 1864. - 180 с.
15. Гексли Т.Г. О причинах явлений в органическом мире: шесть чтений, читанных рабочим / Т.Г. Гексли. - С-Пб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1897. - 146 с.
16. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер.- М.: «Наука», 1977. - 703 с.
17. Гиш Д. Ученые-креационисты отвечают своим критикам / Д. Гиш. – СПб.: «Библия для всех», 1995. – 301 с.
18. Головин С.Л. Эволюция мифа. Как человек стал обезьяной / С.Л. Головин. – Новосибирск: «Посох», 2000. – 109 с.
19. Горбань А.Н., Хлебопрос Р.Г. Демон Дарвина: идея оптимальности и естественный отбор / А.Н. Горбань, Р.Г. Хлебопрос. - М.: «Наука», 1988. - 208 с.
20. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я. Данилевского. В. 2 т. / Н.Я. Данилевский. - С-Пб., 1885. - Т. 1. Ч.1. - 519 с.(с прил.). Т. 1. Ч. 2. - 530 с. (с прил.).
21. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин. - Л.: Наука, 1991. - 539 с.

22. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. - М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1953. - 1040 с.
23. *Дарвин Ч.* Изменение животных и растений в домашнем состоянии / Ч. Дарвин. - М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1941. - 619 с.
24. *Дарвин Ч.* Избранные письма / М.: Изд-во иностр. лит., 1950. - 392 с.
25. *Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» / Ч. Дарвин. - М.: «Мысль», 1983. - 431 с.
26. *Дарвин Э.* Храм природы / Э. Дарвин. - М.-Л.: Изд-во Акад. н. СССР, 1960. - 260 с.
27. *Досократики* / Мн.: «Харвест», 1999. - 784 с.
28. *Ирвин У.* Обезьяны, ангелы и викторианцы. Дарвин, Гексли и эволюция / У. Ирвин. - М.: «Молодая гвардия», 1973. - 463 с.
29. *Кениг К.* Брат зверь: Человек и животные в мифах и эволюции / К. Кениг. - Калуга: «Духовное познание», 1997. - 296 с.
30. *Конт О.* Дух позитивной философии / О. Конт. - Ростов н/Д: «Феникс», 2003. - 256 с.
31. *Кун Т.* Структура научных революций / Т.Кун. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. - 365 с.
32. *Кювье Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара / Ж. Кювье.- М.-Л.: Биомедгиз, 1937. - 368 с.
33. *Лавуазье. Фарадей. Лайель. Чарльз Дарвин. Карл Бэр:* Биографические повествования. - Челябинск: Урал LTD, 1998. - 414 с.
34. *Ламарк Ж-Б.* Избранные произведения в двух томах / Ж-Б. Ламарк.- М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1955. - Т. 1. - 968 с.
35. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. - М.: «Мысль», 1978. - 623 с.
36. *Лосев А.Ф.* Бытие - имя - космос / А.Ф. Лосев. - М.: «Мысль», 1993. - 958 с.
37. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. - М.: «Мысль», 1993. - 959 с.
38. *Неймайр М.* Корни животного царства. Введение в науку о происхождении животных / М. Неймайр. - М., Сабашниковы, 1919. - 300 с.
39. *Носков О.Н.* Философская основа эволюционизма // Труды НГАСУ. - Н-ск.: НГАСУ, 2002. - Т. 5, вып. 4 (19). - С. 117 - 124.
40. *Носков О.Н.* Эволюционизм как псевдонаука: философский аспект проблемы // Труды НГАСУ. - Н-ск.: НГАСУ, 2003. - Т.6, вып. 1 (22). - С. 91 - 100.
41. *Носков О.Н.* Эволюционная картина мира как логическая трансформация традиционной мифологической космологии // Бытие и язык. Сб. статей по мат. Международной конференции. - Н-ск.: Новосибирское книжное издательство, 2004. - С. 128 - 135.
42. *Полкинхорн Дж.* Вера глазами физика / Джон Полкинхорн. - М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. - 228
43. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания / К.Р. Поппер. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. - 638 с.
44. *Романес Г.* Теория Ч. Дарвина и важнейшие из ее применений / Г. Романес. - М.: Тип. И.А. Баландина, 1899. - 365 с.
45. *Руцкий И.А., Прозорова М.И.* Чарльз Дарвин как образец ученого / И.А. Руцкий, М.И. Прозорова. - Воронеж: Воронежский гос. университет, 1988, - 37 с.
46. *Саган К.* Драконы Эдема / К. Саган. - М.: «Знание», 1991. - 256 с.
47. *Сафонов В.А.* Ламарк и Дарвин / В.А. Сафонов. - М.: «Молодая гвардия», 1930. - 80 с.
48. *Спенсер Г.* Основные начала / Г. Спенсер. - Киев - С-Пб. - Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Логансона, 1898. - 337 с.
49. *Стотт Ф.* Жизненно важные вопросы / Филипп Стотт. - СПб.: «Библия для всех», 1996. - 174 с.
50. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. - М.: «Наука», 1987. - 239 с.

51. *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда / П. Тейяр де Шарден. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. - 314 с.
52. *Тимирязев К.* Краткий очерк теории Дарвина / К. Тимирязев. - М.: Сельхозгиз, 1949. - 159 с.
53. *Уолтерс А.* Обновленное творение / Альберт Уолтерс. – Киев – Санкт-Петербург: Центр просветительских программ Международной ассоциации христианских школ, 2002. – 106 с.
54. *Хайнц Т.* Творение или эволюция? / Т. Хайнц. - Чикаго: Slavic Gospel Press, 1990. - 160 с.
55. *Хаммель Ч.* Дело Галилея. Есть ли точки соприкосновения науки и богословия? / Чарльз Хаммель. – М.: «Триада», 2001. – 359 с.
56. *Хобринк Б.* Эволюция. Яйцо без курицы / Б. Хобринк. - М.: «Мартис», 1993. - 109 с.
57. *Хьютон Дж.* Играет ли Бог в кости? / Джон Хьютон. – М.: «Триада», 1998. – 127 с.
58. *Шмальгаузен И.И.* Происхождение наземных позвоночных / И.И. Шмальгаузен. – М.: «Наука», 1964. – 272 с.
59. *Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора / И.И. Шмальгаузен. – М.: «Наука», 1968. – 451 с.
60. *Элиаде М.* Священное и мирское / М. Элиаде. - М.: Изд-во Московского университета, 1994. - 144 с.
61. *Элиаде М.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре / М. Элиаде. - Киев: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002. - 224 с.